

ИНДИЙСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ИНДИЙСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

МОСКВА
СОВРЕМЕННЫЙ ПИСАТЕЛЬ
1993

ББК 84.5 Инд
И 60

Художник
Татьяна ДОБРОВИНСКАЯ-ВЛАДИМИРОВА

И $\frac{4703020100 — 096}{083 (02) — 93}$ КБ —2—38—92

ISBN 5—265—02751—3

ЦАРЕВНА МИРЧА[1]

Жил в лесу соловей и пел целыми днями. Слушала его жена, слушала всегда, но вот однажды сказала:

— Милый муж мой! Ты поешь прекрасно, но мне так хотелось бы поесть зеленого перца!

Полетел соловей искать зеленый перец. Летел, летел, во все сады и огороды заглянул, но нигде не смог найти ни стручка. На одних кустах цвели крошечные белые цветы, точно звездочки, на других висел совсем спелый красный перец, а стручков не было.

Наконец, прилетел соловей в сад, окруженный высокой стеной; видит — посреди сада растет куст с блестящими зелеными листьями, а в листве прячется громадный стручок, зеленый, как изумруд.

Соловей тотчас полетел к жене порадовать ее вестью о своей находке; потом полетели они вместе в сад, и соловьиха стала клевать зеленый перец.

А сад принадлежал одному доброму джинну[2].

Этот джинн либо спал двенадцать лет подряд, либо двенадцать лет бодрствовал. Теперь он как раз спал и потому не подозревал о том, что творится в его саду.

Соловьиха клевала зеленый перец, пока не насытилась, затем положила зеленое, как изумруд, яйцо и улетела с соловьем.

Проснулся джинн, пошел осматривать сад, видит — его любимый перец весь исклеван, а кто его исклевал — неизвестно. Искал он, искал виновника, не на-

---

[1] Мирча — перец.

[2] Джинн — добрый или злой дух.

шел и вдруг увидел изумрудное яйцо. Взял его джинн, завернул в мягкую хлопчатую бумагу и положил на полочку в стенной нише. Долго он горевал о своем зеленом перце, но горю помочь не мог. И вот однажды он подошел к стене и видит — зеленое яйцо пропало, а на полке сидит прелестная, крошечная девочка; вся одежда на ней зеленая, а на шее — зеленый изумруд, точь-в-точь стручок перца. Джинн очень любил детей. Он ласково спросил девочку, как ее зовут, и она ответила:

— Царевна Мирча.

И стала жить царевна Мирча в саду у доброго джинна.

Время летело; двенадцать лет бодрствовал джинн, и вот пришла ему пора заснуть на двенадцать лет. Джинн очень беспокоился о царевне Мирче. «Что будет с ней, когда я засну», — думал он и не знал, что придумать.

Случилось тут, что мимо сада проезжал царь со своим визирем. Перебрались они через стену и у первого куста нашли царевну Мирчу. Очень она приглянулась царю, и стал он ее просить выйти за него замуж, но она сказала:

— Об этом ты должен просить джинна. Только вот беда: он иногда ест людей.

Однако царь так горячо стал ее упрашивать и был он такой красивый и добрый, что царевна сжалилась над ним и сказала:

— Подожди, спрячься в саду, а я поговорю с джинном.

Подошел к ней джинн и говорит:

— Что-то здесь человеческим духом пахнет.

Царевна стала его успокаивать.

— Я здесь одна, — говорит, — если тебе хочется человека съесть, придется тебе съесть меня.

— Что ты, — сказал джинн, — да я скорее кирпич с известкой есть буду!

И стала тогда царевна с ним говорить о том, как ей быть и что делать, когда он заснет на двенадцать лет. Смутился джинн и сказал, что самое лучшее было бы выдать ее замуж. Но где найти мужа, достойного такой красавицы? Тогда царевна Мирча взяла с джинна обещание выдать ее замуж, как только найдется жених–царь, притом красавец. Джинн обещал: он и не подозревал, что у нее уже есть на примете жених. И вот захлопала царевна Мирча в ладоши, и царь вышел из чащи, а джинн смотрел на них и не знал, кто из двух красивее: царевна или царь. И, как ни жаль ему было расставаться с Мирчей, выдал он ее замуж.

Повез царь царевну в свое царство. А джинн так затосковал, что не выдержал: обернулся голубем и полетел за своей царевной. Видит — едет она, счастливая, с мужем разговаривает... Вернулся джинн домой, но недолго оставался дома — обернулся соколом и полетел за своей изумрудной царевной. Видит — она по–прежнему едет, счастливая, с мужем. Довольный, полетел джинн обратно. Но опять не вытерпел, обернулся орлом и стремглав полетел за царевной. Видит — входит она, радостная, во дворец со своим милым мужем. Тут джинн успокоился, лег и заснул.

Царь горячо любил свою красавицу жену, только о ней и думал. Вскоре у них родился прекрасный маленький царевич. Но женщины во дворце завидовали молодой царице и искали случая ее погубить.

Каждую ночь приходили они к спальне царицы и шептали у дверей, чтобы узнать, спит ли она. Они говорили:

— Весь мир спит, а царица Мирча не спит.

Изумрудный стручок, что висел у царицы на шее, был волшебным и всегда говорил правду. И потому стручок каждый раз так отзывался на слова женщин:

— Нет, царица Мирча спит, а люди не спят.

Злые женщины тотчас уходили, — ведь они знали: пока изумрудный стручок у царицы на шее, никто не может причинить ей зло.

Но вот однажды царица пошла купаться и забыла волшебный стручок в купальне. Злые женщины пришли и опять начали шептать у дверей:

— Весь мир спит, а царица Мирча не спит.

А правдивый волшебный стручок, как всегда, откликнулся:

— Нет, царица Мирча спит, а люди не спят.

Но голос его донесся не из спальни, а из купальни.

Поняли злые женщины, что царица осталась без своего покровителя — волшебного стручка, тихонько, на цыпочках, вошли в комнату, убили царевича в люльке и вымазали его кровью лицо царицы.

Утром рано они прибежали к царю, привели его в комнату царицы, показали убитого царевича и кровь на лице матери и сказали, что она людоедка и хотела съесть ребенка.

Посмотрел царь на убитого сына и поверил злым женщинам. Как ни любил он свою жену, а велел казнить ее. Так и сделали.

Но когда царицу убили, тело ее превратилось в высокую белую мраморную стену, глаза — в два пруда чистой прозрачной воды, зеленый плащ — в лужайку, покрытую зеленой травой, ее волосы стали вьющимися растениями и оплели всю стену, алые губы расцвели алыми розами, а белые зубы — белыми нарциссами. А душа ее превратилась в двух птиц — Чаква и Чакви, что все перекликаются, но никак не могут перелететь через воду друг к другу — и только кличут:

— Чаква, прийти мне?

— Нет, Чакви.

— Чакви, прийти мне?

— Нет, Чаква.

Так обе птицы плавали, каждая в своем пруду у стены, и перекликались и плакали о горькой судьбе бедной царицы.

А царь все тосковал по убитой жене. Однажды он выехал на охоту и вдруг увидел белую стену с вьющимися растениями, а за ней и розы, и нарциссы, и пруды с птицами, и зеленую траву. Прилег царь на траве и слышит, как птицы перекликаются и оплакивают судьбу несчастной царицы. Понял тогда царь, что царица Мирча была невиновна. И стал он слушать, что говорят птицы.

— Неужели не может ожить она? — сказала Чакви.

А Чаква ответила:

— В нас душа царицы, и если царь возьмет наши головы, прижмет их одна к другой и сразу отрубит обе, то царица оживет. А если царь не сумеет сделать этого и одна из нас умрет раньше, то и мы погибнем, и царица не оживет.

Царь сделал, как сказали птицы, и царица Мирча встала перед ним живая, с сыном на руках. Но все осталось, как было: и стена, и растения, и пруды с птицами, и трава, и розы, и нарциссы.

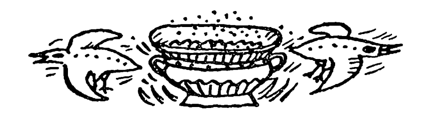
Стал царь звать царицу домой и обещал наказать злых женщин, но царица не захотела возвращаться. Она сказала, что хочет остаться за белой стеной, у прудов, среди роз и нарциссов — там, куда не придут никакие завистники и завистницы.

В то мгновение проснулся джинн, услышал слова царицы и сказал:

— Да, пусть будет по-твоему.

И тотчас построил за белой стеной волшебный дворец для Мирчи, ее мужа и сына, и все они жили там счастливо.

НАКАЗАНИЕ РАДЖИ ХАРИЧАНДА

Жил некогда великий раджа по имени Харичанд. Каждое утро, раньше чем выкупаться и поесть, он раздавал неимущим сто мер золота — и делал это во имя бога.

— Бог дал и дает мне все, что я имею, — говорил он, — вот я каждый день и раздаю это золото во имя его.

Бог услыхал о том, какой добрый человек раджа Харичанд и как он любит бога, и решил сойти на землю — посмотреть, правда ли то, что говорят о радже Харичанде. Он принял вид нищего факира и стал у дворцовых ворот. Раджа в тот день уже роздал сто мер золота; он вернулся во дворец, выкупался и поел, и поэтому, когда слуги доложили, что у ворот стоит факир, он велел передать ему: пусть приходит завтра, ибо раджа уже выкупался, поел и не может его принять.

Бог ушел и вернулся на другой день, но опять тогда, когда золото было уже роздано и раджа ушел в свои покои. Поэтому Харичанд приказал слугам:

— Скажите факиру, чтобы он пришел завтра: сегодня он опять опоздал.

На третий день бог пришел вновь — и опять поздно: раджа уже ушел.

Рассердился Харичанд:

— Что это за факир, который всегда приходит поздно? Спросите, чего ему надо?

Пошли слуги к факиру и сказали:

— Раджа Харичанд спрашивает, чего тебе надо?

— Мне не нужно денег, — сказал бог, — мне нужно только, чтобы раджа отдал мне свою жену.

Когда слуги сказали радже, чего хочет факир, Харичанд разгневался, пошел к жене своей, рани[1] Бахан, и сказал ей:

— У ворот стоит факир и хочет, чтобы я отдал ему тебя. Разве могу я это сделать? Подумать только — отдать тебя, мою жену!

Рани была умная женщина; она постоянно читала одну редкую и мудрую книгу, и книга эта говорила ей обо всем. Потому она знала, что факир — не факир, а бог. Эту мудрую книгу — ту, что читала рани, — и в те времена умели читать всего два человека из тысячи, а теперь никто не может ее прочесть. Рани сказала радже Харичанду:

— Пойди к факиру и скажи ему: «Ты получишь мою жену, не беспокойся». Ему довольно будет одного обещания.

— Нет, этого я не сделаю, — сказал раджа.

И как ни просила его рани, он не соглашался сказать факиру: «Я отдам тебе жену». Больше того, он велел побить факира и прогнать его. Так и сделали.

Бог вернулся к себе и позвал двух ангелов.

— Обратитесь в людей, — приказал он, — и ступайте к радже Харичанду. Скажите ему: «Бог послал нас к тебе; он велит спросить, что ты предпочитаешь: двенадцать лет голоду без дождя или страшный дождь, что будет идти двенадцать часов?»

Ангелы пришли к радже и сказали, как им велел бог. Харичанд долго думал о том, что ему выбрать. «Если пойдет страшный дождь, — думал он, — то он затопит всю страну и все унесет с собой. У меня много золота, так много, что в случае голода я могу послать людей в другие страны и купить хлеба для всех

---

[1] Рани — царица.

жителей моей страны и для себя». И потому раджа Харичанд ответил ангелам:

— Я выбираю голод.

Тогда ангелы прошли во дворец, и как только они ступили на порог, все живое, что было во дворце, стало камнем — и быки, и коровы, и лошади, и все другие животные, и все слуги, и все придворные. Все окаменело во дворце, кроме золота и серебра, — они превратились в уголь. И только раджа Харичанд и рани Бахан не окаменели.

Ангелы сказали им:

— В течение трех недель вы не сможете ничего есть. Если вы даже найдете пищу за это время или вам дадут ее, все равно вы не сможете ее съесть. Однако не умрете, останетесь живы.

И ангелы исчезли.

Опечалился Харичанд, когда увидел, что и люди и вещи окаменели в его дворце, а золото и серебро стали углем. И сказал он жене:

— Я не могу оставаться здесь. Пойдем в другую страну. Я был великим раджей, как же мне просить у своих подданных хлеба? Оденемся факирами и пойдем в другую страну.

Надели они одежду факиров и вышли из дворца. Пошли лесом и увидели сливу, покрытую плодами.

— Нарви мне слив, — сказала рани, — я очень голодна.

Раджа протянул руку к сливам, чтобы нарвать их для рани, но сливы вдруг снялись с веток и поднялись в воздух. Как только Харичанд опустил руку, сливы вернулись на место. Три раза пробовал он сорвать сливы, но ни разу ему это не удалось.

Пошли они дальше. Шли, шли, наконец пришли в другую страну и там среди равнины увидели озеро, в котором люди ловили рыбу. Рани сказала мужу:

— Пойди попроси у этих людей немного рыбы, я очень голодна.

Пошел раджа к тем людям и сказал:

— Я факир, и денег у меня нет. Дайте мне немного рыбы, я четыре дня не ел, я голоден.

Они дали рыбы Харичанду, и он пошел с женой к другому озеру, где рани вымыла рыбу, вычистила и приготовилась варить ее.

Тут рани сказала мужу:

— Мне не в чем варить рыбу. Пойди в город и попроси у кого-нибудь горшок с крышкой и хоть щепотку соли.

Пошел раджа в город, и кто-то на базаре дал ему горшок, а один купец положил туда соли. Вернулся он к рани, разожгли они огонь под деревом, положили рыбу в горшок, а горшок поставили на огонь. Тогда Харичанд сказал:

— Я несколько дней не купался. Пойду выкупаюсь, а ты пока свари рыбу, и когда я вернусь, мы поедим.

Пока он купался, рани варила рыбу; и подумала рани: «Надо снять крышку с горшка, а то рыба не вкусна будет».

Но как только она сняла крышку, рыбы выпрыгнули из горшка в озеро и уплыли. Опечалилась рани, но решила скрыть это от мужа. Когда он вернулся и сказал: «Теперь поедим рыбы», — рани ответила:

— Я четыре дня не ела и потому была очень голодна. Я съела всю рыбу.

— Ничего, — сказал раджа Харичанд, — не беда.

Пошли они дальше и на другой день пришли в лес, где увидели двух голубей. Раджа сделал себе лук и стрелы и подстрелил голубей, потом ощипал их и очистил. Разожгли огонь и поставили на огонь горшок с голубями.

— Теперь моя очередь купаться, — сказала рани, —

я не купалась несколько дней. Когда я вернусь, мы съедим голубей.

Пошла она купаться, а раджа остался у огня. Подумал раджа: «Если не снять крышки, голуби не вкусны будут». Снял он крышку, а голуби вспорхнули и улетели. Тут Харичанд понял, что сталось вчера с рыбами. Когда рани вернулась, раджа сказал ей:

— Я съел голубей так, как ты вчера съела рыб.

Тут рани поняла, что раджа догадался о том, что случилось вчера.

Опять пошли они дальше, и вспомнил раджа Харичанд о торговце маслом, богаче Ганге Тели.

— Пойдем к Ганге Тели, — сказала рани, — он примет нас.

До дома Ганги Тели путь был далекий. Когда супруги пришли к нему, он тотчас узнал их и спросил, что с ними и почему они в рубище нищих.

— Божья воля, — ответили раджа и рани.

А Ганга Тели, торговец маслом, решил, что не стоит о них заботиться, раз бог лишил их своего покровительства. Отвел он им грязный угол для жилья, дал никуда не годную постель, а пищу такую, что они и в рот ее взять не могли.

— Пока мы были могущественны и богаты, он принимал нас гостеприимно и с почетом, а теперь повел себя иначе, — говорили супруги. — Нельзя нам здесь оставаться.

Печальные, побрели они прочь. Шли целую неделю голодные, пока не пришли в другую страну, где царствовал друг их, царь Бходжа. Он ласково принял Харичанда и Бахан и спросил, почему они в таком виде.

— Божья воля, — ответили они.

Поместил их царь Бходжа во дворце и велел подать самый лучший обед. Слуги приготовили и принесли его. Но как только раджа и рани принялись за

еду, она оказалась полной червей, и они не могли ее есть. Ничего не сказали они, помолились богу и зарыли еду в землю.

Дочь царя Бходжа оставила в одной из комнат, где жили раджа Харичанд и его жена, золотое ожерелье. Оно висело на стене. Ночью рани Бахан не могла спать; и вот она увидела, как стена дала трещину, золотое ожерелье исчезло в стене и трещина закрылась. Рани тотчас разбудила мужа и рассказала ему о том, что видела.

— Лучше нам уйти, — сказал Харичанд, — а то царь Бходжа не найдет утром ожерелья и подумает, что мы его украли. Бесполезно будет ломать стену, чтобы найти ожерелье.

Раджа и рани встали и ушли, и когда царь Бходжа узнал, что ожерелье исчезло, он решил, что взяли его они.

Опять пошли странствовать раджа Харичанд и рани Бахан и пришли в царство друга своего, царя Наля, но им стыдно было показаться у него во дворце. Три недели, о которых говорили ангелы, почти прошли; оставалось всего два дня до срока, и рани сказала:

— Через два дня мы сможем есть. Пойди в лес, нарви травы и продай ее на базаре. Так мы получим несколько монет и сможем купить себе пищи.

Раджа пошел в лес. Но серпа у него не было, и он рвал траву руками. Проработал он полдня и продал траву за несколько монет. На вырученные деньги купил пищи. Помолились раджа и рани богу, сварили пищу и, так как три недели уже прошло, смогли съесть ее.

И остались они жить в стране царя Наля, в хижинке у базара. Каждый день раджа Харичанд ходил рвать траву и продавал ее на базаре. Этим они и питались. А рани каждый день откладывала по одной или по

две монеты, и через два года супруги смогли купить серп. Тогда раджа стал добывать больше травы, и рани накупила на базаре пестрых шелков.

Пока раджа собирал траву, рани из шелков изготовляла части лошадиной сбруи. Прошло четыре года, рани изготовила сбрую на четырех лошадей и понесла ее во дворец царя Наля. Сбруя так всем понравилась, что ее понесли показать царю. Тот сейчас же спросил:

— Откуда это у вас? Так работать умеет только рани Бахан.

— Принесла это все во дворец какая-то бедная женщина, — ответили ему.

— Приведите ее ко мне, — сказал царь.

Рани привели; она увидела царя Наля и заплакала.

Царь удивился и спросил:

— Что с тобой, рани? Почему ты в таком виде?

— Божья воля, — ответила рани.

— А где твой муж?

— Он собирает траву в лесу.

Тотчас царь Наль послал слуг своих в лес и велел им привести раджу Хариченда. Увидел Харичанд царских слуг и смутился. Но слуги немедленно повели его во дворец. Царь Наль заплакал, когда увидел своего старого друга оборванным нищим.

— Как это случилось? — спросил он.

— Божья воля, — ответил Харичанд.

Царь Наль тотчас позаботился о своих друзьях: отвел им дворец, одел в прекрасные одежды, велел готовить для них лучшую пищу. Он сам присмотрел за тем, чтобы все было в порядке, и сказал:

— Сегодня мы пообедаем вместе, так, как обедали в прежние времена, когда я бывал у вас в гостях.

— Все будет, как ты пожелаешь, — ответила рани, а сама подумала: «Наверное, с нами случится какое-

нибудь страшное несчастье. Царь так добр к нам, и все так хорошо теперь, что быть беде». Она все приготовила, за всем присмотрела и помолилась богу, чтобы он был милостив к ней и к ее мужу. Обед прошел благополучно, и потом они счастливо прожили четыре с половиной года у царя Наля, и ничего худого с ними не случилось.

А в стране раджи Харичанда крестьяне все эти годы продолжали пахать и боронить землю, хотя не было ни капли дождя и земля была твердая и сухая. Однажды бог Махадео захотел пройтись по земле и зашел в ту страну. Подивился Махадео работе крестьян и спросил их:

— Зачем вы пашете и бороните? Ведь дождя нет.

— Верно, — сказали крестьяне, — но если бы мы не пахали и не боронили, мы забыли бы, как надо работать.

Они и не знали, что с ними говорит бог Махадео, потому что он выглядел как простой человек. «А ведь они говорят правильно, — подумал Махадео. — Вот и я, если не буду трубить в свой рог — разучусь трубить». Взял он свой рог, — а рог у него такой же, как у отшельников, — и начал в него трубить. А нужно помнить, что когда раджа Харичанд выбрал двенадцатилетний голод, то бог сказал:

— Дождь не пойдет в стране раджи Харичанда, пока Махадео не придет и не протрубит в свой рог.

Но Махадео совсем забыл об этом божьем повелении и протрубил, когда прошло только десять с половиной лет.

Как только Махадео затрубил, пошел дождь и все в стране стало таким, каким было раньше, до голода. И во дворце все стало по-прежнему: ожили мужчины и женщины, ожили животные, а серебро и золото перестали быть углем и превратились в серебро и золо-

то. Бог не гневался на Махадео за то, что тот забыл, что голод должен длиться двенадцать лет, а дождь — выпасть только тогда, когда Махадео затрубит в свой рог.

— Не беда, что Махадео захотелось протрубить в свой рог, когда до конца голода осталось еще восемнадцать месяцев, — сказал бог.

Как только крестьяне, которые ушли в другие страны, узнали, что пошел дождь, все они вернулись в страну раджи Харичанда.

Но вот рани Бахан увидела сон: пришел к ней ангел и сказал:

— Следует тебе и радже Харичанду вернуться домой.

Рани рассказала свой сон мужу. Тогда царь Наль дал им коней, слонов и верблюдов, и они отправились в свое царство. Там они увидели, что все в их царстве осталось по-старому, и зажили счастливо. Тогда рани Бахан сказала радже Харичанду:

— Если бы ты поступил, как я тебе советовала и согласился обещать меня факиру, всех этих бед не случилось бы.

Затем они навестили царя Бходжу, и их положили спать в ту самую комнату, где они ночевали, когда были факирами. И вот ночью они увидели, как трещина в стене раскрылась и из нее вышло золотое ожерелье и повисло на прежнем крюке, а трещина закрылась. Наутро они показали царю Бходже ожерелье, рассказали обо всем, что было когда-то и что произошло в эту ночь, и добавили:

— Вот из-за этого-то ожерелья мы от тебя и убежали.

А к Ганге Тели раджа Харичанд и рани Бахан больше никогда не ездили.

ГОРОШИНА И БОБОК

Жили некогда две сестры. Старшая, Бобок, была сварливая и сердитая, а младшая, Горошина, добрая и ласковая.

Вот как-то раз Горошина сказала сестре:

— Сестрица Бобок, не пойти ли нам навестить нашего старика отца! Он один в своем доме и, верно, скучает, — теперь ведь жнитво идет.

— А мне какое дело до него? — ответила Бобок. — Иди сама. Стану я ради старика по жаре тащиться.

Отправилась тогда добрая Горошина одна и по дороге увидела сливу. Дерево окликнуло ее:

— Горошина, остановись, милая, почисти немного мои шипы, а то мне очень нехорошо.

Остановилась Горошина и почистила дерево.

Пошла она дальше и набрела на огонь. Огонь сказал ей:

— Горошина, милая, очисти меня! Совсем задушила меня зола.

— И правда! — откликнулась Горошина.

Тотчас расчистила огонь, и он радостно затрещал опять.

Дальше встретилось ей дерево с поломанным суком; и попросило дерево:

— Горошина, родимая, подвяжи сучок, а то он отломится и я его потеряю.

— Бедный сучок, бедный сучок, — сказала жалост-

ливая Горошина. Оторвала кусок своего покрывала и осторожно подвязала сучок.

Шла она, шла, видит — навстречу ей течет ручей.

— Горошина, Горошина, — зашумел ручей, — пожалуйста, отгреби песок и сухие листья, а то я совсем течь не могу.

— Правда, негде тебе течь, — сказала Горошина и тотчас расчистила русло.

Весело зажурчал опять ручей и побежал дальше.

Пришла, наконец, Горошина к отцу, очень усталая. Но отец так ей обрадовался, что она и про усталость забыла. Отпустил ее отец только на другой день, но сначала надарил ей всякого добра, точно невесте, когда ее замуж отдают: и прялку подарил, и буйвола, и несколько медных горшков, и постель, — словом, много всякого добра. Взвалила она вещи на буйвола и отправилась домой.

Проходит Горошина мимо ручья и видит — по воде плывет красивая ткань.

— Бери ее, Горошина, — зажурчал ручей. — Это я для тебя принес, в благодарность за ласку.

Поймала Горошина ткань и положила на буйвола.

Пошла дальше, видит — стоит дерево на дороге, а с ветки его свесилась нитка жемчуга. Зашуршало дерево листьями и говорит:

— Возьми, Горошина, это я для тебя снял с головы царевны. Спасибо тебе за твою доброту.

Взяла Горошина нитку жемчуга и обвила вокруг шеи, — очень ей понравились жемчужины.

И вот пришла Горошина к огню, а огонь трещал весело, и около него лежал горячий сладкий пирожок!

— Возьми себе пирожок, Горошина, — сказал огонь, — я испек его хорошо. Покушай. Спасибо тебе за ласку.

Взяла Горошина пирожок, разломила пополам, —

один кусок отложила для сестры, а другой стала есть на ходу.

Наконец, пришла она к сливе, видит — ветки погнулись, висят низко и все покрыты темными сливами.

— Нарви побольше, Горошина, нарви побольше, — сказало дерево. — Сливы мои торопились созреть, чтобы сказать тебе спасибо.

Набрала Горошина много слив, часть отложила для сестры, а другие съела сама. Пришла она домой, а дома Бобок, вместо того чтобы порадоваться за сестру, чуть не заплакала от зависти и злости. Она так рассердилась, что Горошине уже не милы стали подарки и она посоветовала сестре скорее пойти к отцу — авось и ей счастье привалит.

Наутро жадная сестра Бобок отправилась к отцу, в надежде что-нибудь от него получить. Как подошла она к сливе, слива ее окликнула:

— Бобок, постой! Будь добра, почисти мои шипы.

— Вот еще! — ответила Бобок. — Пока я буду тебя чистить, много времени уйдет. Чисти себя сама.

Как дошла она до дерева, оно попросило ее подвязать его обломанную ветку. Но Бобок только рассмеялась:

— Мне-то что? Мне не больно! — говорит. — Я далеко уйду за то время, какое нужно, чтобы подвязать ветку. Проси кого знаешь!

Потом огонь сказал ей:

— Бобок, милая Бобок, почисти немного очаг, а то я задыхаюсь от пепла.

Но злая девушка ответила:

— Вольно ж тебе, глупому, пепел заводить! Неужто я стану помогать тем, кто сам себе помочь не может? Как бы не так!

Подошла она к ручью. Ручей попросил ее отгрести песок и сухие листья, но Бобок закричала:

— Стану я останавливаться, чтобы ты мог бежать! Нет, каждый сам за себя.

Наконец, она пришла к отцу и решила, что заберет столько вещей, сколько два буйвола поднять смогут. Но не успела она войти во двор, как на нее накинулись брат и невестка; они стали бить ее и кричать:

— Это все твои проделки! Вчера подослала Горошину, сегодня сама пришла. Мы тут трудимся, а ты у старика добро выманиваешь. Уходи живее, пока цела!

Прогнали они ее, голодную и усталую.

— Не беда! — сказала Бобок. — Пойду к ручью, возьму у него ткань.

И правда, по воде плыла чудесная ткань, еще лучше той, что получила Горошина. Кинулась Бобок в воду, но попала на глубокое место и чуть не утонула.

— Не беда, — сказала она. — Возьму жемчуг с ветки.

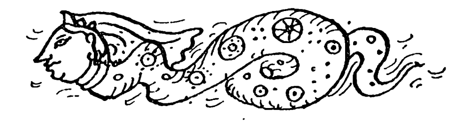
Да, жемчуг висел на дереве, но когда Бобок потянулась за ним и схватила ветку, та обломилась и ударила ее по голове. И не успела она оглянуться, как кто-то унес жемчуг.

Голодная и усталая, добрела она до огня, а на огне пекся румяный пирожок. Жадно кинулась она к пирожку, но уронила его и обожгла руку, а сорока тем временем подхватила пирожок и улетела.

«Ну, уж сливы-то я получу!» — подумала Бобок и побежала дальше. Сливы висели на дереве, и она кинулась к ним, но только оцарапала себе руки и лицо о шипы.

Голодная, промокшая, усталая, вся в крови, еле добралась она домой. А дома Горошина уж конечно приласкала ее, напоила, накормила и в постель уложила.

ЖЕНЩИНА-ЗМЕЯ И ЦАРЬ АЛИ МЕРДАН

Некогда царь Али Мердан отправился на охоту и в лесу, у светлого, прозрачного озера, встретил девушку, прекрасную, как цветок. Она сидела под деревом и горько рыдала. Остановил царь свою свиту, подошел один к девушке и спросил ее, кто она и как пришла в этот лес.

— Я дочь китайского государя, — ответила она. — Я вышла из дворца на прогулку. Шла, шла и заблудилась, а как сюда попала — и сама не знаю.

Отвез ее царь Али Мердан в свой дворец и сделал своей женой. И поселил он ее в летнем дворце, в садах Шалимар, где фонтаны покрывают росою цветы, где у мраморных колонн деревья гнутся под тяжестью плодов и цветов. И там среди цветов и солнечных лучей жила прекрасная царица, и царь ее так любил, что с ней забывал обо всем на свете.

Случилось так, что ученик одного отшельника возвращался с высоких гор, куда он каждый год ходил за водой для своего учителя. Проходил он мимо садов Шалимар, и они пленили его своими фонтанами. И вот он перелез через стену и пошел по саду, а когда устал — прилег и заснул под деревом.

Царь Али Мердан тоже пришел в сад и удивился, когда увидел человека, спящего под деревом. Рука у спящего была сжата, он крепко держал в ней что-то.

Царь потихоньку разжал его руку и нашел в ней коробочку с какой-то благоуханной мазью. Пока царь

осматривал коробочку, человек проснулся и стал искать ее в отчаянии. Царь успокоил его, показал коробочку и спросил, почему он так испугался.

— Великий царь,— сказал ученик отшельника,— коробочка принадлежит моему учителю, и в ней — волшебная мазь. Ее колдовской силой я спасаюсь от всяких бед, и она мне помогает очень быстро преодолевать большие расстояния. Вот почему я могу ходить за водой для учителя в священные северные горы.

— Значит,— сказал царь,— твой учитель святой и мудрый человек?

— Да,— ответил ученик,— ему ведомы все тайны.

— Ну, так передай ему,— сказал царь,— что его коробочка у меня, и если он хочет ее иметь, пусть придет за нею сам.

Ученик отправился к учителю; но волшебной мази у него не было, и потому он шел два с половиной года.

Тем временем царь Али Мердан жил со своей прекрасной женой в их великолепном дворце в садах Шалимар. Он так любил свою жену, что никогда не расставался с нею. Но все замечали, что лицо его стало странным, а глаза потускнели и казались какими-то неподвижными.

Добрался, наконец, ученик до учителя своего, отшельника, и все рассказал ему. Рассердился отшельник, но делать нечего — пошел к царю Али Мердану. Царь принял его с великим почетом и тотчас отдал ему коробочку с волшебной мазью.

Отшельник был мудрый и ученый человек; он сразу понял по виду царя, что ему грозит великая беда.

— Царь,— сказал он,— ты был почтителен ко мне и приветлив, и я хочу помочь тебе. Скажи мне, всегда ли у тебя было такое странное выражение лица и такие тусклые глаза?

Царь, смущенный, молчал.

Тогда отшельник сказал:

— Скажи мне правду, нет ли у тебя во дворце чужой женщины?

Царь рассказал ему про девушку, которую нашел в лесу, — дочь китайского государя.

— Она вовсе не дочь китайского государя и даже не женщина, — сказал отшельник. — Она людоедка, ведьма, змея двухсотлетняя, что может принимать человеческий образ.

Стал царь спорить: не поверил он отшельнику — слишком уж любил свою жену. Но когда отшельник сказал, что это действительно змея и он знает это наверное, царь смутился и обещал следовать его советам. Велел отшельник приготовить кушанье к ужину, частью очень соленое, частью соленое в меру. Вечером царь ужинал с женой, и ели они из одного блюда.

И вот царь повернул блюдо соленой частью к жене, а сам стал есть другую часть. Царице еда показалась соленой, но так как царь ел, то ела и она. Ночью, когда она легла, ей очень захотелось пить. И вдруг царь увидел, что жена его встала и превратилась в змею. Змея поползла в сад, напилась воды из фонтана, выкупалась, потом вернулась во дворец и опять обратилась в женщину.

Убедился царь, что отшельник был прав, и попросил его помочь избавиться от женщины-змеи. Отшельник велел сложить печь из ста разных металлов с крепкой крышкой и замком. Печь поставили в саду и прочными цепями прикрепили к земле. Когда все было готово, царь позвал жену погулять по саду и помочь ему печь пирожки.

Она согласилась. Они подошли к печи, и царь стал делать пирожки, но работа у него не спорилась, и он попросил жену помочь. Как только она подошла к от-

крытой печи, он втолкнул ее в огонь и сейчас же закрыл дверцу на замок. Она пыталась выскочить из печи, но и дверцы и сама печь были крепкие. Наконец, огонь в печи догорел, а когда она остыла, ее открыли: там лежала только горсть пепла и маленький круглый камень.

Отшельник взял камень и сказал царю:

— В этом камне сосредоточена сила женщины-змеи. Возьми его. Все, к чему ты им прикоснешься, станет золотом.

Но царь Али Мердан решил, что такой камень породит зависть и раздоры между людьми, — взял и забросил его в глубокую реку. И теперь ни у кого на свете нет этого камня.

СЫН ЗВЕЗДОЧЕТА

Умирал звездочет и, умирая, прочитал в звездах судьбу своего второго сына. Он записал то, что узнал, и завещал ему это предсказание, а все имущество отдал старшему сыну.

Второй сын похоронил отца и ушел из родного дома, где теперь все принадлежало старшему брату. Он часто думал над предсказанием отца. А в предсказании вот что говорилось:

«Со дня рожденья бедность. Десять лет в темнице. Смерть на морском берегу. Потом радость».

Дивился юноша предсказанию, особенно последним его словам, и не мог их понять. Он ушел странствовать, но всегда остерегался близко подходить к морским берегам. Вскоре дошел он до высоких гор, что тянутся поперек Индии, и здесь ему пришлось идти пустынными, безводными местами. Все свои припасы он съел, последнюю каплю воды выпил. Тут он вспомнил предсказание отца и подумал: «А предсказание-то сбывается: я далеко от моря — и пока не дойду до него, не погибну». Он приободрился и пошел дальше.

И вот добрел он до какого-то разрушенного колодца и спустил в него на веревке кружку. Вдруг он услышал голос:

— Помоги мне! Я царь тигров и умираю с голоду. Три дня ничего не ел. Если ты мне поможешь, я всю жизнь буду тебе благодарен. Вытащи меня!

Подумал сын звездочета и сказал себе: «Вытащить

его? Как бы не так! Вытащу, а он, пожалуй, тут же меня и съест... Нет, отец предсказал мне смерть на морском берегу; не съест меня тигр. Вытащу его».

И крикнул он тигру:

— Хватайся за веревку!

Спустил веревку ниже, тигр за нее схватился и выбрался из колодца. Поклонился тигр человеку, головой земли коснулся и сказал:

— Благодетель мой, никогда я не забуду того, что ты для меня сделал! Обещаю тебе свою помощь, как только она понадобится. Расскажу тебе, как я попал в колодец. Дня три назад я бродил в соседнем лесу и увидел одного золотых дел мастера. Погнался я за ним, а он, спасаясь от меня, прыгнул в колодец. Прыгнул и я, но оказался не на самом дне, как он, а на выступе. Подо мной был второй выступ, где лежал змей. Еще ниже, на третьем выступе, сидела крыса. Вытащи их, они умирают от голода. Но заклинаю тебя, не вытаскивай со дна золотых дел мастера, — ведь золотых дел мастерам верить нельзя. Можно довериться крысе, ядовитой змее, даже тигру, но никогда нельзя доверяться золотых дел мастеру. Смотри же, не освобождай его, а то покаешься.

Сказал это тигр и ушел.

Опять спустил сын звездочета веревку с кружкой, чтобы достать воды. За веревку ухватился змей. Змей сказал:

— Защитник мой, стань мне спасителем, вытащи меня! Я сын царя змей, и отец мой сокрушается, не видя меня. Вечно буду твоим слугой и помощником, только спаси меня.

Вспомнил сын о словах отца, предсказавшего, что смерть ему суждена на морском берегу, и вытащил змея. Припал змей к ногам человека и сказал:

— Отец мой, спаситель мой, погнался я за крысой,

но она упала в колодец, а я — за нею. Позволь мне вернуться домой! Когда ты вспомнишь обо мне, я буду с тобой.

И змей уполз.

В третий раз спустил веревку сын звездочета, и ухватилась за нее крыса. Юноша тотчас вытащил ее. Крыса склонилась перед ним и говорит:

— Жизнь жизнь моей, благодетель мой, как только ты вспомнишь обо мне, я прибегу к тебе и сделаю все, что ты захочешь. Слышала я, что говорил тебе тигр. Послушайся его: не верь золотых дел мастеру, — отплатит он тебе злом за добро.

И крыса убежала.

Задумался сын звездочета над этими словами и сказал себе: «Отчего мне не спасти золотых дел мастера так же, как я спас трех зверей?» Спустил веревку в четвертый раз и вытащил золотых дел мастера. Потом спустил веревку с кружкой в пятый раз и напился воды. Подсел к нему золотых дел мастер и стал вкрадчиво говорить:

— Друг мой, благодетель мой, спасибо тебе, что ты не послушал этих глупых зверей и спас меня. Позволь мне теперь вернуться домой. Я живу в соседнем городе, в Уджаини. Когда ты будешь возвращаться из священного города Бенареса, непременно заходи ко мне.

Попрощался золотых дел мастер со своим спасителем и пошел своей дорогой.

А сын звездочета пошел в Бенарес и жил там десять лет, а про тигра, змея, крысу и золотых дел мастера забыл. Молился он в храмах, слушал учителей, наконец стосковался по родине и брату и решил вернуться домой. Возвращался он той же дорогой, чтобы быть подальше от моря. И вот, наконец, дошел до того самого колодца, в котором были звери, вспомнил

все и решил испытать спасенных. Сначала он подумал о тигре, и тигр мгновенно прибежал, держа в зубах великолепную золотую корону, украшенную драгоценными камнями; камни на короне блестели так ярко, что были видны издалека. Положил тигр корону к ногам юноши, опять поклонился ему низко-низко и сказал:

— Ты даровал мне жизнь, а потом столько лет не вспоминал обо мне, не давал мне отблагодарить тебя. Кроме этой короны, у меня есть еще драгоценности, прими их от меня, прошу тебя.

Подивился сын звездочета щедрым дарам тигра, поблагодарил его и отпустил.

Затем он вспомнил змея и крысу, и они мгновенно явились с богатыми дарами и горячей благодарностью. Отпустил их сын звездочета и подумал: «Как благодарны были эти звери! А уж золотых дел мастер будет еще более благодарным. Пойду к нему, пусть он мне вынет из короны драгоценные камни, а корону расплавит и сделает из нее золотой шар».

И вот пошел он в Уджаини. Приветливо принял его золотых дел мастер, — вспомнил, как юноша помог ему выбраться из колодца и спастись. А сын звездочета показал ему корону, которую получил от тигра, и попросил вынуть из нее драгоценные камни. Золотых дел мастер обещал все сделать, предложил гостю поесть и совершить священные омовенья в реке. Сын звездочета был благочестив и отправился на реку совершать омовенья.

Тем временем золотых дел мастер побежал к царю — и вот почему: он узнал корону, которую принес его спаситель; эта корона принадлежала отцу правившего в то время царя. Отец царя однажды поехал на охоту и пропал без вести. Все думали, что старика убили злоумышленники; и его сын назначил большую

награду тому, кто найдет убийц. Ведь он не знал, что отца его похитил тигр — тот самый тигр, который дал царскую корону сыну звездочета, когда тот вытащил его из колодца. Золотых дел мастер знал все это и решил войти в милость к царю — передать корону отца и обвинить в убийстве того, кто ее принес.

Пошел золотых дел мастер к царю с короной и сказал, что убийца пошел к реке. Царь послал за ним стражу. Видят — и правда человек стоит в воде. Схватили его и по приказу царя бросили в темницу умирать с голоду.

Бросили его в глубокое подземелье. Сын звездочета сел и стал думать: «Вот сбылось отцовское предсказание — я в темнице. Но как мне прожить здесь десять лет без пищи?»

Сидел он и думал о своей прежней жизни — и вот вспомнил, как спас зверей и как они были ему благодарны. И тотчас явились они все трое: тигр, змей и крыса, и так как они были царями, то с ними явились их подданные: тигры, змеи, крысы. Прежде всего они прорыли проход в подземелье. Рыли все — и тигры, и крысы, и даже змеи — зубами. Затем царь крыс приказал крысам каждый день приносить в темницу пищу и питье.

Змеиный царь сказал:

— Крысиный царь будет заботиться о твоем пропитании, а тигр и я постараемся тебя освободить. Мы велим тиграм и змеям убивать подданных нечестивого царя, который бросил тебя в темницу, и будем уничтожать их до тех пор, пока он не образумится и не выпустит тебя на волю.

Так они и сделали, и стал народ гибнуть от тигров и змей. Но царь был зол и упорен и не поддавался.

Так прошло десять лет. И вот змея укусила любимую дочь царя, и она умерла от змеиного яда. Царь

был неутешен; он послал за всеми заклинателями змей, обещал полцарства и руку дочери тому, кто вернет ее к жизни. Но никто не мог этого сделать.

Как-то царские слуги услыхали, что заключенный в подземелье поет, и доложили царю об этом чуде, — ведь несчастный десять лет сидел в подземелье без пищи — и все-таки был еще жив. Все начали думать, что он, должно быть, не человек, а существо божественного происхождения.

Велел царь привести его и поразился, когда увидел, что заключение ему не повредило. Юноша был крепок, здоров и спокоен, только лицо его почти совсем заросло волосами, и их пришлось сбрить, чтобы он мог видеть. Повинился царь, что по навету золотых дел мастера, не разобрав дела, заключил его в темницу. Затем стал просить юношу вернуть к жизни его дочь.

— Вели принести сюда тела всех, что погибли от змей и тигров, — сказал сын звездочета.

И со всей страны стали привозить мертвецов. Сын звездочета взял сосуд с водой, произнес над ним молитву, вспомнил о тигре и змее и побрызгал водой на мертвые тела. И все они встали, точно со сна, и разошлись по домам. Встала и царевна. Царь благодарил ее спасителя, опять молил его о прощении, предлагал ему полцарства и свою дочь в жены, но сын звездочета ничего не захотел взять; пошел в лес, созвал всех змей и тигров и приказал им впредь не трогать людей.

Золотых дел мастера схватили и хотели казнить, но сын звездочета заступился за него, и предателя освободили. Тут царь снова стал уговаривать юношу взять царевну в жены и принять полцарства. Сын звездочета согласился, но сказал, что сперва пойдет навестить брата, потому что стосковался по нему.

Пошел он на юг к брату, но сбился с пути и оказался на морском берегу. А тем временем старший брат сам пошел искать младшего, столько лет не подававшего вестей. И встретились братья у моря. От счастья и радости младший брат тут же умер. И сбылось предсказание отца: «Смерть на морском берегу».

Старший брат поклонялся Ганеше — богу с головой слона — и потому понес тело брата к его храму. Стал он молиться Ганеше, а Ганеша явился и спросил, зачем он вызывал его.

— Брат мой умер, — ответил тот, — вот его тело. Вели своим слугам, ганам, сторожить это тело, пока я буду совершать молитвы тебе.

Ганеша исполнил его просьбу и поручил ганам стеречь труп. Но как только Ганеша ушел, ганы сожрали мертвое тело.

Вернулся старший брат с молитвы, видит — тело младшего брата пропало. И он стал так молиться Ганеше:

— Великий бог с головой слона, всю жизнь я молился тебе и приносил жертвы; так-то ты награждаешь верных тебе.

Смутился бог и вернул младшего брата к жизни. Пошли оба брата в Уджаини, и там младший женился на царевне и скоро стал царем.

Так сбылось слово в слово предсказание звездочета.

ЦАРЕВИЧ СУДАНА И НЕБЕСНАЯ ДЕВА МАНОХАРА

Некогда в стране Панчал царствовали два царя: один на севере, другой на юге. Царя северного Панчала звали Дана, и он был государь мудрый и справедливый. В его стране народ благоденствовал, не было там ни беспорядков, ни грабежей, ни болезней; на полях зрели рис и сахарный тростник, на лугах паслись быки и буйволы. Неподалеку от столицы царя Даны было большое озеро, а на нем плавали лотосы, синие, красные, белые, и над водой проносились стаи водяных птиц. В глубине этого озера жил дракон по имени Джанмачитра, и временами он посылал дождь на всю страну. Дождь лил потоками, и оттого вся страна была плодородна и было в ней вдоволь всякой еды и питья, а жители ее были щедры и благочестивы.

Но царь южного Панчала не следовал закону. Он обижал народ, и не было в его стране справедливости, оттого и не шел там дождь. В южном Панчале свирепствовал голод, и народ бежал на север, к справедливому царю Дане.

Однажды выехал на охоту царь южного Панчала и увидел, что опустели города и села его царства, а храмы заброшены и разрушены. Зазвал он своих советников и спросил их, какая тому причина, почему опустело его царство. Советники ответили:

— Народ твой, о государь, ушел к царю Дане.

— Почему ушел мой народ?

— Обещай нам, государь, что не покараешь нас за наши речи, и мы тебе скажем.

— Обещаю, — сказал царь.

— Государь, царь северного Панчала правит мудро и справедливо, и потому страна его богата, счастлива, густо населена и нет там ни беспорядков, ни грабежей. Всего там вдоволь — и риса, и сахарного тростника, и быков, и буйволов; оттого и народ той страны щедрый и благочестивый. А ты, государь, не блюдешь законов и обижаешь своих подданных, оттого они и ушли к царю Дане.

Смутился царь и спрашивает советников:

— Что же мне сделать, чтобы вернуть мой народ?

— Стань, государь, подобен царю Дане, будь милостив и справедлив.

— Обещаю быть отныне милостивым и справедливым, а вы сделайте так, чтобы вернулся мой народ, — сказал царь южного Панчала.

— Государь, есть еще одна причина, почему элагоденствует народ северного Панчала: в озере около столицы, среди белых, синих и красных лотосов, живет дракон Джанмачитра; он посылает обильный дождь на страну, и потому жатвы там богатые, а народ сыт и доволен, ибо еды и питья у него сколько угодно.

— Нельзя ли, — спросил царь, — залучить к нам этого дракона?

— Государь, залучить его могут заклинатели змей змеиными призывными чарами, — ответили советники.

Тогда, по обычаю той страны, царь велел повесить на длинное древко золотую корзину, а царские глашатаи объявили по всей стране, что тот, кто сумеет чарами привлечь дракона Джанмачитру, получит золотую корзину и ему окажут великие почести.

И вот явился к советникам один заклинатель змей и вызвался чарами привлечь дракона. Согласились советники, и заклинатель велел принести себе все нуж-

ное для заклинаний к тому месту у озера, где, как он распознал, жил дракон Джанмачитра. И обещал заклинатель:

— Через семь дней приведу к вам дракона!

А дракон увидел заклинателя, почуял беду неминуемую и стал думать: «Как мне быть? Выманит он меня. К кому обратиться за помощью?»

В то время близ озера жили два охотника. Кормились они охотой. Один вскоре умер, а другой остался. Звали его Палака.

Джанмачитра принял человеческий образ, пошел к Палаке, поклонился ему и говорит:

— Знаешь ли ты, отчего так благоденствует народ в царстве царя Даны?

— Знаю, — ответил Палака, — царь правит мудро и справедливо.

— А еще почему?

— В озере живет дракон Джанмачитра и посылает обильный дождь и жатвы. Оттого в стране хорошие урожаи, богатство и изобилие.

— А если уведут Джанмачитру, что тогда? — спросил дракон.

— Мы погибнем, — сказал Палака.

— А знаешь ты дракона?

— Нет.

— Так знай, Джанмачитра — это я. Заклинатель змей хочет заманить меня чарами в царство южного Панчала. Он все приготовил. Скоро он вобьет в землю у озера колышки на четыре страны света — на север, юг, восток, запад, — натянет на колышки пестрые нити и начнет произносить заговоры. Ты тем временем спрячься. Когда начнут действовать чары, вода в озере закипит и поднимется, а с нею и я должен буду подняться из воды. Тогда ты пусти в заклинателя стрелу, кинься на него с мечом и угрозой заставь его

взять назад свои заклинания. А то, если он умрет, не взяв назад заклинания, я на всю жизнь останусь связанным ими.

Охотник обещал исполнить все, что сказал дракон.

Прошло семь дней, и охотник спрятался около озера, как ему указал дракон. Пришел заклинатель змей и начал произносить заклинания именно так, как предсказал Джанмачитра. Но вот вскипели и поднялись воды озера, и тут охотник пустил стрелу в заклинателя, ранил его и потом кинулся на него с мечом и крикнул:

— Как ты смеешь выманивать чарами нашего дракона? Тотчас отведи от него свои заклинания, а не то я тебе голову снесу.

Испугался заклинатель и отвел чары, а охотник в гневе убил его.

Как только Джанмачитра почувствовал себя свободным от чар, он вышел из воды, обнял охотника и сказал ему:

— Ты мне мать, ты мне отец! Благодаря тебе я не разлучусь с родителями. Пойдем к ним.

Спустились они на дно озера, во дворец царя драконов, а там родители Джанмачитры в радости осыпали охотника драгоценными камнями.

Вышел Палака из озера, пошел к своему другу отшельнику, что жил поблизости, и рассказал ему все, как было.

— Что тебе проку в золоте и драгоценных камнях? — сказал отшельник. — У царя драконов есть волшебная цепь; зовется она «Держу все»; на кого ее набросишь, того она уже не отпустит.

Вернулся охотник на дно озера, и правда: видит, висит во дворце цепь «Держу все». Обрадовались охотнику драконы, обласкали его и хотели снова одарить драгоценными камнями и золотом. Но охотник сказал:

— Не надо мне ни драгоценных камней, ни золота, дайте мне цепь «Держу все».

— На что тебе эта цепь? — спросили драконы. — Нас она спасает от нашего врага — могучей птицы Гаруды; а ты что будешь делать с цепью?

— Вам цепь нужна редко, — сказал охотник, — а мне она всегда будет нужна на охоте.

Подумали, подумали драконы и говорят:

— Он спас нам милого сына, неужели мы пожалеем для него цепь? — и отдали охотнику волшебную цепь «Держу все».

Тем временем годы шли; мудро правил царством царь Дана, но было у него великое горе: не даровали ему боги ни сына, ни дочери. Молился он всем богам и приносил им жертвы, но ничто не помогало. И вот однажды, когда он уже потерял надежду, у него родился сын, прекрасный, крепкий и здоровый. По обычаю той страны, на двадцать первый, то есть трижды седьмой день, отпраздновали праздник рождения, и так как царя-отца звали Дана, то царевичу дали имя Судана. Отдали его восьми нянькам: две его кормили, две носили, две мыли, две играли с ним. И вырос Судана быстро, как лотос вырастает на озере. Научили его чтению и письму, научили вежливости и обращению с людьми; и узнал он все, что должен знать царь, который будет править страной. Когда он вырос, отец женил его и построил для него три дворца: в одном жить зимой, в другом — весной, в третьем — летом, и разбил для него царь три сада: зимний, весенний и летний. Жил царевич Судана и веселился в своих дворцах.

Пока царевич Судана так жил и веселился в своих дворцах, охотник Палака по-прежнему охотился в лесах и в горах. И вот однажды в горах он набрел на хижину под большим деревом, сплетенную из листьев. Кругом цвели цветы, порхали птицы, а поблизости

лежало озеро, и по воде плавали белые, красные и синие лотосы. Подошел он и видит: в хижине сидит старик, с ног до головы обросший волосами и с длинными-длинными ногтями. Охотник поклонился в ноги старику и спросил его:

— Сколько лет ты здесь живешь?

— Сорок лет.

— А за это время видел ты здесь что-нибудь замечательное?

Подумал отшельник и ответил:

— Друг, видишь ты вот это озеро?

— Вижу, почтенный.

— Так слушай! — сказал отшельник. — Каждый пятнадцатый день месяца на озеро прилетает небесная дева, царевна Манохара, дочь царя Друмы, и ее окружают пятьсот небесных дев. Она купается в серебристой воде, среди белых, красных и синих лотосов. Пока она купается, небесные девы поют и играют, а поют они так сладостно, что все звери и птицы им внемлют, как очарованные. И даже я, когда слышу это дивное пение, радуюсь целых семь дней. Вот это чудо, друг мой, я вижу каждый пятнадцатый день.

И подумал охотник Палака: «У меня есть волшебная цепь «Держу все». Накину ее на Манохару и похищу ее».

На пятнадцатый день пришел он к озеру и увидел Манохару. И все было так, как говорил отшельник. Бросил Палака волшебную цепь, и Манохара в испуге кинулась было бежать, но цепь удержала ее. Небесные девы увидели охотника, в страхе поднялись в воздух и улетели, а Манохара осталась в плену.

Палака захотел было приблизиться к Манохаре, но она закричала на него:

— Низкий человек, не смей меня трогать! Я царская дочь и выйду замуж только за царского сына.

— Но если я не схвачу тебя, ты улетишь, — сказал охотник.

— Нет, — ответила Манохара, — я не улечу. Но если ты не доверяешь мне, то возьми этот драгоценный камень из моего головного убора. Ведь я могу летать по небу только благодаря чудесной силе этого драгоценного камня.

Охотник в сомнении сказал:

— Как мне знать, что это правда?

Манохара сняла с своего головного убора чудесный камень, отдала его охотнику и молвила:

— Ты должен верить мне: у кого в руках этот камень, тому я подвластна.

Охотник взял камень и повел к себе небесную деву.

Случилось так, что в тот день царевич Судана отправился на охоту. Увидел его охотник Палака и подумал: «Это прекрасный царевич Судана. Увидит он дивную царевну и непременно захочет на ней жениться. Предложу-ка я царевичу ее в жены сам». И он повел царевну к царевичу, пал к его ногам и сказал:

— О царевич, прими от меня в жены эту жемчужину, эту лучшую из женщин.

Увидел царевич царевну Манохару, и сердце его загорелось любовью. Прекрасна была царевна, прекраснее всех. Глаза у нее были голубые, длинные, точно бутоны лотоса, нос прямой, губы словно кораллы, волосы черные, как пчела, и вся она с ног до головы была усыпана золотыми украшениями и сверкающими драгоценными камнями. И когда царевич Судана увидел ее, луноликую, показалось ему, будто молния прорезала дождевую тучу. Щедро наградил охотника царевич Судана, взял царевну Манохару за руку, повел ее в столицу и женился на ней.

И был он так счастлив с женой, что никогда не расставался с ней и обо всем остальном на свете забыл.

В те дни к царю и царевичу пришли два жреца-брахмана; и того, кто пришел к царю, царь сделал своим домашним жрецом и назначил ему жалованье, а тот, кто пришел к царевичу, получил только жалованье. Вот однажды этот брахман спрашивает царевича:

— Царевич, когда ты в свой черед станешь царем, что ты сделаешь для меня?

— Я сделаю тебя своим домашним жрецом.

Дошла об этом весть до царского жреца, и сказал он себе: «Худо мне будет, когда Судана сделается царем. Надо мне извести его».

В то время против царя возмутились горные племена. Восемь раз царь посылал против них свои войска и воевод, но горцы каждый раз побеждали их, и царь не знал, как ему быть. И созвал царь советников на совет; а домашний жрец решил, что теперь самое подходящее время сгубить царевича, и пошел на этот совет.

И вот царь спросил:

— Как вы думаете, надо ли мне самому отправиться с войском против мятежников?

Жрец попросил слова и сказал:

— Государь, не подобает тебе идти походом самому, когда у тебя есть взрослый сын — царевич Судана, юноша храбрый и сильный. Сделай его своим военачальником и пошли с войсками против горцев.

— Ты прав,— молвил царь,— я пошлю царевича Судану.

Позвал царь царевича и говорит ему:

— Сын мой, возьми войско и приведи в повиновение мятежных горцев.

— Слушаю, государь мой, — ответил царевич и пошел прощаться с женой, царевной Манохарой. И так любил он ее, что когда увидел, то забыл обо всем на свете, даже о походе, и остался во дворце.

Тогда жрец отправился к царю и говорит:

— Войска готовы, пехота, конница, боевые колесницы, боевые слоны ждут, а царевич не выступает в поход. Он забыл все на свете из-за любви к своей жене. Призови его, государь, и повели ему выступить, но не разрешай проститься с Манохарой, а то он опять забудет все.

Царь так и сделал, и когда Судана захотел попрощаться с женой, царь запретил ему это.

Тогда Судана попросил:

— Дозволь мне, отец, по крайней мере попрощаться с матерью.

И царь дозволил. Пришел царевич к матери, принес ей волшебный камень из головного убора Манохары и говорит:

— Мать моя, я выступаю в поход против горцев, и неизвестно, что может случиться в мое отсутствие. Сохрани этот волшебный камень и дай его Манохаре, но только, если ее жизнь будет в опасности.

Сказал так Судана, потом попрощался с матерью и выступил в поход.

Когда Судана уже приближался к стране горцев, случилось так, что над тем местом, где он устроил стоянку для своих войск, по небу проезжал на колеснице великий бог Вайшравана, владыка небесных духов, которых зовут якша. И уразумел Вайшравана своим провидением, что если не прийти на помощь Судане, то суждено ему будет погибнуть. Позвал тогда великий бог подвластных ему якшов и велел им собираться в войско. И вот со всех четырех сторон света стали стекаться воины ростом с пальмовое дерево, слоны величиной с гору, кони огромные, как слоны, и боевые колесницы, точно дворцы. Все это грозное воинство двинулось в сторону горцев, опережая Судану и его войска Смутились горцы при виде небес-

ных полчищ; не знали они, что делать. А небесные военачальники требовали через глашатаев, чтобы горцы немедленно подчинились, в противном случае они грозили опустошить всю страну. Горцы заявили:

— Мы восстали не против царя, а против несправедливости его правителей. Мы знаем, что царевич Судана справедлив. Ему мы охотно подчинимся.

И когда царевич приблизился к столице горцев со своими войсками, горцы вышли ему навстречу и изъявили полную покорность. Судана навел порядок в стране, назначил новых начальников, понизил налоги, взял заложников и вернулся к царю Дане.

В то время как царевич Судана был в походе против горцев, царь Дана однажды ночью увидел во сне, будто прилетел к нему коршун, разорвал его тело, вынул внутренности и обвил их вокруг городской стены, а семь царских драгоценностей вошли во дворец. Семью царскими драгоценностями в стране Панчала называли царицу, военачальника, советника, коня, меч, слона и колесо — знак миродержца. Испуган был царь этим сном, от волнения не смог остаться в постели и просидел до утра со склоненной головой, раздумывая о том, что он потеряет: царство или жизнь? Наутро явился домашний жрец, и царь рассказал ему свой сон. Жрец уразумел из этого сна, что царевич победил и вернется; но он замыслил дурное и так сказал царю:

— Недобрый сон видел ты, государь: или царство потеряешь, или жизни лишишься. Но есть все же средство спастись, и я знаю его по брахманским заклинаниям.

— Какое же это средство? — с нетерпением спросил перепуганный царь.

— Государь, надо вырыть пруд глубиной в человеческий рост, оштукатурить его и наполнить кровью

молодых лесных коз. Ты должен выкупаться в этой крови, спустившись сперва на одну ступеньку, потом на другую, на третью, на четвертую, а ученые брахманы должны будут лизать твои ноги и возжигать перед тобой курение жиром небесного существа. Таким образом все греховное в тебе очистится, и ты сохранишь тогда свою царскую власть.

— Хорошо, — сказал царь, — но жир небесного существа очень редок. Как его достать?

— То, что можно достать, то не редко, — ответил жрец.

— Как понять мне твои слова? — спросил царь.

— Государь, разве царевна Манохара не небесное существо?

— Что ты говоришь, жрец! Сын мой не может жить без нее.

— Государь, не слыхал ты разве, что сказали мудрецы: «Ради рода жертвуй любым родичем, ради города жертвуй любым домом, ради страны жертвуй городом». Государь, ты можешь дать юноше другую жену, а Манохару вели убить!

Увы, чего не сделает человек, который любит себя больше всех! И вот испуганный царь дал согласие жрецу на убийство Манохары, и все приготовили, как указал жрец. Услыхали об этих приготовлениях женщины в доме царевича Судана и все рассказали царевне Манохаре. Поняла царевна, что пришла для нее беда неминучая, и поспешила она к свекрови своей, матери царевича Суданы, и рассказала ей все, что слышала от женщин во дворце.

— Надо нам с тобой подумать, как быть, — сказала свекровь.

Думала, думала царица и, наконец, решила, что делать. Дала Манохаре драгоценный камень из головного убора и те одежды, в которых привел царевну из леса царевич, и сказала:

— Дитя мое, твой муж, а мой сын велел мне отдать тебе все это только тогда, когда настанет для тебя смертельная опасность. Чувствую я, что хотят отнять у тебя жизнь, и потому отдаю.

Поклонилась ей до земли Манохара и пошла.

Когда все было готово, как сказал жрец, Манохару привели к кровавому пруду. И тут она вдруг поднялась в воздух и улетела. Увидел ее царь летящую по воздуху и испугался, подозвал жреца и говорит ему:

— Вот мы старались, а Манохара улетела.

Но жрец успокоил царя:

— Главное сделано: ты омылся в крови от грехов своих. Не беспокойся.

А Манохара летела по небу и думала: «Не будь отшельника, не схватили бы меня и не было бы со мной того, что было. Полечу сперва к нему».

Полетела она к отшельнику, преклонилась перед ним и говорит:

— Из-за тебя меня похитили, и я с трудом сохранила жизнь. Если к тебе когда-нибудь придет царевич Судана и будет искать меня, дай ему этот перстень и скажи: «О юноша, путь тяжек и труднопроходим; ты испытаешь страдания, — вернись». Но если не удастся тебе уговорить его вернуться, тогда укажи ему путь — повтори то, что я сейчас скажу:

«К северу отсюда стоят три черных горы; перейдешь их, будут еще три черных горы, а за ними еще три. А как пройдешь девять гор, станет перед тобой царь гор Гималай-снегоносец. Через три горы ты пройдешь пещерой, через четвертую тебя перенесет царь птиц. Встретишь ты там страшилищ с головами козлов и баранов, увидишь людоедов и страшного змея, с которым вступишь в борьбу. Потом увидишь ты двух баранов. Они то и дело стукаются лбами и мешают пройти. Ты должен у каждого обломать по

рогу, и тогда они тебя пропустят. Перед тобой встанут два железных человека, с мечами в руках; ты должен побороть одного из них, — иначе тебе не пройти. Появится вдруг страшная женщина-людоедка с железной губой; ты должен ее оглушить — иначе ты погиб. Разверзнется перед тобой страшный водоворот в шестьдесят сажен глубиной, и ты должен его перешагнуть. А дальше потекут страшные реки, полные крокодилов. Рыдающую реку ты перейдешь только смеясь. Смеющуюся — только молча. Змеиную ты должен одолеть заклинаниями. Тростниковую — острым оружием. А как перейдешь все реки, придешь на место, которое сторожат пятьсот духов, — с ними ты вступишь в борьбу; и если одолеешь их, увидишь перед собой страну небесного царя Друмы, где живет его дочь, а твоя жена Манохара. Ты должен запомнить волшебные заклинания, а в дорогу взять чудесные травы, средства против страшилищ и чудищ и, кроме всего этого, — обезьяну».

Сказала все это Манохара и улетела.

Тем временем царевич вернулся в столицу — он победил и покорил горцев. Обрадовался царь, принял сына, обласкал его, расспросил про поход, поблагодарил за победу. Судана рассказал все, как было. Царь позвал его разделить с ним трапезу. Стал царевич отпрашиваться:

— Государь, отпусти меня, — давно не видел я своей Манохары!

— Побудь со мной, царевич, — сказал царь, — а завтра пойдешь к ней.

Не согласился царевич, сказал:

— Непременно пойду сегодня.

Царь не стал ему перечить.

Пришел Судана в свой дворец, а Манохары нет. Ищет, ищет ее царевич, нигде не находит, зовет: «Ма-

нохара, Манохара!» Никто не отвечает. Обезумел от горя царевич. Собрались все прислужницы, и стал он их расспрашивать. Они рассказали ему все, как было. Совсем обезумел Судана, а они ему говорят.

— Чего ты печалишься? Во дворце есть красавицы прекраснее Манохары.

Тут узнал он, как жесток был отец к его жене, пошел со своим горем к матери, поклонился ей в ноги и сказал:

— Мать моя, не вижу я Манохары, прекрасной и доброй; не вижу ее, и сердце мое в смятении, — горит оно тяжкой печалью в разлуке с милой.

И говорит ему мать:

— Милый сын мой, тяжкая беда настигла Манохару, и я отпустила ее.

И рассказала царица обо всем, что̀ произошло.

— Куда же она ушла? — спросил Судана.

— Ушла она по горному пути, где живут отшельники.

Плакал царевич, страдал. И вот говорит ему мать:

— Не плачь! Есть женщины прекраснее Манохары.

— Нет мне радости без нее, — сказал царевич и пошел искать того охотника, что добыл ему Манохару.

Рассказал ему охотник Палака, где нашел прекрасную деву, и решил царевич идти к отшельнику. Узнал об этом царь и приставил стражу к сыну. Но Судана задумал уйти ночью, тайком от стражи. Никто не заметил, как он вышел из дворца и из города.

И вот увидел царевич Судана месяц на ночном небе и в горе своем по Манохаре обратился к месяцу:

— Месяц, месяц, царь звезд, светящий ночью, мил ты взорам любимой звезды своей Рохини; ты, верный вожатый путников, приведи меня к милой моей Манохаре!

Идет царевич по лесу, мимо лань бежит. Взглянул

он в ее чудесные глаза, и показалось ему, будто он видит глаза своей милой жены.

— Лань, лань, не бойся меня, не охотник я, — сказал он. — Не видала ли ты моей Манохары, прекрасной, быстрой, как лань, с чудесными очами?

Все дальше идет царевич, и видит он пчел, и спрашивает он пчелу:

— Сине-черная пчела, ты не видела моей Манохары с сине-черными кудрями, пчелам подобными?

Потом увидел царевич змею и спросил ее:

— Змея, змея, яд твой пышет огнем и дымом; но что огонь твоего яда перед пламенем, которое сжигает мое сердце в разлуке! Не видала ты моей Манохары?

Вот слышит царевич, как птица Кокила зовет в лесу свою подругу и откликается на зов ее, и крикнул:

— О Кокила, царь птиц, обитающий в лесной чаще, не видел ты моей Манохары милой с очами, как голубые лотосы?

Кличет подруг Кокила и не отвечает царевичу.

Дальше идет царевич. Видит, стоит перед ним высокое дерево ашока, а оно потому зовется ашока — «безгорестное», — что нет у него печали. Воззвал к нему царевич:

— Безгорестный царь деревьев, утоли мое горе, тяжкое горе разлуки с милой моей Манохарой!

Обезумел от горя царевич, опрашивал всех — и цветы, и деревья, и птиц, и зверей, — точно они могли подать ему весть о милой. Наконец, пришел он к отшельнику и пал перед ним ниц, умоляя сказать, не видел ли он царевны Манохары. Приветливо принял его отшельник, усадил, напоил, накормил и сказал:

— Успокойся! Была здесь она, твоя красавица жена, и говорит мне мое сердце, что свидишься ты с нею. Была она здесь и сказала мне: «Придет царевич Судана, тоскуя в разлуке со мною, дай ему этот перстень

и скажи от меня: «Тяжек путь к небесной деве Манохаре, трудно он проходим; ты испытаешь страдания, — вернись». Но если ты не сможешь уговорить его вернуться, отдай ему этот перстень и укажи дорогу».

Отшельник слово в слово передал царевичу все, что говорила Манохара: рассказал и про девять черных гор, и про страшные реки, и про чудища и страшилища, и про то, как и чем избежать их, чтобы дойти до жилища небесной девы.

Жадно слушал царевич Судана рассказ про то, как найти путь к милой, желанной своей небесной царевне Манохаре. Потом земно поклонился отшельнику, поблагодарил его и сейчас же стал искать травы, заклинания и волшебные средства против страшилищ и чудищ. Все нашел он, кроме обезьяны, и тогда вновь пришел к отшельнику.

И вот говорит ему отшельник:

— Труден путь, царевич, и опасен, — вернись. Неужели ты не можешь жить без Манохары? Один, без товарищей, ты не дойдешь — погибнешь.

Ответил царевич:

— Разве месяц на своем долгом пути по небу имеет спутника? Разве слон, когда раздирает чащу лесную, чтобы пройти, имеет спутника? А огонь, когда палит лес, чтобы найти себе выход, разве нуждается в спутнике? Неужели я, что горю огнем и жаждой, которую утолит лишь свидание, неужели я слабее их, неужели мне нужны спутники? Бороться должен человек до конца, даже если и не успеет в том деле, которое предпринял.

Взял с собой царевич все волшебные средства, а отшельник вызвал из своего шалаша маленькую старую обезьяну и передал ее царевичу. И вышел царевич на указанный путь. Тут перед ним предстали черные горы, пропасти глубокие, пещеры темные, как

ночь. Но волей своей и силой чар и волшебных средств одолел царевич все препятствия и подошел к столице царя Друмы.

Эту столицу окружал огромный сад, полный певчих птиц, с прудами и озерами, на которых плавали лотосы красные, синие, белые. И били там ключи кристальной воды. И вот увидел царевич, как к ключу идут небесные девы с кувшинами за кристальной водой.

Подошел к ним Судана и спрашивает:

— На что вам нужно столько воды?

— Наша царевна Манохара попала в руки людей, и мы должны омыть ее во многих водах, чтобы не пахло от нее человеческим запахом.

— А как вы будете лить на нее воду — из всех кувшинов сразу или из каждого порознь? — спросил царевич.

— Из каждого порознь.

Опустил тогда царевич свой перстень в один из кувшинов и сказал:

— Вот этот кувшин вылейте на Манохару сначала.

Так и поступили небесные девы-прислужницы, и перстень упал в руку Манохаре. Узнала она его и спросила:

— Приходил сюда человек?

— Да, — ответили ей.

— Приведите его и спрячьте. Я выйду к нему.

Так и сделали; а Манохара пошла к отцу, поклонилась ему в ноги и спросила:

— Отец, если бы супруг мой, царевич Судана, пришел сюда, что бы ты сделал с ним?

И ответил царь Друма:

— Он человек, и потому я велел бы рассечь его на сто частей и разбросать его тело на все четыре стороны.

Тогда Манохара сказала:

— Судана — человек; как может он сюда прийти? Я просто так тебя спросила.

Но через некоторое время царь Друма положил гнев на милость и сказал дочери:

— Если бы юноша Судана пришел сюда, я бы дал ему в приданое за тобой много сокровищ и слуг.

Обрадовалась Манохара и привела царевича к отцу. Увидел царь красоту неописанную земного царевича, и понравился ему юноша. И решил царь тотчас испытать его силу и уменье и задать ему разные задачи.

Тут велел царь Друма воздвигнуть семь золотых столбов, принести семь барабанов, привести семь кабанов и отыскать семь пальм в саду, да таких, что стоят в ряд, прячась одна за другую. Когда все было сделано по его приказу, позвал он царевича Судану и сказал ему:

— Красотой своей ты уже победил юношей небесного царства. Яви теперь мощь свою — и тогда ты вступишь в родство с небожителями. Создай тростниковую рощу, но тотчас вырви тростники и засей это место зерном; потом взрасти зерно и немедля собери зерно к зерну. А затем ты покажешь нам свое искусство в стрельбе. Если ты все это сделаешь, то наградой твоей доблести будет Манохара.

Смутился царевич: он не знал, что делать. Правда, в стрельбе из лука он не имел соперников и этого испытания не боялся, но как совершить чудо с тростником и зерном? Сколько он ни думал, ничего придумать не мог и в отчаянии воскликнул:

— Девять гор великих я перешел, и Гималай-снегоносец не остановил меня; чарами одолел я страшные реки, и чудищ, и страшилищ, и пятьсот небожителей победил в бою; так неужели теперь, претерпев

все эти муки и испытания, я потеряю Манохару? Боги помогали мне, и их чарами я одолел препятствия, а теперь они покинули меня, и я не могу докончить начатое и потеряю навсегда свою милую.

Вдруг кто-то тронул его за руку, и он услышал голос:

— Ты забыл меня, ту, которую нес с таким трудом, не жалея жизни. — И царевич увидел обезьяну отшельника. Она держала его за руку и смотрела на него ласковыми глазами.

— Кто ты, что говоришь, как человек, а облик твой — обезьяний? И как ты можешь мне помочь?

— Я спутник царя богов, великого Индры. Он за ослушание превратил меня в обезьяну и отдал в услужение отшельнику. Царь богов сказал мне, что проклятие снимется с меня только тогда, когда я смогу выручить из беды человека и небесное существо. Двенадцать лет прожил я у отшельника, многим помогал, но ни разу не было мне дано помочь человеку и небожителю. Когда отшельник увидел, что ты решил добиться Манохары, хотя бы ценой жизни, то он дал меня тебе, зная, что я один могу тебе помочь. Если ты согласен, я немедленно отправлюсь к царю богов и умолю его помочь тебе, тогда снимется и мое проклятие.

— Спеши, спеши, — сказал Судана обезьяне, — а не то я лишусь Манохары, а с нею и жизни!

Обезьяна поднялась на воздух и полетела по небу. Внял ее мольбам царь богов Индра, простил своему спутнику его проступок, вернул божеский образ и, видя, как трудно приходится прекрасному царевичу Судане, решил помочь ему. Божественной силой создал тростниковую рощу, потом велел своим духам под видом кабанов уничтожить эту рощу; тогда на гладком месте было посеяно зерно и чудом взращено;

затем Индра послал туда муравьиное войско, и оно подобрало зерно к зерну. Когда все это сделали, Судана схватил меч и рассек золотые столбы, схватил лук и пронзил стрелой семь барабанов и семь кабанов. Поразились небожители и кликами приветствовали победителя.

Тогда царь Друма назначил последнее испытание. Силою волшебства сделал он тысячу небесных дев такими похожими на Манохару, что нельзя было отличить одну деву от другой. Позвал царь Друма царевича Судану и говорит ему:

— Подойди и узнай Манохару.

Стал царевич перед тысячью девами и сказал:

— Если правда, что дочь царя Друмы, Манохара, — моя жена, то она сейчас выйдет из рядов и подойдет ко мне.

И силой правды его слов Манохара была вынуждена подойти к Судане. Воскликнули тогда все:

— О царь, царевич Судана заслужил свою жену.

И царь Друма соединил разлученных долгой разлукой и щедро одарил их дарами.

И стали жить в небесном царстве прекрасный царевич Судана с милой женой Манохарой. Но вот однажды вспомнились царевичу родная земля, царица-мать, отец, и захотелось ему увидеть их. Царь Друма разрешил Судане и Манохаре уехать. Прибыли они в столицу царя Даны, и здесь их встретили великими почестями и празднествами, и передал царь Дана царство своему сыну. И тот зажил счастливо со своей любимой женой царицей Манохарой, и никогда уже более не расставались они.

РАМА, ЛАКШМАНА И УЧЕНАЯ СОВА

Жил-был некогда царь. Звали его Чандра Раджа, то есть Лунный царь, и был у него визирь-советник по имени Батти. Любили они друг друга, как родные братья. Долго не было у обоих детей, и они горевали о своей бездетности. И вот боги услышали их молитвы, и в один и тот же день, в один и тот же час у царицы и у жены визиря родилось по мальчику. И назвали царского сына Рамой, а сына визиря — Лакшманой, потому что младшего брата великого царя Рамы звали Лакшманой, как известно всякому, кто читал или слыхал о подвигах Рамы в «Рамаяне»[1]. И праздник наречения им имен праздновала вся страна.

Мальчики нежно любили друг друга и не могли жить врозь. Вместе они купались, вместе играли, вместе учились в школе, а когда ели, то ели с одного блюда.

Царице не нравилась дружба ее сына с сыном визиря, и она просила царя разлучить их, но царь любил визиря и радовался дружбе мальчиков. И царица не могла добиться своего. Стала она советоваться с разными людьми, как ей разлучить мальчиков, но никто не мог ей ничего посоветовать. И вот, наконец, пришла к ней одна старая хитрая плясунья и сказала:

— Дай мне много золота, и я быстро разлучу мальчиков.

Царица дала ей мешок золота и пообещала дать второй в случае удачи, а потом стала ждать, что будет.

---

[1] «Рамаяна» — древнеиндийский эпос.

Старая плясунья оделась в роскошное платье и пошла к тому загородному дому, где Рама и Лакшмана целые дни проводили вместе. Они и теперь сидели там и играли. Плясунья подошла к колодцу и стала возиться около него. Раму взяло любопытство, и он послал Лакшману узнать, что делает здесь эта богато одетая женщина.

Лакшмана пошел к колодцу и спросил плясунью, что ей нужно.

— Ничего, ничего, — ответила она и покачала головой.

Потом ушла, направилась прямо к царице и сказала ей:

— Дело сделано! Дай мне второй мешок золота.

Царица дала ей еще мешок.

А Лакшмана вернулся к Раме, и тот спросил его:

— Что нужно было этой женщине?

— Она сказала, что ей ничего не надо, — ответил Лакшмана.

— Неправда, — сказал Рама, — ты что-то скрываешь от меня. Не может быть, чтобы она без всякой цели пришла сюда. Ты скрываешь от меня какую-то тайну.

И как ни уверял Лакшмана, что сказал все, что знал, Рама не верил ему. Они заспорили, а потом и подрались. В ярости Рама побежал к отцу.

— Отец мой, — крикнул он, — я ненавижу сына визиря! Вели его убить и принести мне его глаза в доказательство, что он убит.

Как ни уговаривал отец Раму, ничто не помогало. Наконец, царь пошел к визирю и сказал ему:

— Мальчики поссорились. Спрячь своего сына. Надо как-то уладить дело.

Визирь спрятал сына, а царь застрелил лань, показал ее глаза сыну и молвил:

— Вот, сын мой, добрый сын визиря по твоей воле лишен жизни.

Рама обрадовался, но радость его была недолговечна, он скоро затосковал по любимому товарищу, — ведь они часто беседовали, играли вместе и Лакшмана так удивительно умел рассказывать. И вот Рама вдруг увидел странный сон, и никто не мог истолковать ему этот сон. Четыре ночи подряд Раме снился дивный хрустальный дворец, а в нем царевна, белая, как мрамор. Этот странный сон мучил царевича, и он все вспоминал своего любимого друга Лакшману. Наконец, он пошел к своему отцу и спросил его:

— Где могила милого моего друга? Я хочу умереть на ней.

— Удивительный ты человек, — сказал царь, — сам потребовал, чтобы убили несчастного, ни в чем не повинного Лакшману, а теперь хочешь умереть на его могиле. Что все это значит?

Рама плакал и сокрушался, горюя, что друг умер по его вине; и вот он решил искупить свое безумство и дикий гнев добровольной смертью на могиле бедного Лакшманы. Царь, наконец, убедился, что Рама искренне раскаивается, и, видя его отчаяние, сказал ему:

— К счастью для тебя, отец твой не выполняет все безрассудные прихоти своего сына. Так знай же: твой друг жив. Его спасли от твоего беспричинного гнева. Глаза, которые тебе показали, — глаза убитой лани. Ты сейчас увидишь своего друга. Смотри не ссорься с ним опять: дружба приобретается с трудом, и особенно редка она в жизни царей. Так не теряй же теперь того, что потом, может быть, никогда уже не приобретешь.

Велика была радость свидания! Юноши забыли о своей несчастной ссоре и только и думали о том, как бы угодить один другому. Рама вспомнил свой сон и тотчас же стал просить Лакшману растолковать его.

— Четыре ночи подряд я видел один и тот же странный сон, — сказал Рама. — Мне снилось, что я все иду да иду долго-долго по густому лесу и дошел до рощи кокосовых пальм. За нею была роща гуав, затем роща бетельных пальм, а дальше — великолепный цветник. Там цвели самые удивительные цветы, и жена садовника дала мне охапку цветов. Сад обтекала широкая и глубокая река, а на другом берегу реки стоял дивный хрустальный дворец, весь прозрачный, и сквозь стены его я увидел прекраснейшую в мире царевну, белую, как мрамор. Она сидела во дворце, с ног до головы украшенная жемчугами и драгоценными камнями. Красота ее так поразила меня, что я упал в обморок, а когда пришел в себя, то проснулся. И четыре ночи подряд я видел тот же сон. Никто не может объяснить мне значение этого сна. Скажи ты мне, что он означает?

— Твой сон, — ответил Лакшмана, — не сон, а явь. Царевна, которую ты видел, действительно существует, и она дочь одного великого царя. А государство его лежит далеко отсюда. И все, что ты видел, — и рощи, и сад, и хрустальный дворец, и река — все они в самом деле именно такие, какими ты их видел. А то, что тебе четыре раза снилась царевна, показывает, что тебе суждено жениться на ней. Только это не легкое дело: за царевну сватались уже очень многие цари и царевичи, а она дала зарок, что выйдет только за того, кто сможет на коне перепрыгнуть через реку и предстать перед нею в хрустальном дворце. Но все, кто пытались это сделать, тонули в реке или разбивали себе голову, и ни один из них не остался в живых.

— А мы можем попасть в эту страну? — спросил Рама.

— Конечно, — ответил Лакшмана, — скажи своему отцу, что мы хотим поехать посмотреть на свет божий,

и не бери с собой ни слонов, ни свиты. Поедем мы вдвоем, и ты попроси у отца его боевого коня.

Рама пошел к отцу и попросил у него разрешения уехать вместе со своим другом, чтобы посмотреть свет. Царь охотно согласился и предложил ему спутников, слонов, коней. Но Рама от всего отказался и попросил только дать ему старого царского боевого коня.

— Возьми его, сын мой, — сказал царь.

И вот друзья отправились странствовать.

Много дней, недель и месяцев ехали они, пока, наконец, не добрались до рощи кокосовых пальм. За нею росла роща гуав, а затем показалась роща бетельных пальм. Друзья поняли, что приближаются ко дворцу той царевны, которая снилась Раме. И правда, вскоре они въехали в чудесный сад, где жена садовника поднесла царевичу великолепные цветы. Но тут друзей ждала беда.

Надо сказать, что цари и царевичи, стремясь проникнуть к царевне в хрустальный дворец, гибли сотнями и тысячами; поэтому царь приказал, чтобы никто не смел пытаться перескочить реку, не повидавшись с ним и не выслушав его увещеваний. Так ему удавалось многих отговорить от безумной затеи. Рама и Лакшмана этого не знали; они выехали на самый берег реки и собрались уже перепрыгнуть через реку, как вдруг появилась царская стража и отвела их в тюрьму.

Смутились друзья. Ведь цель казалась им такой близкой, а теперь неизвестно было, какая ждет их судьба и выпустят ли их вообще из тюрьмы.

— Как ты думаешь, — спросил Рама Лакшману, — удастся нам отсюда выбраться?

— Право, не знаю. Но попытаемся.

Лакшмана дал одному из стражников денег и по-

просил его несколько раз прокричать на улице около дворца:

— У жены садовника сбежала корова.

Стражник подивился странной просьбе, но, не видя в ней ничего преступного, взял деньги и выполнил поручение Лакшманы. Жена садовника услыхала клич стражника и подумала: «Это, верно, мои бедные юноши попались и сидят в тюрьме. Постараюсь их освободить». Она подговорила двух старых нищих и взяла их с собой.

А тюрьма находилась в том же дворе, что и небольшой храм, куда часто ходили молиться женщины из дворца; так что тюремная стража стояла не у дверей тюрьмы, а у ворот большого двора. Стража знала жену дворцового садовника, и ее впустили во двор, впустили и двух ее спутников. Быстро раскрыла она дверь тюрьмы, нищие обменялись платьем с узниками и остались в тюрьме, а Рама и Лакшмана под видом нищих вышли с женой садовника.

Наутро стражники привели к царю обоих нищих, одетых в царское платье, и доложили, что вот-де опять поймали царевича, который хотел без разрешения перепрыгнуть реку. Посмотрел царь на нищих и рассмеялся.

— Хороши же вы стражники! Наших городских нищих не узнали. Отпустите-ка их! Кто-то над вами посмеялся. В этих людях царского только и есть что одежда.

Тем временем Рама и Лакшмана переоделись и явились на царский прием. Ласково принял их царь, но когда узнал о желании Рамы, покачал седой головой и молвил:

— Странные вы существа, молодые люди! Сотни есть на свете царевен не хуже моей дочери. Но вы хотите во что бы то ни стало получить именно ее. А

все потому, что она упрямая и требует невозможного от женихов. Бросьте свою затею, не жертвуйте жизнью зря, она вам пригодится для лучшего.

Но все уговоры царя ни к чему не привели, и пришлось провозгласить в городе, что еще один царевич сватается за царскую дочь и хочет попытать счастья.

Выехал Рама на берег, и почуял боевой конь, что теперь ему нельзя посрамить своего господина: одним прыжком перескочил он реку и влетел прямо во двор хрустального дворца, потом скакнул обратно — и так три раза. Обрадовался царь, похлопал коня по шее и сказал:

— Вот это конь!

Потом приветствовал Раму:

— А вот это всадник! Теперь уж моя упрямица должна выйти замуж.

Пышно справили свадьбу, и зажили молодые во дворце. Но вскоре Рама сказал царю:

— Отпусти нас к отцу и матери! Я у них один сын и стосковался по ним, а они по мне.

— Хорошо, — ответил ему царь, — поезжай, но помни, что я всегда буду рад тебе и что дочь у меня тоже одна. Хотелось бы мне иногда видеться с нею.

Молодые двинулись в путь, а с ними Лакшмана и много спутников. Проехали лес и к ночи остановились на опушке и раскинули шатры. Лакшмана стал на стражу с вечера. Долго сидел он, но все было тихо. Вдруг на ветку большого дерева, над его головой, сели две маленькие совы. У сов этих перья белые и черные; это очень умные птицы, и они знают, что должно случиться с людьми, — надо только понять их речи. Но лишь немногие люди знают их язык. К счастью, Лакшмана понимал язык сов, и он стал внимательно слушать, что они друг другу говорили.

— Давно ты, милый, ничего мне не рассказывал, — сказала сова своему мужу, — расскажи что-нибудь.

— Хорошо, расскажу тебе про этих людей в шатре и про того юношу, что сидит под деревом на страже и не знает, что будет с ним и с его друзьями. Слушай.

И сова рассказала о том, как родились Рама и Лакшмана, как они были дружны и как поссорились, а потом помирились; рассказала и о том, как царевич видел сон, как поехал за невестой, перепрыгнул реку и женился.

— Теперь, — продолжала сова, — они едут домой, и бедного Лакшману ждут беды неминучие. Станет царевич с женой подъезжать к своей столице, и проедут они под большим деревом. Тут Лакшмана заметит, что большая ветвь грозит вот-вот упасть и убить проезжих. Бросится он тогда и быстро погонит лошадей, — их спасет, а себя не спасет. В другой раз пройдут они под большими воротами дворца, и камень сорвется сверху. Лакшмана схватит царевну и спасет ее, — хоть в той стране закон запрещает касаться женщин царской крови; царевну спасет, а сам опять не спасется. А на третий раз погибнет. В первую ночь будет он сторожить у опочивальни царевича, и в полночь к царевне подползет большая гремучая змея. Лакшмана разрубит ее мечом, и брызнет змеиная кровь на лоб царевны, но она не проснется. Не решится Лакшмана коснуться рукой лба царевны, а закроет платком глаза и языком слижет змеиную кровь. Тут царевич проснется, увидит все и станет упрекать друга. А как станет он его упрекать, друг окаменеет с ног до головы.

— И что же, — спросила сова мужа, — так он и останется камнем навсегда?

— Нет, — ответил ей муж, — восемь лет он пробудет камнем, и спасти его может лишь одно: если у царевны и царевича родится сын и он сам, своей волей и своей рукой, ухватится за каменную руку Лакшманы,

тогда окаменевший оживет. Ну, теперь довольно; полночи я проговорил. Полетим ловить мышей, — ловить и есть. Шуху! шуху!

Лакшмана слушал и записывал каждое слово совы. Тяжело у него было на сердце. Наутро он завернул в пальмовый лист все, что записал, запечатал его, отдал Раме и сказал:

— Это мое завещание. Когда со мной случится беда, прочти, что здесь написано.

Удивился Рама, но взял завещание друга.

Поехали дальше. И правда, все случилось так, как предсказывала сова: и ветвь упала с дерева, и камень сорвался со стены, чуть не убив царевну, и змея подползла к царевне, но ее прикончил верный друг царевича. А царевич спросонья увидел только пролитую кровь да поднятый меч в руке Лакшманы и обвинил друга в том, что тот хотел убить его и царевну. И Лакшмана тотчас окаменел.

Обезумел от ужаса царевич — понял, что произошла какая-то страшная ошибка. Тут Рама вспомнил про завещание Лакшманы, которое всегда носил на груди, немедля взломал печать и вместе с царевной прочитал все, что тот написал. Горько упрекал он себя, что погубил друга, но делать было нечего, оставалось лишь ждать, что исполнится предсказание совы.

Однако года проходили, а у царевича и царевны все не было сына, и только в начале девятого года, наконец, родился мальчик. Как только он начал ползать, Рама с женой стали приносить его к окаменевшему Лакшмане, в надежде, что сбудется предсказание. Но ребенок был мал и не мог дотянуться до руки несчастного. Наконец, мальчик стал подниматься на ноги и однажды, боясь упасть, уцепился за руку каменного Лакшманы. И тотчас Лакшмана ожил, схватил ребенка на руки и расцеловал его, а ребенок за-

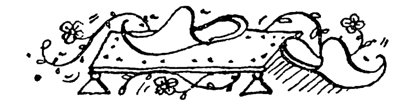
смеялся. Счастливые родители не знали, как выразить свою радость, — ведь их друг ожил! Тотчас послали доложить обо всем царю и другу его, визирю, отцу Лакшманы, и те немедленно пришли.

— Много ты горя причинил своему другу, — сказал Раме царь. — Теперь дай ему счастье — найди ему хорошую и красивую жену.

Рама тогда сосватал другу царевну — дочь соседнего царя, и Лакшмана, наконец, зажил счастливо.

ЦАРЕВНА «БЛАГАЯ СУДЬБА»

Жили однажды царь и царица, и была у них одна дочь — самая прекрасная царевна в мире. Лицо у нее было нежное и белое, как лунный свет, и была она так добра, мила и нежна, что справедливо назвали ее — царевна Содева-бай, что значит: «Благая судьба». Когда она родилась, послали за ученейшими звездочетами и мудрейшими прорицателями, и они сказали, что она будет богаче всех царевен мира и, после того как испытает величайшее несчастье, станет счастливейшей женщиной. А какое это будет несчастье, они не могли увидеть ни по каким звездам, не могли вычитать ни в каких книгах; велели только беречь пуще зеницы ока золотое ожерелье на шее царевны. С этим ожерельем она родилась, и сразу было заметно, что оно не простое, а волшебное.

Мудрецы говорили:

— Ожерелье это не земное, а небесное: в нем душа царевны; и если она его снимет и его наденет другой человек, то она умрет.

Ожерелье закрепили особенным образом и, как только девочка подросла и поумнела, ей внушили, что надо особенно заботиться о чудесном ожерелье, — ведь в нем заключена ее жизнь. Сбылись слова прорицателей и звездочетов: они говорили, что она будет самой богатой из всех царевен на свете, — и действительно, стоило ей только раскрыть рот, как из него сыпались жемчуг и самоцветы; стоило сделать шаг, как вокруг нее сыпались драгоценные камни.

Царевне Содеве-бай исполнилось четырнадцать лет. И ко дню ее рождения отец решил сделать ей подарок — да такой, что должен был ей очень понравиться. И вот он подарил дочери золотые туфельки удивительной работы: они были сотканы с драгоценными камнями. А ножки у царевны были маленькие, так что туфельки оказались не только самыми красивыми на свете, но и самыми крошечными; подобных им ни у кого больше не было, и каждая стоила сто тысяч золотых. Царевна очень любила эти туфельки и всегда надевала их, когда шла гулять в сад.

Однажды она резвилась со своими девушками на скате горы. И вдруг туфелька соскользнула с ножки царевны, покатилась вниз и потерялась в чаще. Как ее ни искали, найти не смогли. Обещали великие награды тому, кто найдет золотую туфельку, но напрасно — никто не мог ее найти.

Прошло некоторое время, и в лес под горой приехал охотиться молодой царевич, сын царя соседнего царства. Он нашел под деревом золотую туфельку царевны Содевы-бай и взял ее домой, а дома показал матери и молвил:

— Удивительная должна быть ножка, для которой смастерили эту дивную туфельку.

— Сын мой, — сказала царица-мать, — это, наверное, туфелька какой-нибудь царевны. Хорошо бы тебе эту царевну добыть себе в жены.

И вот послали они всюду узнавать, не потеряла ли какая-нибудь царевна золотой туфельки. Долго искали, расспрашивали, но все тщетно; наконец, какие-то путешественники рассказали, что слышали, будто в одном царстве у одного могущественного царя дочь потеряла на горе удивительную золотую туфельку, и тому, кто ее найдет, обещаны большие сокровища.

Собрался тогда царевич в то царство и повез с собой свою находку. Приехал к царю и говорит, как научила его мать:

— Я нашел туфлю вашей дочери, государь, и за нее мне нужно награду великую.

— Чего ты желаешь? Коней? Серебра? Золота? — спросил царь. — Все дам тебе, только бы дочка моя радовалась. Ничего мне не жаль.

— Нет, государь, не надо мне ни золота, ни серебра, ни коней, а отдайте за меня вашу дочь, я — царский сын.

— Не знаю, как помочь тебе, — сказал царь. — От меня это не зависит. Я обещал дочери, что она выйдет замуж только за того, за кого сама захочет. Если она согласится, я перечить не буду.

Царевна Содева-бай увидела из окна царевича, и он пришелся ей по сердцу. А когда отец прислал ей сказать, что царевич за нее сватается и спрашивает, хочет ли она пойти за него, то она согласилась.

Пышно отпраздновали свадьбу, и молодые счастливо зажили во дворце. Прошло сколько-то времени, царевичу захотелось повидать родителей, и он отпросился на время у царя. С ним поехала и Содева-бай. На прощанье царь наказал обоим, а особенно царевичу, не спускать глаз с ожерелья на шее царевны.

— Помни, что в этом ожерелье ее жизнь, — говорил он. — Потеряется ожерелье — потеряешь ты жену.

Обрадовались старые родители, когда увидели сына и его прекрасную жену. Но во дворце жила первая жена царевича, — по обычаю той страны, его женили на ней, когда он был еще мальчиком. Она была злая и ненавидела царевича. Возненавидела она и бедную Содеву-бай, но скрыла свою ненависть, притворилась ласковой и приветливой.

Вскоре царевичу пришлось уехать по делам управ-

ления на далекую окраину, и он поручил Содеву–бай попечению своих родителей.

Когда уехал царевич, первая жена его отправилась в гости к Содеве–бай и сказала ей:

— Теперь ты осталась одна, будем чаще видеться.

Доверчивая Содева–бай обрадовалась и стала показывать ей свои драгоценности. Особенно понравились гостье чудесные золотые туфельки. Затем она попросила Содеву–бай снять золотое ожерелье и показать его, но та сказала:

— Этого я не могу. Ведь если я сниму ожерелье и передам его другому человеку, я тотчас умру.

Злая царевна удивилась и обрадовалась. «Теперь–то Содева–бай в моих руках; не жить ей больше», — подумала она. Долго еще беседовали они; наконец, Содеву–бай позвали к царице, и царевны расстались.

Придя к себе, злая царевна позвала свою старшую прислужницу, черную рабыню, дала ей много золота и велела ночью похитить ожерелье Содевы–бай, надеть его на себя и спрятать под платьем. Ночью рабыня прокралась в спальню к царевне, осторожно сняла с нее ожерелье и надела его на себя. И в то же мгновение Содева–бай умерла.

Пришла утром царица–мать в опочивальню царевны узнать, как она провела ночь, и вдруг увидела ее на постели бледной и бездыханной. Позвали врачей, но никто не мог объяснить, что случилось с царевной: она лежала и мертвая — и живая, неподвижная и холодная, но не окоченевшая. Долго думали врачи, наконец посоветовали положить ее под хрустальный купол в саду, в беседке близ пруда, чтобы посмотреть, что будет дальше. Дни проходили, а тело царевны не менялось, но она и не оживала.

Вернулся, наконец, из путешествия несчастный царевич и совсем обезумел от горя. Целыми днями, с

восхода солнца и до заката, сидел он у тела жены и смотрел на нее, не сводя глаз; но она лежала недвижимая и не оживала. В отчаянии своем царевич забыл про волшебное ожерелье и не стал искать его, — поэтому он ничего не знал о кознях злой царевны.

Но однажды ночью черная прислужница легла спать, решив всегда снимать ожерелье на ночь. Как только она его сняла, царевна ожила и села на своем ложе. Она долго не могла понять, где она, все сидела и плакала, но вернуться домой не могла, потому что ожерелья на ней не было. Царевна могла только дойти до пруда и напиться воды из источника, что питал пруд. Потом она возвратилась под хрустальный купол дожидаться утра. Но оно никогда для нее не наступало, потому что черная прислужница вставала с солнцем и тотчас надевала ожерелье. А как только она его надевала, Содева-бай падала бездыханная на свое ложе и лежала, как мертвая, до ночи. И с мужем она не могла встретиться, потому что он сидел целые дни у ее тела, а на ночь уходил.

И вот он как-то раз заметил, что у пруда на траве лежит много драгоценных камней: ведь когда Содева-бай шла к пруду, к ее ногам, как и прежде, падали драгоценные камни, но изо рта ее жемчужины не падали, потому что она всегда молчала. Царевич задумался. «Откуда эти драгоценные камни?» — спрашивал он себя, но так и не мог догадаться. И он решил понаблюдать ночью, — ведь он никому не позволял ходить в беседку, и целый день у беседки никого не было. А в этот именно день к вечеру у Содевы-бай родился сын. Он лежал и жалобно кричал. Ночью мать очнулась, взяла на руки ребенка и стала убаюкивать его печальной песенкой. Пришел царевич к беседке и вдруг слышит тихое, протяжное пение. Не успел он опомниться, как открылась дверь, и вышла

Содева-бай с ребенком на руках, и с каждым ее шагом по обе стороны падали драгоценные камни. Царевич не верил своим глазам и затаил дыхание, а Содева-бай подошла к воде, утолила жажду и вернулась в беседку. Не успела она закрыть за собою дверь, как царевич опомнился, кинулся за нею и постучался. Стук напугал царевну, и она промолчала. Тогда царевич назвал ее по имени и стал умолять отворить ему. Как только Содева-бай услышала милый голос, она побежала к двери и распахнула ее.

Муж обнял ее, а она взяла сына и показала ему:

— Смотри, это наш царевич! Он родился вчера. А я каждый день умираю, потому что кто-то похитил мое волшебное ожерелье и днем надевает его.

Утром царевич созвал всех, кто жил во дворце, и увидел на шее у черной прислужницы золотое ожерелье. Он тотчас снял его и надел на жену. Содева-бай ожила и вернулась во дворец с сыном, а черную прислужницу и злую царевну отправили в тюрьму.

Велика была радость в стране, когда Содева-бай вернулась к жизни, — ведь ее все любили за кротость и доброту. И с тех пор она счастливо жила с мужем и сыном, никогда не расставалась с ожерельем и всегда носила золотые туфельки, что принесли ей счастье и мужа.

СТАРАЯ ВЕДЬМА В ЛЕСУ

Жил однажды брахман, и было у него пять дочерей. Мать их умерла, и отец женился во второй раз. Мачеха дурно обращалась с детьми, и они часто голодали. До того она была скупа, что однажды взяла зерно, разделила его на пять частей и дала кусочек каждой девочке.

— Сыта ли ты, сестрица? — спрашивали друг у друга сестры, когда получили по кусочку зерна. И каждая отвечала:

— Сыта.

И только младшая сказала:

— А я еще голодна.

Тогда старшая сестра отдала ей свой кусочек.

Так прошло несколько времени. Наконец, мачеха сказала мужу:

— Пусть дети уйдут, а не то уйду я.

Сколько он ее ни уговаривал, она стояла на своем. Взял он тогда детей и пошел. Пришли они к реке, и отец велел девочкам переправиться через нее. Они просили его:

— Отец, переправься первый, а мы за тобой.

— Нет, дочки, — сказал отец, — идите вы первые, потом уж я пойду. А если увидите, что вниз по реке плывет зонт, то знайте, что я утонул.

Девочки переправились, стали смотреть на реку да отца поджидать и вскоре увидели, что вниз по реке плывет зонт. Поняли они, что отец их утонул.

Много дней шли они и наконец пришли в лес. Тут у хижины сидела женщина. Она приняла детей приветливо и повела их к себе. Девочки не знали, что она ведьма и желает им зла.

На другой день старуха послала четырех младших сестер в лес за дровами, а старшей велела остаться и помочь ей убрать комнату. Вечером девочки вернулись и не нашли старшей сестры. Ведьма сказала, что девочка убежала домой; она не хотела, чтобы сестры догадались, что она съела старшую. Так продолжалось четыре дня подряд, пока не осталась одна младшая сестра. На пятый день старуха сама пошла в лес и велела девочке подмести и прибрать комнату. Девочка начала подметать и из любопытства заглянула в ящик, что стоял в углу хижины. Подняла она крышку и с ужасом увидела, что там лежат четыре головы — головы ее сестер — и смотрят на нее пристально.

— Сестрички, что вы на меня так смотрите? — спросила девочка.

— Потому смотрим, сестрица, — ответили головы, — что и ты нынче сюда попадешь.

Девочка испугалась и спросила у голов, как ей спастись.

— Возьми все, что найдешь в этой комнате, — ответили головы, — завяжи в узелок и беги. Как будешь бежать, разбрасывай вещи по дороге. Старуха погонится за тобой, но увидит вещи и примется их подбирать, а ты тем временем убежишь.

Девочка все исполнила, как посоветовали головы сестер, и побежала.

Вернулась старуха и во всем доме нашла только помело. Она села на него и полетела в погоню за девочкой. По дороге она увидела разбросанные вещи и стала их подбирать. А девочка бежала все дальше и

дальше, пока не добежала до большого дерева. И вот сказала девочка дереву:

— Дерево, спрячь меня.

Дерево открылось, и девочка спряталась в нем; только кончик ее мизинца остался снаружи. Прилетела старуха и откусила у девочки мизинец; съела она его и пожалела, что такой лакомый кусок, как эта девочка, ускользнул от нее, рассердилась и вернулась домой.

Тем временем пришел дровосек рубить дерево. Принялся рубить и вдруг слышит из дерева голос:

— Руби наверху, руби внизу, не руби в середине, а то разрубишь меня.

Удивился дровосек и побежал к царю сообщить о чуде. Пришел царь с приближенными и услышал тот же голос. Они срубили дерево так, как просил голос, и увидели прекрасную девушку.

Царь сказал ей:

— Девушка, подойди к тому из нас, кто одной касты с тобой[1]

И тотчас же она подошла к брахману. Поняли тогда все, что может она быть женой царя. Отвели ее во дворец, а царь женился на ней, и жили они вместе долго и счастливо.

---

[1] По древним обычаям, люди разных каст не должны вступать в брак друг с другом и вместе принимать пищу. Каста брахманов (жрецов) — высшая.

СОЛОВЕЙ И ХЛОПКОВЫЙ КУСТ

Жил однажды соловей. Летал-летал он и вот однажды увидел куст, на котором висел маленький плод. Обрадовался соловей и сказал:

— Останусь сидеть на этом кусте, и когда плод созреет, съем его.

Бросил он свое гнездо и семью и уселся на этом кусте. А куст-то был хлопковый. Сидел соловей много лет, все поджидал, когда созреет плод, и говорил:

— Завтра съем его, — и в жадности своей не подпускал к кусту ни одной птицы.

Прилетела однажды кукушка; соловей и ее не пустил.

— Почему ты не пускаешь других птиц к этому кусту? Разве эти кусты твои? — спросила кукушка.

— Тебе какое дело? — ответил соловей. — Не пускаю, потому что сам съем плод.

Кукушка знала, что это хлопковый куст, а соловей не знал. А у хлопчатника сперва вырастает почка цветка — это ее соловей принял за плод, — потом цветок, потом коробочка. Коробочка лопается, хлопок вылетает, и ветер уносит его. Соловей обрадовался красному цветку, думал, что это и есть плод, ждал, что он вот-вот созреет. Но цветок обратился в коробочку, коробочка лопнула, и хлопок разлетелся по ветру.

«Что-то летает кругом, — подумал соловей, — верно, плод созрел». Заглянул в коробочку, а она пустая. Рассердился он.

Подлетела тут кукушка и говорит соловью:

— Вот видишь! Пустил бы ты нас на этот куст, мы бы тебе сказали, где съедобные плоды. А ты все жадничал, никого не пускал сюда, вот и наказан за жадность.

Тут слетелись все птицы и стали корить жадного соловья:

— Видишь! Вот ты и наказан за жадность.

Рассердился соловей и, когда птицы улетели, сказал хлопковому кусту:

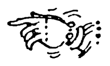
— Ты дурной куст. Никому ты не нужен, никого ты не питаешь.

— Ошибаешься, — возразил куст. — Я кормлю овец, а из моего хлопка люди делают подушки, тюфяки и многое другое, им нужное.

С того дня ни один соловей не садится на хлопковые кусты.

ЖЕЛАЙ, НО ДУМАЙ О ТОМ, ЧТО ЖЕЛАЕШЬ, НЕ ТО ПОЖЕЛАЕШЬ НАПРАСНО

Жил однажды бедняк, и было у него двое детей: сын и дочь. Ничего у них не было, и побирались они по чужим домам. Вот раз повстречался им благочестивый отшельник. Стали они просить его о помощи. Сжалился над ними, бедняками, отшельник, сказал, куда пойти помолиться, и добавил:

— Только помните, просите каждый лишь о чем-нибудь одном.

Пошли они все трое. Первой вошла и стала на молитву девушка. Молилась она о том, чтобы ей быть красивой. Исполнилась ее молитва, и вышла она красавицей. Проезжал мимо царь, увидел ее и взял в жены.

Отец рассердился на дочь за то, что она уехала, да еще был недоволен тем, что она так долго молилась и заставила его ждать. Вот с такими дурными мыслями он стал на молитву. И молил он богов, чтобы у дочери его появилась язва. Тотчас у молодой царицы появилась отвратительная язва на шее, и сразу она опротивела царю; прогнал он ее, и опять она стала нищей.

Последним начал молиться сын бедняка и в жадности своей стал просить богов так:

— Хочу я быть царем и хочу быть богатым.

Но эта молитва его, как и говорил отшельник, не была услышана.

Так эти трое недобрых и жадных людей — отец, сын и дочь — остались, как и были, голодными и без денег.

ВОЛШЕБНАЯ СКРИПКА

Жили однажды семь братьев и сестра. Были они женаты, но их жены не вели хозяйства, а вела его сестра, и оттого жены братьев ненавидели золовку. Сошлись они однажды и решили извести ее.

— Она в поле не работает, а сидит дома, и даже обед у нее не готов вовремя, — говорили они.

И вот пошли они к соседнему духу, принесли ему жертвы и умилостивили его. Дух согласился исполнить их желание. Тогда они сказали:

— В полдень, когда золовка наша пойдет за водой, сделай так, чтобы вода в пруду стала уходить, как только она зачерпнет ее кувшином. Потом пускай вода опять прибывает, только не дай воде попасть в кувшин. А девушку возьми себе.

В полдень пошла девушка на пруд за водой, и вдруг вода исчезла. Заплакала девушка. Потом вода опять начала прибывать понемногу и дошла ей до щиколотки. Попробовала тогда девушка зачерпнуть кувшином воды, но в кувшин ни капли не попало. Испугалась она, закричала:

— Брат мой, брат, вода по щиколотку, а кувшин и капли зачерпнуть не может.

Дошла ей вода до колена, закричала она опять:

— Брат мой, брат, вода по колено, а все равно я не могу зачерпнуть.

Выше поднялась вода, дошла девушке до пояса. Еще больше испугалась она и стала кричать:

— Брат мой, брат! Вода по пояс, а воды не зачерпнуть!

Наконец, вода поднялась так высоко, что девушка стала тонуть и крикнула:

— Брат мой, брат, вода по шею, вот уже заливает кувшин.

Стал кувшин наполняться водой и тонуть, а с ним и девушка, пока совсем не потонули. Тогда дух превратил девушку в духа и унес к себе.

Прошло время, и вырос на берегу пруда большой бамбук. В нем-то и жила девушка-дух. Вырос бамбук в огромное дерево. Проходил мимо отшельник и сказал:

— Из этого бамбука выйдет чудесная скрипка.

Принес он топор, чтобы срубить бамбук поближе к корню, а бамбук как закричит:

— Не руби у корня, руби у верхушки!

Отшельник опять занес топор, чтобы рубить у верхушки, а бамбук закричал:

— Не руби у верхушки, руби у корня!

И так голос из бамбука кричал всякий раз, как отшельник поднимал топор. Понял тогда отшельник, что это дух пугает его, рассердился и срубил бамбук у самого корня; унес его к себе и сделал скрипку. И когда он играл на этой скрипке, она пела так чудно, что все дивились и щедро одаривали его.

Отшельник часто заходил в дом той девушки, которую унес дух, и когда ее братья слышали звуки скрипки, им всякий раз становилось тяжело на душе и хотелось плакать: им казалось, что скрипка стонет и на что-то жалуется.

Старший брат хотел купить эту скрипку, но отшельник не согласился продать ее. Через некоторое время он пошел к старшине одной деревни и стал играть.

Его покормили и тоже попросили продать скрипку, и старшина давал за нее большие деньги. Но отшельник скрипки не продал. Тогда его напоили допьяна и, когда он заснул, подменили скрипку — на место волшебной положили простую. Проснулся отшельник, стал говорить, что скрипку подменили, но все отпирались, и пришлось ему уйти с простой скрипкой, а волшебную оставить в доме старшины.

Стал теперь играть на скрипке сын старшины, и скрипка играла еще лучше, чем раньше. Соседи приходили слушать и наслаждались ее звуками. Когда домашние уходили из дома на работу, девушка-дух, что жила сперва в бамбуке, а потом в бамбуковой скрипке, выходила из нее и варила пищу, ела сама и ставила еду у кровати сына старшины. Повторялось это каждый день, и стали домашние посмеиваться над сыном старшины — говорить, что, наверное, он приглянулся какой-нибудь девушке и она о нем так заботится, что даже и пищу ему готовит.

Тогда юноша решил остаться дома и узнать, что происходит. Спрятался он в углу за дровами и стал ждать. Вскоре из скрипки вышла девушка, расчесала себе волосы и принялась готовить рис к обеду. Поела сама, а остальной рис поставила к кровати сына старшины. Тут он выскочил и схватил девушку, но она стала сопротивляться и говорит:

— Ты кто такой? Что ты меня трогаешь? Может быть, ты из какой-нибудь низшей касты и тебе нельзя меня трогать?

— Нет, — ответил сын старшины, — мы с тобой одной касты, и надо тебе за меня замуж выйти.

Сын старшины был очень красив; он понравился девушке, и она вышла за него замуж.

Тем временем ее братья разорились и пошли по

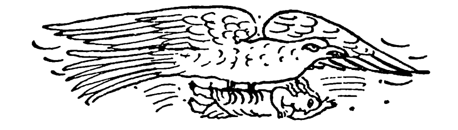
миру, стали просить подаяния. Пришли они в дом старшины, где сестра их была хозяйкой. Она их узнала, а они не узнали ее. И вот поставила она воду на огонь и стала им готовить рис. Пока рис варился, она к ним подсела и рассказала обо всем, что с ней было и как обидели ее их жены, а кончила свой рассказ словами:

— Вы все это, наверное, знали, а никто из вас за меня не заступился.

Больше она ни словом не упрекнула братьев, накормила их и отпустила с миром.

МАЛЕНЬКАЯ СУРЬЯ-БАЙ

Бедная молочница как-то раз отправилась в город продавать молоко и взяла с собой свою годовалую дочку, потому что не на кого было ее оставить. По дороге, усталая, она присела, поставила рядом с собой кувшины с молоком и посадила девочку. Вдруг два орла пролетели над ней, один из них камнем ринулся вниз, схватил ребенка и скрылся с ним за облаками.

Далеко-далеко полетели орлы, за границы той страны, и летели они долго, пока не достигли своего гнезда на высоком-высоком дереве. Гнездо у них было громадное, свитое из железа и прутьев, а вело в него семь железных дверей, и запирались они семью замками. В гнезде орлы спрятали маленькую девочку и назвали ее Сурья-бай, то есть госпожа Солнышко.

Каждый день орлы летали далеко и приносили ей дорогие пестрые платья, украшения, игрушки — вообще все, что только могли найти драгоценного, чтобы порадовать свое Солнышко. Однажды, когда девочке исполнилось двенадцать лет, орлы решили достать ей алмазный перстень. Тогда орел сказал орлице:

— Перстень мы достанем только у Пурпурного моря, что в двенадцати месяцах пути отсюда. Оставим Солнышку пищи на двенадцать месяцев и полетим быстрей, чтобы скорее вернуться.

Осталась девочка в гнезде за семью железными дверями, а с нею собачка и кошечка. Кошечка была

вороватая и как-то раз стащила еду, за что и была наказана девочкой. Рассердилась кошка и решила отомстить: подбежала к очагу и затушила огонь, который горел день и ночь. Бедная девочка не знала, что и делать, ведь кошка стащила всю приготовленную пищу, а огня в гнезде не было, и нечем было разжечь его.

Три дня пробыли они так без пищи — и девочка, и собачка, и кошка. Наконец, голодная маленькая Сурья-бай попыталась спуститься из гнезда на землю. Открыла она одну за другой все семь железных дверей и дошла до края гнезда. Отсюда она начала спускаться с дерева по ветвям. И вот заприметила девочка далеко на краю неба дымок и решила, что там, значит, можно достать огня. Спустилась она с дерева и пошла в сторону дыма. Шла, шла целый день и к вечеру подошла к маленькой хижине. Здесь у огня сидела старуха, смотрела на огонь и грела свои старые руки.

Девочка не знала, что пришла она в страну страшных ракшасов — людоедов и что старуха эта — людоедка. Удивилась старуха красивой девочке, ее драгоценной одежде и украшениям и подумала: «Вот-то нам с сыном лакомый кусочек достался. Будет чем поживиться».

А сын жил вместе с нею, но с утра ушел на охоту и еще не возвращался. Людоедка притворилась доброй, ласковой старухой и спросила девочку:

— Кто ты, голубушка, как тебя зовут и чем я могу тебе помочь?

— Зовут меня Сурья-бай, — ответила та. — Я дочь великих орлов на высоком дереве, и родители мои, орлы, улетели к Пурпурному морю, чтобы достать мне алмазный перстень. Тем временем у меня вышел огонь, и я пришла попросить у тебя огня, бабушка.

— Охотно дам тебе огня, дитятко, только пожалей мою старость и сперва натолки мне рису.

Старуха сказала это, чтобы задержать девочку: она надеялась, что тем временем подойдет ее сын.

Сурья-бай была девочка добрая и охотно помогла старухе натолочь рису. Рис уже был истолчен, а людоед все не возвращался. Тогда старуха попросила девочку смолоть зерна, потом подмести хижину и наконец принести воды из колодца. Сурья-бай все исполнила и стала проситься домой. Старуха уже не могла ее удержать, дала ей огня и мешочек зерна, а потом сказала:

— Как пойдешь домой, сыпь зерно на дорогу. Так ты нам покажешь путь к твоему дому.

Пошла девочка домой к гнезду и по дороге усердно сыпала на землю зерна, не подозревая ничего худого. Вернулась в гнездо, заперла все семь дверей, зажгла огонь, сварила пищу, накормила кошку и собаку, поела сама и легла.

Тем временем вернулся сын старухи. Узнал он про девочку в орлином гнезде и сейчас же отправился ее искать по рассыпанным зернам. Добрался до дерева, влез на него и стал стучать в двери, приговаривая:

— Это я, орел! Я принес из Пурпурного моря алмазный перстень. Скорей отвори двери!

Но маленькая Сурья-бай так утомилась, что спала как убитая и ничего не слышала. Ракшас старался сам открыть двери, но не смог, только сломал себе ноготь. А у людоедов-ракшасов ногти длинные и ядовитые, и, на беду бедной Сурьи-бай, ноготь ракшаса застрял в двери. Ничего не добившись, людоед, сердитый, ушел домой, а мать разбранила его за то, что из-за него лишилась такого лакомого куска.

Наутро Сурья-бай вскочила с постели и пошла отворять двери гнезда. Шесть дверей она отворила

благополучно, а у седьмой двери, у самого засова, уколола руку — в нее вонзился ядовитый ноготь ракшаса; и как только он проколол руку, девочка упала на пороге гнезда мертвая.

Так она лежала, а собачка и кошечка стояли над нею и плакали. Время шло, и лежала Сурья-бай на вид как живая, но бездыханная. Прилетели, наконец, с Пурпурного моря радостные орлы с алмазным перстнем и увидели свое Солнышко мертвой. Не смогли они этого вынести, надели на палец девочки перстень и улетели в другой конец света.

В это самое время в лесу охотился царь той страны, молодой и прекрасный. Увидел он летящих с криком двух громадных орлов, таких, каких никогда не видывал, и вместе с тем приметил на дереве какое-то громадное гнездо. Тотчас он послал посмотреть, что это за гнездо. Полезли посланные на дерево и говорят, что тут какое-то чудо; стоит, точно дом, огромное железное гнездо с семью открытыми дверьми, а на пороге первой двери лежит мертвая девушка, да такая красивая, какой они никогда не видали. На руке у нее блестит алмазный перстень, какого нет ни у одного царя. А над нею стоят собачка и кошечка и плачут.

Удивился царь, сам влез на дерево. Видит — все, как было ему описано. Но на той руке, где перстень, в белой ладони точно острый черный шип торчит, и под ним капля черной-черной крови. Схватил царь этот шип и вытянул его. И как только вытянул — Сурья-бай открыла глаза, встала и спросила:

— Что со мной? Кто ты? Во сне это все или наяву?

— Все это наяву, — ответил царь. — А я царь этой страны. Скажи мне, кто ты?

Она ответила:

— Я — орлиная дочь, Сурья-бай.

Но царь не поверил ей и сказал:

— Ты, наверное, царевна, ведь и имя у тебя царское — госпожа Солнце.

— Нет, я дочь орлов и всю свою жизнь прожила на этом дереве, — молвила Сурья-бай.

— Если ты не царевна, — сказал царь, — то позволь мне сделать тебя царицей. Выйди замуж за меня.

Царь был такой красивый и молодой, что Сурья-бай охотно согласилась. И вот стала Солнышко царицей и счастливо зажила с царем в его прекрасном дворце. Но счастье, как говорят опытные люди, очень хрупко, а то, что хрупко, то легко может разбиться. Послушайте, как разбилось счастье прекрасного Солнышка.

У царя была первая жена, злая и завистливая; по обычаю той страны, его женили, когда он был еще мальчиком. И возненавидела царица молодую Сурью-бай за то, что любил ее царь. Предупреждали об этом молодую царицу, но она была доверчивая и добрая и не хотела верить тому, что говорили ей о другой царице.

— Она мне сестра и никогда не замыслит против меня ничего худого, — отвечала она.

И Сурья-бай продолжала видеться с первой женой царя, ходила к ней и звала ее к себе.

Однажды обе царицы стояли у пруда, и старшая царица сказала Сурье-бай:

— Какие у тебя чудесные драгоценности! Дай мне их надеть; я посмотрю, идут ли они мне.

Одна из прислужниц, особенно преданная Сурье-бай, шепнула ей:

— Не давай, царица, не то быть беде.

Но Сурья-бай не послушала прислужницы. А царица надела украшения, посмотрелась в зеркальную воду пруда и говорит Сурье-бай:

— Солнышко, посмотри, как красивы на мне твои драгоценности и как они отражаются в пруду! Подойди ближе к воде, посмотри сама.

— Не подходи, умоляю тебя, царица, — шепнула прислужница, — быть беде!

Но Сурья-бай подбежала к воде, увидела в ней красивое отражение и захлопала в ладоши от удовольствия. В этот миг царица столкнула ее в глубокую воду, и бедная Сурья-бай утонула. Царица под угрозой смерти велела прислужнице молчать о том, что она видела.

Но недаром говорят, что тайное обязательно станет явным, сколько его ни скрывай. И правда, на том месте, где утонула Сурья-бай, из глубокой воды всплыл золотой подсолнечник и закачался на длинном стебле над зеркальной водой.

Все сразу заметили, что Сурья-бай исчезла. Царь сам искал ее всюду, но нигде не мог найти. И разгневался царь на ее главную прислужницу за то, что не досмотрела она за своей госпожой, и велел запереть ее в темницу, хоть она и клялась, что ни в чем не виновата. Но про царицу она ничего не смела сказать — боялась ее.

Бедный царь не находил себе места от горя. Куда бы он ни шел, всюду он видел перед собой лицо Сурьи-бай, а когда листья шелестели в саду, слышал ее голос. Он был сам не свой, и все говорили:

— Царь скоро умрет.

Однажды его потянуло к пруду. Он увидел золотой подсолнечник, наклонил его к себе и поцеловал его золотые лепестки; и вдруг ему показалось, что из воды послышался голос Сурьи-бай, что она зовет его. И с этого дня он каждый день приходил к пруду и все время с восхода солнца и до заката проводил у любимого цветка.

Услыхала об этом царица и велела ночью срезать подсолнечник и сжечь его в лесу. Так и сделали. Царь был безутешен, но не мог узнать, кто лишил его любимого цветка. Только ведь сколько ни пытайся заглушить правду, все равно не заглушишь; и вы увидите, как правда узнается.

На том месте, где сожгли подсолнечник, выросло чудесное дерево — выросло волшебством, в одну ночь. На самой верхушке его расцвел прекрасный цветок, а когда он опал, на его месте появился дивный плод — такой дивный, что народ приходил смотреть на него. Но никто не решался его сорвать, и все говорили, что этот плод только для царя.

Однажды мимо того дерева проходила молочница, мать Сурьи-бай, у которой девочку похитили орлы. Несла она, как обычно, молоко на продажу и вот поставила кувшины под чудным деревом, а сама села рядом отдохнуть. Вдруг волшебный плод сорвался с дерева и упал в кувшин. Молочница перепугалась, быстро побежала домой и запрятала кувшины под циновками. Ночью она созвала всех домашних и сказала:

— Посмотрите, что я вам покажу! Ко мне в кувшин упал царский плод с того дерева. Давайте съедим его.

Один из мальчиков побежал за кувшином, но не успел он взять его в руки, как закричал:

— Мама, мама, тут никакого плода нет! Посмотри, что здесь!

Все подбежали к кувшину; видят — на дне сидит прелестная маленькая девочка в красном платье с золотой каймой. Они вынули ее из кувшина, и она стала расти у них на глазах, пока не сделалась молодой женщиной удивительной красоты. На голове ее блестело драгоценное украшение, подобное солнечному кругу, на руке сверкал алмазный перстень. Мо-

лодая женщина поздоровалась с ними и сказала, что зовут ее Сурья-бай.

И стала жить Сурья-бай в доме молочницы, но была она всегда грустная, тихая и молчаливая. Никто ее не трогал, не смел расспрашивать, а молочница ухаживала за ней, как за родной дочерью, — так она ей полюбилась.

Как-то раз Сурья-бай доставала воду из колодца, а мимо проезжал царь. Он взглянул на нее и тотчас узнал жену свою и поспешил в дом молочницы с криком:

— Моя жена! Моя жена!

Но молочница рассердилась и накинулась на него.

— Ты кто такой? — говорит. — Чего тебе надо?

— Я царь. Моя жена здесь, — ответил он. — Отдай мне мою жену. Ты не смеешь ее задерживать!

— Твоя жена? Какая твоя жена? Здесь только моя дочь. Ты что это вздумал искать здесь свою жену? Ты царь у себя, там, во дворце, а здесь я госпожа и хозяйка! Уходи-ка поскорей!

Тут она взяла палку и стала звать мужа и сыновей.

Увидел царь, что надо поскорей уходить, чтобы не вышло драки, и удалился; но он решил не оставлять этого дела и найти следы пропавшей жены. Прежде всего он допросил в тюрьме прислужницу жены, убедился в ее невиновности и тотчас послал ее к молочнице выпытать, не скрывается ли у нее Сурья-бай. Кроме того, убедился из допроса, что это старшая царица сгубила Сурью-бай.

Прислужница отправилась к молочнице, быстро подружилась с ней и узнала про то, как чудесный плод упал в кувшин и как из него вышла Сурья-бай. Она сразу поняла, что это ее госпожа, чудесно возвращенная к жизни. Потом обе они, молочница и прислужница, стали расспрашивать Сурью-бай о ее

жизни. А когда молодая женщина рассказала, как ее ребенком похитили орлы и обо всем, что с нею потом было, то стало ясно, что она и дочь молочницы и жена царя. Вот однажды сидели они все вместе и рассуждали, как быть дальше и как известить царя обо всем, и вдруг услыхали стук лошадиных копыт. Ведь царь не мог усидеть дома, — он был уверен, что его жена не умерла и живет у молочницы, и поехал за ней, чтобы взять ее во дворец. Всю семью молочницы он щедро одарил и хорошо вознаградил верную прислужницу, а злую царицу запер в высокую башню, чтобы она не делала зла людям, — теперь он узнал про все ее дурные дела. Помните, как было сказано: зло всегда выходит на свет, никогда его не скроешь!

Долго искали Солнышко и ее муж тех орлов, что так полюбили свою девочку Сурью-бай и так горевали, когда потеряли ее, — но, увы, мир велик, и сколько орлов ни искали, так и не нашли.

Сурья-бай много лет жила со своим мужем, а он ее нежно любил и окружил ее дворец двойной изгородью из подсолнечников и того чудесного дерева, в чьем плоде скрывалась молодая царица Солнышко.

РАЗБИТЫЙ ГОРШОК

Жил однажды брахман, такой скупой, что его так и прозвали: Свабавакрипана — от природы скупой. Он ходил из дома в дом — милостыню просил. Набрал как-то горшок рису, полный с верхом, поел, а рису еще много осталось, вровень с краями. Повесил брахман горшок на гвоздь над кроватью, а вечером лег спать, но не заснул — смотрит на горшок и прикидывает в уме:

«Горшок-то по края полон рисом. Эх, если б теперь голод наступил! Я бы продал рис за сто рупий. А на сто рупий я куплю козла и козу, и будет у меня от них целое стадо коз. Продам коз и куплю коров. Отелятся они, и я вспою телят, продам их и куплю буйволов, а потом кобыл. Пойдут жеребята, и будет у меня табун коней. А продам коней — золота будет вдоволь.

Тогда я отстрою себе дом на диво, женюсь на дочери брахмана и возьму большое приданое. Родится у нас сын, и назову я его Сомашарман. Когда он подрастет так, что можно будет качать его на ноге, сяду я около конюшни с книжкой. Увидит меня сынок и побежит ко мне, чтобы я его покачал. А как будет он бежать мимо лошади, я испугаюсь — как бы лошадь не лягнула его копытом — и закричу жене: «Бери ребенка, бери!» Ну, а она, известно, будет занята чем-нибудь и не услышит. Тут я вскочу да как дам ей пинка».

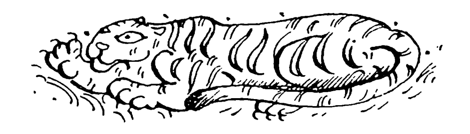
И тут скряга как хватит ногой горшок! Высыпался

весь рис на кровать, и брахман белым стал от рисовой пыли.

Вот почему в Индии говорят. «Когда кто задумается да начнет мечтать о том, что могло бы быть, если бы случилось то-то и то-то, — быть ему белым, как отцу Сомашармана». И повторяют эту поговорку вот уже две тысячи лет, а может, и гораздо больше, — ведь кто может знать, когда именно ее произнесли в первый раз? Одно известно наверное: про отца Сомашармана, мальчика, которого никогда на свете не было, знают из конца в конец великой и далекой Индии.

ОБЕЗЬЯНА, ТИГР И ЦАРЕВНА

Жил однажды царь, и было у него семь сыновей. И вот решил он, что должны сыновья его непременно жениться на семи сестрах. Послал он брахмана искать царя, отца семи дочерей. Брахман поездил по разным странам и нашел царя с семью дочерьми. Этот царь согласился выдать своих дочерей за братьев-царевичей.

Когда настало время ехать женихам за невестами, младший царевич сказал отцу:

— Если мы все поедем, кто присмотрит за домом и за царством? Позволь мне остаться. Братья привезут мою невесту.

Отец охотно согласился, и шестеро старших царевичей уехали, а младший остался дома.

Справили свадьбы и понесли семерых царевен на носилках, а шестеро царевичей сопровождали их. Ночью остановились у озера, но никто не знал, что лес кругом озера кишит тиграми.

Когда стемнело, пришли тигры, окружили стоянку кольцом и сказали, что съедят всех, если им не выдадут одну из царевен. Ни один из царевичей не захотел отдать свою жену, и порешили отдать тиграм седьмую царевну. Так и сделали.

Вернулись домой царевичи, младший встретил их и удивился, когда увидел только шесть носилок. Он тотчас спросил, где его невеста. Все молчали. Наконец,

один старик рассказал ему, как было дело. Царевич рассердился на братьев и тотчас отправился искать царевну.

Повстречались ему на пути крыса и шакал и сказали:

— Возьми нас с собой.

Царевич согласился, и они пошли втроем и так шли до ночи, пока не устали и не легли отдохнуть. Царевич тотчас заснул, а шакал сказал крысе:

— Я голоден, чего бы нам поесть? Знаешь что, ты съешь платье царевича, а я съем его лошадь.

Так они и сделали и убежали. Царевич, когда проснулся, увидел, что он один в лесу, без одежды и без коня.

Тут вдруг с дерева спустилась обезьяна и спросила царевича, что с ним. Царевич ответил:

— Я уже рассказал о своих бедах двум животным, а они меня обманули. Не хочу быть обманутым в третий раз.

На это обезьяна ответила:

— Крыса — крыса, а шакал — шакал, но ведь я обезьяна. Пойдем со мной, и я тебе помогу.

Пошли они на базар. Обезьяна дала царевичу денег, и он купил себе платье. Затем он купил оружие и коня, поджарого и быстрого. Сели они верхом на этого коня и поехали в лес. Здесь они нашли в пещере царевну. Она была связана, и ее охраняла слепая тигрица. Тигрица держала в зубах две веревки: одной была связана царевна, а другая была петлей накинута на шею одного из тигров, охотившегося неподалеку, — так чтобы тигрица в случае опасности могла вернуть этого тигра.

Обезьяна потихоньку подкралась к царевне и шепнула ей, чтобы она постаралась освободиться, а сама

стала убирать пещеру, чтобы слепая тигрица думала, что это убирает царевна и потому шевелит веревкой. Так царевне удалось освободиться от пут, и царевич увез ее. Когда обезьяна решила, что они достаточно далеко отъехали, она перестала убирать пещеру, отшлепала тигрицу и убежала.

Тигрица тотчас дернула за веревку, и тигр прибежал. Увидел он, что царевны нет, разъярился, избил тигрицу и кинулся в погоню за беглецами. По дороге он увидел, что сидит человек и готовит погребальный костер. А это была обезьяна, — она обернулась человеком.

— Ты что здесь делаешь? — зарычал тигр.

— Готовлю погребальный костер. Бедную старую тигрицу убил ее сын тигр, и ее будут хоронить, — ответила обезьяна.

Стало тигру жаль тигрицу, и он вернулся в пещеру — посмотреть, вправду ли она умерла. Прибежал и видит — она жива. Еще пуще рассердился тигр, не сдержался, опять побил тигрицу и кинулся в погоню за царевной. А она тем временем уже успела уехать далеко.

Опять увидел тигр по дороге погребальный костер и человека у костра.

— Это что? — спросил он.

— Старую тигрицу избили; не выживет она, надо ей готовить костер, — услышал он в ответ.

Стало тигру жалко матери-тигрицы, и он вернулся.

А беглецы успели уже добраться до царства царевича.

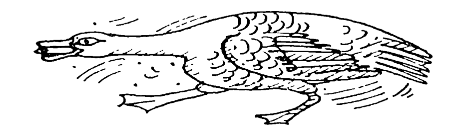
Обезьяна догнала их и зажила с ними. Но она скоро соскучилась по вольному житью в лесу и стала просить царевича отпустить ее. Однако он ни за что не соглашался. Тут обезьяна пустилась на хитрость:

притворилась мертвой, чтобы ее снесли в лес и там сожгли.

Горько плакали о своей любимой обезьяне царевич и царевна и, наконец, отправились в лес, чтобы сжечь ее. Как дошли до лесу, обезьяна вскочила, влезла на дерево и сидит. Стала царевна умолять ее вернуться. Но обезьяна ни за что не соглашалась. Наконец, порешили на том, что обезьяна вернется домой, но как только она захочет уйти в лес и жить там, ее отпустят. И вот зажили они счастливо, а когда обезьяне становилось скучно во дворце, она на время уходила в лес.

БРАХМАН И ДИКИЕ ГУСИ

Жил брахман; семья у него была большая, а денег мало.

Каждый день он ходил на базар просить милостыню, но сколько ни просил — час или целый день, — никогда не приносил домой больше двух фунтов муки.

Жена его сердилась и думала, что он продает на сторону то, что ему подают, вместо того чтобы приносить домой, и поэтому часто упрекала и бранила мужа.

Брахмана это очень огорчало и оскорбляло, и, наконец, он решил утопиться. Но всякий раз, как он бросался в реку, на него нападал страх и он вмиг выскакивал из воды. Так он делал несколько раз: прыгнет в воду и выскочит, прыгнет и выскочит.

У самой реки было гусиное гнездо, и там сидели гуси. Смотрели они и дивились на человека — то прыгнет в воду, то выскочит.

Вот гусь и говорит гусыне:

— Хотел бы я знать, что он делает? Пойду посмотрю.

А гусыня стала его отговаривать:

— Кто знает, что эти люди могут делать?

Но гусь не послушался, подошел к брахману и спросил, почему он так странно ведет себя.

Брахман чистосердечно рассказал ему все.

Тогда гусь сказал:

— Закрой глаза и держи их закрытыми, пока я не скажу: «Открой».

Брахман послушался гуся — и когда открыл глаза, увидел, что гусь держит в клюве великолепный рубин.

— Возьми этот рубин, друг мой, — сказал гусь, — и беды твои кончатся.

Брахман горячо поблагодарил его и отправился с рубином в соседнее царство, а тамошний царь предложил ему за рубин семь вьюков серебра. Брахман взял деньги и вернулся домой богатым человеком.

Спустя некоторое время этот царь заболел проказой и созвал врачей, чтобы они его вылечили. Один из врачей сказал, что проказу можно вылечить только жиром дикого гуся. А в той стране дикие гуси были очень редки. Позвал царь того брахмана, у которого купил рубин, и обещал ему большие деньги за жир дикого гуся. Брахман хотя и разбогател, но был очень жаден до денег. Он позабыл, как помог ему дикий гусь, и задумал поймать его, а жир принести царю. Пошел он на старое место у реки и стал прыгать в воду — то прыгнет, то выскочит.

Добрый гусь решил, что с бедным брахманом опять что-нибудь случилось, и прибежал спросить, что с ним. Брахман ответил, что он только хотел увидеть своего друга, и, когда гусь сказал: «Так вот я», — подозвал его поближе к себе. Доверчивый гусь подошел к брахману, а тот схватил его и спрятал в мешок, так что одна лишь голова была наружу.

Когда брахман шел с гусем, гусь плакал, и слезы его падали на землю жемчужинами. Той дорогой шел царевич и увидел жемчуг. Он пошел по следам, догнал брахмана и спросил его:

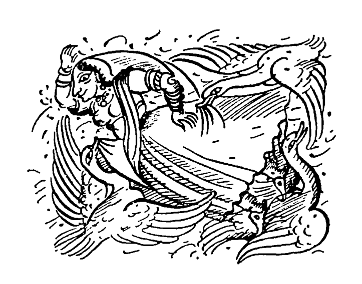
— Что несешь? Почему за тобой на земле жемчужины лежат?

Брахман стал что-то врать, но царевич развязал

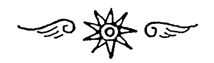
мешок и нашел гуся. Гусь рассказал царевичу о том, каким неблагодарным оказался брахман, и царевич рассердился на брахмана за то, что тот так плохо поступил с гусем.

Тогда брахман пошел к царю и сказал ему, что царевич выпустил гуся, которого брахман нес царю. В гневе царь тотчас изгнал царевича из царства. Царевич пошел к гусю, и тот дал ему приют и пищу.

Но благодарному гусю этого было мало, он захотел найти царевичу жену. Близ того места во дворце жила прекрасная царевна. И вот ночью, когда все спали, гусь и гусыня полетели во дворец и похитили царевну. Скрестили они крылья, положили на них царевну и бережно отнесли ее к царевичу. Утром царевна проснулась у реки и очень удивилась, но царевич все объяснил ей, и она охотно пошла за него замуж. Гуси одарили их щедрыми дарами, дали им много золота, драгоценных камней и жемчугов, — и зажили царевич с царевной счастливо в ее дворце.

О ТОМ, КАК СОЛНЦЕ, ЛУНА И ВЕТЕР ОТПРАВИЛИСЬ ОБЕДАТЬ

Однажды Солнце, Луна и Ветер отправились обедать к дядюшке Грому и тетушке Молнии. А мать их Звезда, самая далекая из всех звезд на небе, осталась дома.

Солнце и Ветер были жадные — никогда не думали о других, только о себе. И вот на пиру они сами наелись всласть, а о матери ни разу не вспомнили. Луна же была нежная и добрая, и как только приносили какое-нибудь кушанье, она прятала кусочек под ноготь, — ногти у нее были прекрасные и длинные.

Вернулись все трое домой, и мать спросила их:

— Ну, дети, что вы делали и что принесли мне?

Солнце, старший из трех, ответил:

— Я наелся вдоволь. Ведь я пошел обедать вовсе не затем, чтобы матери что-нибудь принести.

Ветер сказал:

— Неужели ты думала, что я пошел за сытными яствами для тебя? Я пошел позабавиться и наесться.

А Луна сказала:

— Мать, дай блюдо, — и высыпала на него обед такой вкусный, какого еще никогда не бывало.

Повернулась тогда далекая Звезда к Солнцу и сказала:

— Ты думал только о своем веселье и удовольствии, о матери и не подумал. Да будет же тебе кара: отныне лучи твои будут жгучие, и возненавидят тебя все и будут закрывать головы, завидя тебя.

Оттого индийское солнце такое жгучее.

Потом Звезда обратилась к Ветру:

— Жадный и себялюбивый, о матери ты и не вспомнил. Дуй же ты зноем горючим — все будут ненавидеть тебя и бежать от тебя.

Оттого индийский ветер такой неистово жгучий.

А Луне мать Звезда сказала:

— Милая моя дочь, ты помнила о матери и позаботилась о ней! Так будешь ты светлая и прохладная, и будут люди благословлять тебя за твой освежающий свет.

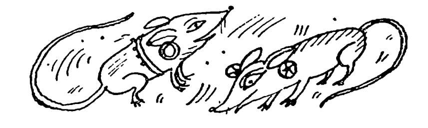
Оттого так нежны, прохладны и прекрасны индийские лунные ночи.

Вот теперь вы услышали про Солнце, Ветер и Луну, — услышали, почему они такие, какими вы их знаете.

4 Зак. № 267

МЫШИ И КОТ-ОБМАНЩИК

В одном большом доме жил кот, а в доме было много мышей. Кот ловил мышей, ел их и жил привольно. Прошло много времени, кот постарел, и трудно ему стало ловить мышей. Думал он, думал, как быть, и, наконец, придумал. Созвал мышей и говорит:

— Мыши, мыши, вот зачем я позвал вас. Сознаюсь, худо я жил и вас обижал. Стыдно мне, и хочу я перемениться. Не стану вас трогать. Бегайте себе на воле, а меня не бойтесь. Требую от вас одного: каждый день дважды проходите мимо меня одна за другой и кланяйтесь мне, а я вас не трону.

Обрадовались мыши, что не будет их трогать кот, и на радостях согласились. Уселся кот в углу, и стали мыши одна за другой проходить мимо него; проходят и кланяются ему. А кот сидит смирно. Вот последняя мышь стала перед ним и поклонилась, а он — цап, — схватил ее и съел. А другие мыши вперед ушли и ничего не заметили.

Так они ходили каждый день по два раза. Кот спокойно съедал двух мышей и был доволен своей хитростью.

Но среди мышей было два друга — Амбе и Рамбе. И вот Амбе и Рамбе заметили, что мышей все меньше становится. Стали они думать и решили, что каждый раз, как мыши будут проходить перед котом, Рамбе пойдет первым, а Амбе последним.

Прошел Рамбе, низко поклонился коту, а потом громко позвал:

— Братец Амбе, где ты?

Амбе с конца отвечает:

— Здесь я, братец Рамбе.

И так они всё перекликались, пока все мыши не прошли мимо.

Рассердился кот, но не посмел тронуть Амбе, пока его звал Рамбе. Сердился, сердился — и лег спать голодный. На другой день опять то же: кличет Рамбе, а Амбе ему отвечает. Опять побоялся кот тронуть Амбе и опять лег спать голодный.

На третий день проходят мыши мимо кота. Кличет Рамбе:

— Братец Амбе, братец Амбе, где ты?

— Здесь я, братец Рамбе, здесь я, — отвечает Амбе, а сам смотрит в оба, не прыгнет ли кот.

Разъярился кот, кинулся на Амбе. А того и след простыл, да и мыши все разбежались: увидели, что кот — обманщик и им от него беда. Попрятались в норы и не выходят оттуда к коту-обманщику. А кот ни одну мышь поймать не может. Худел, худел, да и пропал.

И коту конец, и сказке конец.

ЭТО — ЗА ТО

Жили однажды два друга — верблюд и шакал; и вот сказал шакал верблюду:

— По ту сторону реки поле сахарного тростника. Переправимся через реку, ты поешь сладкого тростника, а я половлю себе рыбы, и будет нам хороший обед.

Верблюд взял шакала на спину, потому что шакал плавать не умел, и перебрались они через реку. Верблюд забрался на поле и принялся за сахарный тростник, а шакал побежал по берегу подбирать рыбу и кости.

Шакал зверь небольшой и потому скоро наелся, а верблюд только начал есть. Кончил шакал свой обед и давай скакать вокруг поля, где пасся верблюд. Скачет и воет во всю свою шакалью мочь.

Услышали люди в деревне шакалий вой, прибежали с палками гнать шакала. Видят, прыгает вокруг поля шакал и воет, а на поле пасется верблюд. Рассердились люди, кинулись на верблюда, избили его и прогнали с поля, а шакал убежал.

Побрел потихоньку побитый, еле живой верблюд к реке. Догнал его шакал и говорит:

— Вернемся домой.

— Хорошо, — сказал верблюд.

Взял шакала к себе на спину и вошел в реку. Зашли они далеко в воду, верблюд и говорит шакалу:

— Друг шакал, худо ты со мной поступил. Пообедал, потом выть принялся. С чего это ты? Как будто ты не

знал, что на твой вой сбегутся люди со всей деревни? Ведь из–за тебя меня до полусмерти избили, даже поесть не дали. Зачем ты принялся выть?

— Не знаю, — сказал шакал. — Такой уж у меня обычай: люблю попеть после обеда.

Двинулись они дальше в реку. Сперва была по колено верблюду вода, потом все выше и выше, наконец поплыл верблюд. Плывет и говорит шакалу:

— Знаешь что? Хочется мне поваляться в воде.

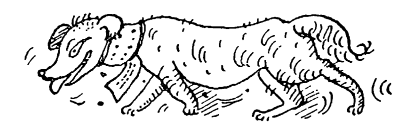
— Пожалуйста, не валяйся, — взмолился шакал. — Зачем тебе валяться?

— Не знаю, — ответил верблюд, — такой уж у меня обычай: люблю поваляться после обеда.

И начал верблюд валяться и барахтаться в воде. Упал шакал и утонул, а верблюд доплыл до берега и пошел домой.

СТО ТЫСЯЧ ЗА МУДРЫЙ СОВЕТ

Жили-были бедный старый слепой брахман и его жена. Был у них один сын, женатый, и этому сыну приходилось содержать всю семью. И никак не мог он добыть столько, чтобы все были сыты. Вот и решил он пойти поискать счастья; наказал жене смотреть за родителями, а сам ушел.

Пришел он в столицу соседнего царства и здесь остановился у лавки одного купца и попросил чего-нибудь поесть. Купец был добрый, накормил его и расспросил о том, кто он и откуда. Брахман все рассказал: и про своих старых родителей, и про жену, и про то, как они терпели нужду и как он пошел искать счастья. Купец посоветовал ему обратиться к царю. Пошли они вместе к царю, а тот только что построил золотой храм и искал честного брахмана, который мог бы служить в этом храме. Понравился брахман царю, и он поручил ему смотреть за храмом и назначил жалованье в пятьдесят нош рису и сто рупий. Зажил брахман в довольстве, и так вскружила ему голову счастливая судьба, что забыл он и про родителей и про жену.

Два месяца жена его терпела горькую нужду, о муже ничего не слышала и, наконец, пошла искать его. Пришла она в тот город, где жил ее муж, и услыхала, что в городе есть золотой храм, а там каждый день нищим дают по золотой монете от царя. Пошла она туда и встретила своего мужа.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он ее. — Почему ты оставила наших стариков? Как бы с ними че-

го-нибудь не случилось. Проклянут они меня тогда, и я умру. Иди домой и жди меня.

— Нет, — сказала женщина, — не пойду. Нам всем там есть нечего, дома и росинки нет.

— О боги! — воскликнул брахман. — Ну, так я дам тебе бумажку, а ты дай ее царю. Он тебе за это пожалует сто тысяч.

Брахман взял листок бумаги и что-то на нем написал. Жена его взяла листок и вернулась домой. А на листе брахман написал три совета:

«Когда путешествуешь ночью и попадаешь в незнакомое место, выбирай осмотрительно, где остановиться, и не смыкай глаз, а то сомкнешь их навсегда».

«Если сестра твоя выйдет замуж и ты посетишь ее в дни своего благополучия, она встретит тебя с почетом, надеясь получить от тебя то, что ей надо. Но если ты посетишь ее в дни несчастья, она не признает тебя и отречется от тебя».

«Если тебе надо сделать какое-либо дело, делай его сам, делай решительно и безбоязненно».

Вернулась брахманка с листком и рассказала обо всем старикам. Сама она не пошла к царю, а послала с листком родственника. Прочитал царь советы и велел избить того человека, что их принес, а потом прогнать его. На другой день жена брахмана взяла листок и сама понесла его во дворец, а по дороге стала читать его. И вот встретил ее царский сын и спросил, что она читает. Она сказала, что читает советы, а цена им сто тысяч. Царевич захотел прочитать советы, а когда прочитал, дал женщине, сколько она просила. Жена брахмана накупила всякой еды для стариков и сделала большие запасы.

Вечером царевич рассказал царю о своей покупке. Рассердился отец на то, что сын зря истратил столько денег, и изгнал его из страны. Попрощался царевич с

матерью и поехал на своем коне куда глаза глядят. Под вечер он встретил человека, и тот зазвал его к себе. Царевич принял приглашение. Его угостили и уложили спать. Но царевич вспомнил о первом совете и решил не спать в чужом доме.

Ночью хозяин встал и с мечом в руке кинулся к царевичу. А тот сказал:

— Зачем ты хочешь убить меня? Убьешь, а потом станешь каяться, как тот человек, что убил свою собаку.

— Какой человек? Какую он убил собаку? — спросил хозяин.

— Сейчас расскажу тебе, а ты слушай, — сказал царевич, — только сперва дай мне свой меч.

Хозяин дал ему меч, а царевич взял его и стал рассказывать:

— Жил однажды богатый купец, и была у него любимая собака. Дела его вдруг пошли худо, и он обеднел. Занял он у друга пять тысяч и оставил ему в залог собаку. Вскоре дом этого друга ограбили дочиста. Собака следила за грабителями, и когда они ушли, побежала за ними, посмотрела, куда они запрятали награбленное, а потом вернулась. Наутро купец увидел, что его ограбили — унесли все его имущество. В отчаянии он не знал, что делать. Но вот он заметил, что собака все подбегает к дверям и точно зовет его с собой. Пошел он за ней, и собака привела его к тому месту, где было спрятано награбленное добро. Все нашлось, и купец, не помня себя от радости, не знал, как благодарить собаку. И вот он написал своему другу, хозяину собаки, — рассказал все, как было, и добавил, что это собака спасла его имущество; потом привязал письмо к ошейнику собаки и отослал ее к хозяину. Кроме того, он написал, что прощает долг и просит друга принять в дар еще пять тысяч.

А хозяин собаки увидел, что бежит его собака, и смутился — решил, что друг его требует свои деньги; а платить ему было нечем. Пришел он в отчаяние и замыслил дурное — решил убить собаку. Подумал: «Не будет собаки, не будет и долга». Как решил, так и сделал. А когда убил собаку, увидел за ошейником письмо, прочитал его и стал каяться, — прямо не мог себе простить, что убил верную собаку.

Вот так будет и с тобой, если ты убьешь меня, — добавил царевич, — ты будешь каяться, а дела уж не поправить.

Настало утро, и царевич спокойно ушел невредимый. И вот он отправился в царство своего зятя, мужа сестры, а там переоделся бедным странником. Сел в дворцовом саду под деревом, как сидят отшельники, и скоро о нем по всей стране разнеслась весть — он прослыл святым. В те времена царица была больна, и царь искал, кто бы мог исцелить ее. Вспомнил об отшельнике и послал за ним. Но тот велел ответить, что отшельники не входят в царские дворцы, а если он нужен царю, пусть царь сам придет к нему. Пошли царь с царицей, и царь стал просить отшельника исцелить его жену. Отшельник велел ей положить земной поклон и оставил ее стоять на коленях несколько часов; потом он велел ей вернуться домой, так как она уже исцелилась.

Вечером во дворце был большой переполох, потому что исчезло жемчужное ожерелье царицы. Его искали, но нигде не могли найти. Наконец, один из прислужников догадался пойти к тому месту, где царица земно кланялась отшельнику, и там ожерелье нашлось, — оно лежало на земле. Узнал об этом царь и разгневался: он решил, что ожерелье взял отшельник. Царь велел его казнить, но отшельник уговорил стра-

жу его отпустить и бежал из той страны. Так он увидел, что и второй совет оправдался.

Пошел он в другое царство и повстречал горшечника. Горшечник и плакал и смеялся.

— Удивительное дело, — сказал ему царевич, — ты и смеешься и плачешь. Если ты смеешься, то зачем плачешь? Если плачешь, отчего смеешься?

— Тебе какое дело? — сказал горшечник. — Оставь меня.

Но царевич стал просить его объяснить, почему он смеется и плачет.

— Так и быть, объясню, — сказал горшечник. — У царя этой страны есть дочь. Ее каждый день выдают замуж, и вот почему: как только ее выдадут замуж, муж ее в первую же ночь умирает. Почти все юноши нашей страны уже погибли, скоро черед и моему сыну. И вот я смеюсь, потому что уж очень это нелепо: горшечник женится на царевне. А плачу потому, что знаю: сын мой погибнет после свадьбы.

— Твоя правда, — сказал царевич, — тут и смеяться приходится и плакать. Но не тужи, я заменю твоего сына — женюсь на царевне вместо него. Дай мне его платье и научи, что делать.

Горшечник одел царевича в великолепное платье и отвел во дворец. Ночью царевича повели в покои царевны, и он подумал: «Что же, погибну я, как другие, или останусь жив?» Он решил не спать и все время крепко держал в правой руке меч, выжидая, что будет. Поздней ночью из ноздрей царевны выползли два чудища и поползли к нему. Но царевич был наготове, и, когда чудища до него доползли, он вспомнил совет действовать смело и без страха, кинулся с мечом на чудищ и сразу убил обоих.

Утром пришел царь, уверенный, что найдет цареви-

ча убитым, и очень обрадовался, когда увидел, что царевна весело беседует с ним.

— Кто ты? — спросил царь.

— Я сын царя далекой страны.

Царь тотчас же назначил его своим наследником.

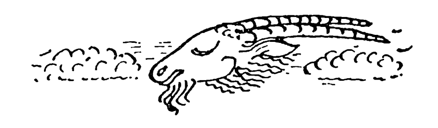
Через год царевичу захотелось взглянуть на родителей и на родину, и он отпросился у тестя. Одарил его царь несметными сокровищами, и царевич уехал с женой и большой свитой.

По дороге домой ему пришлось проезжать через ту страну, где царицей была его сестра и где царь, ее муж, чуть не казнил его. Теперь все выехали встречать царевича, привезли пышные дары, золото, коней, слонов; вышло навстречу и все войско. Царевич вспомнил про листок брахмана и сказал себе, что все, что там было написано, оказалось драгоценной правдой.

Когда он прибыл к отцу и к матери, он нашел их ослепшими от слез; они выплакали глаза по сыну. Но царевич коснулся рукой их глаз, и старики прозрели. Тут царевич рассказал отцу, как изречения брахмана спасли ему жизнь. А ведь когда он купил эти изречения за сто тысяч, отец изгнал его. Понял царь, что ошибся, и раскаялся в том, что причинил столько горя себе и сыну.

ВИКРАМДЖИТ-ВОПРОШАТЕЛЬ

Жил некогда в Индии царь Викрамджит, и звали его Викрамджит-Вопрошатель, потому что он расспрашивал и разузнавал обо всем, что делается в его царстве и как живут его подданные. По ночам он переодевался и ходил по своей столице. Так он узнавал все, что в ней происходит, а по утрам, когда к нему приходили судиться, он мог всех рассудить, потому что знал все о каждом из своих подданных.

Во время ночных своих странствий он заметил, что жена одного купца, который был в отъезде, каждую ночь отправляется с большим кувшином и с едой к реке, опускает на воду кувшин, садится на него и переправляется на другой берег. Здесь она отдает принесенную пищу отшельнику, затем возвращается, наполняет кувшин водой и приносит его домой. Женщины в Индии обычно ходят за водой по утрам, поэтому никто не знал, что она делает.

Но вот вернулся муж этой женщины, ей пришлось накормить его, и оттого она опоздала к отшельнику. Тот рассердился на нее и даже не стал слушать объяснений.

— Какое мне дело до твоего мужа? — сказал он. — Разве он лучше святого отшельника? Сейчас же поди и принеси мне ларец с драгоценными камнями, тот, что он привез с собой.

Женщина принесла ларец, но отшельник еще больше рассердился на нее и сказал:

— Я только хотел испытать тебя, а ты взяла то, что

тебе не принадлежит. Никогда больше не показывайся мне на глаза.

Вернулась она домой пристыженная и видит: забралась в дом гремучая змея, ужалила ее мужа, и он умер.

В той стране был такой обычай: хорошие женщины имели право просить у царя разрешения быть сожженными вместе с мужем на погребальном костре, а тем, кого не считали хорошими, царь это запрещал. Викрамджит видел ночью, как та женщина взяла ларец, и потому запретил ей взойти на погребальный костер. Пошла женщина к матери царя, и царица обещала ей помочь.

Позвала она сына и говорит:

— Сын мой, разреши ей сжечь себя с телом мужа; через восемь дней я скажу тебе, почему прошу об этом.

Царя взяло любопытство, и стал он расспрашивать мать, но та больше ничего не сказала. Царь нехотя согласился и с нетерпением стал ждать, чтобы прошли восемь дней.

И вот они прошли, и царица велела Викрамджиту взять козу и отвести ее к одному храму. Сама она пошла вместе с сыном и сказала, что хочет помолиться богам в этом храме, а ему велела подождать.

— Когда я выйду, — добавила она, — я скажу тебе: «Убей!» — и ты сейчас же отсеки козе голову мечом.

Вошла царица в храм, принесла жертву богам цветами и плодами, потом вышла из храма и говорит:

— Убей!

Викрамджит убил козу.

Тогда царица приказала:

— Теперь сядь козе на голову.

Викрамджит сел, и вдруг голова поднялась на воздух и вместе с ним полетела высоко и далеко по небу.

Летела она долго и вот прилетела к высокой ограде. За оградой был громадный чудесный сад, а в саду дворец. Перед дворцом голова остановилась и пропала. Викрамджит вошел во дворец и стал искать его обитателей, но никого не увидел, а нашел только кушанья и питье и около них кальян. Он поел, выкурил кальян, прилег отдохнуть и тотчас заснул, говоря себе: «Погибать так погибать! Очень уж спать хочется!»

А дворец тот принадлежал небесной пери[1], и слуги ее явились приготовить все к ее возвращению. Увидели они спящего Викрамджита и решили его убить, но одна старуха уговорила их подождать до возвращения госпожи. Проснулся Викрамджит и видит — стоит перед ним величественная, прекрасная женщина, самая прекрасная на свете. Смутился он и стал ждать смерти. Но небесная пери сказала ему, что бояться смерти не надо, никто его не тронет и он может жить во дворце в свое удовольствие. И началась для него жизнь такая веселая, какою он еще никогда не жил. Ни один день теперь не был похож на другой. В небесном саду забыл Викрамджит о земле, забыл о своем царстве.

Однажды небесная пери должна была улететь далеко. Вот позвала она Викрамджита и говорит ему:

— Я оставляю тебя владыкой моего сада и моего дворца. Живи и наслаждайся жизнью, пока меня не будет дома. Здесь все в твоем распоряжении, и только один тебе запрет: вот четыре ключа от четырех запертых дверей; сохрани ключи и ни за что не открывай этих дверей, не то тебе придется тяжко раскаиваться в своем ослушании.

Сказала и улетела.

И вот любопытство стало одолевать Викрамджита—

---

[1] Пери — фея.

Вопрошателя. Посоветоваться было не с кем, и решил он ослушаться и посмотреть, что скрывается за запретными дверями. Пошел к первой двери, открыл и видит: стоит дивный конь, оседланный, точно ждет всадника. И заговорил конь человеческим голосом:

— Привет тебе, избавитель мой! Не видел я света дневного с тех пор, как привели меня сюда. Садись на меня, и помчу я тебя по всей вселенной, покажу тебе, где что есть прекрасного на свете; даже покажу тебе, где пляшут небесные пери.

Вскочил Викрамджит на коня, и понес его волшебный конь по всему свету. День прошел, как мгновение. К вечеру они вернулись во дворец. На следующее утро Викрамджит открыл вторую запретную дверь. «Все равно, — думал он, — ослушался раз, ослушаюсь и другой, зато увижу все. Неужели же я не узнаю, что находится за этой дверью?»

А за дверью, прикованный цепью к стене, стоял громадный слон, и на спине его было царское сиденье, украшенное золотом и драгоценными камнями. Слон взялся показать Викрамджиту страны, никогда им не виданные; и носились они по свету целый день, вернулись только к ночи.

А утром Викрамджит в нетерпении уже стоял перед третьей дверью и торопился ее открыть, ожидая новых чудес. И вот видит он: стоит оседланный верблюд. Повернул он к царевичу голову и молча, глазами, приглашает его сесть к себе на спину. Не утерпел Викрамджит, вскочил на верблюда — и помчались они так быстро, что у царя дух захватило. Мчались они по какой-то дороге, ослепительно белой, и вокруг них сыпался дождь золотистых звезд. Все быстрей и быстрей летел верблюд, и Викрамджиту казалось, что он не выдержит. Тогда верблюд стал лететь медленнее, и Викрамджит увидел, что они стоят на берегу великого

моря, а по морю несутся корабли и плавают в нем огромные рыбы. Тут верблюд помчался по прибрежному песку и вдруг вошел в воду. И Викрамджит увидел, что они вернулись во дворец и что уже стемнело — настала ночь.

На четвертый день утром Викрамджит подошел к четвертой двери, открыл ее и увидел осла. Осел взялся свезти его далеко и показать невиданные чудеса. Сел Викрамджит на осла — и вдруг очутился на земле в своем царстве, неподалеку от столицы. Осел и говорит ему:

— У меня спина болит, слезай, мне надо отдохнуть. Я здесь попасусь, а ты сходи на базар за пищей и вернись ко мне.

Царь так и сделал, но когда он вернулся, осла и след простыл. Викрамджит понял, что никогда уже ему не вернуться во дворец к пери. В отчаянии он стал всюду искать своего осла; ищет, рвет на себе волосы и плачет. Увидели его жители столицы и узнали. Доложили о нем царице-матери. Вышла она к сыну, и рассказал он ей обо всем, что с ним было.

— Знаю, — сказала царица, — ведь все это случилось с тобой благодаря мне, и я могу вернуть тебя в небесный дворец, но с таким условием: согласись убить своего сына.

Подумал Викрамджит, вспомнил, как жил на небе и каждый день видел что-нибудь новое, и сказал:

— Согласен!

Повела его царица к тому храму, где они раньше были, но теперь вместо козы велела ему взять с собой сына.

— Я пойду в храм помолиться, — сказала царица, — а когда выйду и скажу: «Убей!» — ты убей сына. Тогда ты сможешь вернуться на небо и каждый день видеть что-нибудь новое.

Через некоторое время выходит царица из храма и говорит:

— Убей!

Кинулся Викрамджит с мечом на сына, но царица схватила его за руку и крикнула:

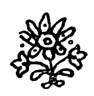
— Стой!

Потом взглянула на него и сказала:

— Помнишь, как ты не хотел позволить той женщине взойти на костер, потому что она взяла ларец с драгоценными камнями? А что ты теперь сделал сам? Ты готов был убить родного сына, чтобы удовлетворить свое ненасытное любопытство. Сам виновный, ты судил других. Сегодня исполнилось восемь дней с тех пор, как я обещала объяснить, почему просила тебя за ту женщину. Теперь, надеюсь, ты понял. Вернись в свой дворец и старайся править мудро и справедливо.

СЛИШКОМ МНОГО ЗАБОТИТЬСЯ О СЕБЕ ХУЖЕ, ЧЕМ СОВСЕМ НЕ ЗАБОТИТЬСЯ

Жил–был молодой раджа и часто болел. Однажды он спросил своего визиря:

— Почему это я так часто болею? Кажется, берегу себя: никогда не выхожу в дождь, одет в теплое платье, ем самую лучшую пищу. А все–таки постоянно простужаюсь, и постоянно меня лихорадит, несмотря на все предосторожности. Что тому причиной?

— Слишком много заботиться о себе хуже, чем совсем не заботиться,— ответил визирь.— Я тебе это скоро докажу.

Повел визирь раджу за город, и встретили они там в поле пастуха. Целый день он проводил в поле, еле прикрытый рваной грубой одеждой, мок под дождем и от сильных ночных рос, страдал от зноя и холода, питался крошками хлеба и ключевой водой, а ночью ютился в шалаше из пальмовых листьев.

И визирь сказал радже:

— Видишь, как живет этот пастух и какие лишения он терпит. Спроси его, часто ли он болеет и чем.

Раджа спросил пастуха, бывает ли у него лихорадка, страдает ли он от ломоты в костях, часто ли простуживается.

Рассмеялся пастух и говорит:

— Ничем этим я, государь, не страдаю. С детства привык я к холоду и к зною, и оттого, видно, они мне ничего сделать не могут.

Удивился царь и говорит визирю:

— Это, должно быть, необыкновенно здоровый и крепкий человек; ему ничто не может повредить.

— Посмотрим, — сказал визирь.

Позвал он пастуха и предложил ему жить во дворце. За пастухом ухаживали, одевали его в добротное платье, давали ему отменную пищу, не позволяли выходить на воздух в дождь или зной, смотрели за тем, чтобы он не сидел на сквозняке и не промачивал себе ног. А через несколько месяцев визирь велел провести его во внутренний двор, покрытый мрамором и спрыснутый холодной водой.

Пастух пробыл там довольно долго и промочил себе ноги. Жизнь во дворце изнежила его, и он заболел. Долго хворал пастух и едва оправился. Худой и бледный после болезни, встретился он радже, и тот был очень удивлен, когда увидел, что пастух так переменился. Радже рассказали, почему заболел пастух, но он не поверил рассказу. «Мог ли такой пустяк повредить крепкому, здоровому человеку, который раньше никогда не хворал», — подумал он.

— Ты забываешь, государь, — сказал визирь, — что последние месяцы его холили и он отвык от холода и сырости. То, что случилось с пастухом, показывает тебе, что за жизнь в неге приходится платить дорогой ценой. Кто изнежен такой жизнью, тот редко бывает здоров. А жизнь, полная лишений, часто дает крепкое здоровье и избавляет от болезней. Я думаю, что пастух после болезни захочет вернуться к себе в поле. Любое преимущество покупается ценой каких-нибудь лишений, и всего иметь нельзя. У тебя богатство и болезни, у него бедность и здоровье. Ты не решаешься расстаться с богатством, чтобы приобрести здоровье. Может быть, пастух предпочтет здоровье.

И пастух предпочел здоровье; он отказался от неги дворца ради вольной жизни.

КАК ТРИ ИСКУСНИКА ПЕРЕХИТРИЛИ ЗЛЫХ ДУХОВ

Жил однажды богач, и была у него красавица жена. Каждое утро он забавлялся тем, что стрелял из лука, а целью выбирал жемчужины в носовом кольце жены; и так он искусно стрелял, что всякий раз простреливал жемчужину, а жены ни разу не задел.

Однажды к ним приехал в гости брат богача и заметил, что его невестка очень худа и бледна.

— Что с тобой, сестрица? — спросил он. — Неужели муж твой худо с тобой обращается? В чем дело? Отчего ты такая худая и бледная?

— О нет, братец, муж у меня добрый, ласковый, и у меня всегда много денег, драгоценностей и всего, чего я только ни захочу. Одно худо: каждое утро мой муж стреляет в цель из лука, а целью ему служат жемчужины моего носового кольца. Правда, стреляет он очень метко, но я всегда боюсь, как бы он не промахнулся и не убил меня. Живу я в вечном страхе и оттого худа и бледна. Но я не хочу просить его бросить свою стрельбу, потому что она для него большое удовольствие. А вот если бы он сам перестал стрелять, я была бы так счастлива!

— А что он говорит тебе? — спросил брат.

— Всякий раз, как он кончает стрелять, — ответила сестра, — он спрашивает: «Ну, есть ли на свете люди искуснее и ловчее меня?» А я отвечаю: «Нет никого искуснее и ловчее тебя».

— Тогда вот что, — сказал брат, — когда он в следующий раз спросит тебя, ты ему ответь: «На свете много людей искусней тебя».

И вот на другой день стрелок опять спросил жену:

— Есть ли кто на свете искуснее и ловчее меня?

А жена ответила:

— Конечно, на свете много людей искуснее и ловчее тебя.

Озадаченный ее ответом, он сказал:

— Если так это, то я отправлюсь искать по свету тех, кто искуснее и ловчее меня, и не вернусь, пока не найду.

Снарядился в путь и отправился на поиски.

Долго шел он, наконец подошел к большой реке; видит — на берегу сидит какой-то человек и обедает. Подсел к нему стрелок, и начался у них разговор. Стрелок спросил:

— Кто ты такой и куда держишь путь?

— Я борец, — ответил тот, — я самый сильный человек в этой стране и благодаря своей силе умею делать самые удивительные вещи. До последнего времени я думал, что нет на свете никого ловчее меня, но недавно услышал, что далеко отсюда живет удивительный человек: он стреляет так метко, что каждый день стрелой выбивает жемчужину из носового кольца жены, а ее не задевает никогда. Я пошел искать этого человека: хочу знать, правду ли говорят о нем.

Стрелок тогда сказал:

— Ну, так и тебе незачем дальше идти: человек, которого ты ищешь, — я.

Борец спросил:

— А ты куда идешь?

— Я, как и ты, ушел из дома искать человека искуснее и ловчее меня, — значит, цель у нас с тобой одинаковая; пойдем вместе, может быть, мы найдем человека ловчее нас.

— Ладно, — сказал борец.

И они пошли вместе.

Скоро они пришли к месту, где пересекались три дороги. На перекрестке сидел какой-то незнакомый им человек.

— Кто вы, друзья, и куда идете? — спросил он.

— Мы меткие стрелки. Мы ищем человека искуснее и ловчее нас. А ты кто такой и куда держишь путь?

— Я ученый человек, пандит, — ответил тот, — у меня великолепная память и сметка. Я постиг все премудрости и всегда считал, что нет на свете человека замечательнее меня. Но вот услышал про двух необыкновенных людей — один борец, другой стрелок — и иду искать их: хочу знать, правду ли о них говорят.

— Тогда тебе некуда идти — мы и есть эти люди: борец и стрелок.

Обрадовался пандит и говорит:

— Вот хорошо! Будем братьями; и так как дома ваши далеко, то пойдемте ко мне и живите пока у меня. Потом каждый покажет свое искусство.

Так и сделали.

Нужно сказать, что в доме пандита был огромный железный котел для воды, такой громадный и тяжелый, что двадцать пять человек не могли его поднять. Вот ночью борец, чтобы показать свою силу и ловкость, встал потихоньку, так чтобы никто не слышал, поднял котел на плечо, отнес его к реке и спустил в воду в глубоком месте, затем вернулся и лег как ни в чем не бывало. Но жена пандита спала очень чутко, и, как ни осторожно он двигался, она услышала шорох и говорит мужу:

— Посмотри-ка, не забрались ли к нам воры, — я слышала странный шорох.

Встали оба, муж и жена, обошли весь дом, но ничего не заметили, пока не пришли в кухню. Сперва им показалось, что и здесь все как было, а потом жена пандита воскликнула:

— А где же большой котел? Я думала, что его-то уж никто не сдвинет с места!

Все обыскали, но котла не нашли; как вдруг пандит заметил у двери глубокие следы ног — такие, какие оставляет человек, когда несет очень тяжелую ношу. Следы вели к реке и у воды пропадали.

Пандит и говорит жене:

— Кто-то очень сильный принес котел к реке и, должно быть, бросил его в воду. Кто бы это мог сделать? Посмотрим, спят ли наши гости. Может быть, это проделка борца — захотел показать свою силу и ловкость.

Пришли потихоньку в спальню гостей, видят — оба спят. Осмотрел пандит стрелка и говорит:

— Нет, не этот.

Посмотрел борца, осторожно лизнул языком его кожу и сказал жене:

— Это он взял котел и бросил его в воду. Он недавно стоял в воде по шею до самого подбородка, кожа его совсем не соленая, а это бывает только у людей, что недавно из воды вышли. Завтра утром покажу ему, что знаю про его проделки.

На следующее утро, рано, пандит пригласил своих гостей пойти на реку:

— Я не могу предложить вам помыться дома, потому что кто-то утащил большой котел, в котором воду нагревают.

— Куда же его утащили? — спросил борец.

— Да, вот именно, куда? — сказал пандит и повел их к реке.

Там он вошел в воду, остановился у котла и сказал борцу:

— Посмотри-ка, братец, как далеко прогулялся котел.

Борец удивился, что пандит нашел котел, и спросил:

— Ну, а кто же его сюда принес?

— Сказать тебе кто? — ответил пандит. — Я думаю, что ты.

И затем рассказал, как вместе с женой искал котел и как узнал, что его унес борец. Подивились друзья сметливости пандита, а стрелок подумал: «Да, оба эти человека искуснее и ловчее меня».

Вернулись все трое в дом, довольные тем, что встретились, и пандит сказал:

— Попируем. Ты, брат силач, сбегай-ка достань козу из тех, что пасутся вон там на горе, — изжарим ее себе на обед.

Борец охотно побежал к козам, но тем временем один хитрый маленький бес заметил, что борец выбирает козу в стаде, и подумал: «Дай-ка я обернусь в козу. Борец возьмет меня, я тогда покажу себя ему и его друзьям».

Тотчас он обратился в сытую жирную козу, и борец отнес его в дом пандита. Коза билась в руках борца, и он с трудом ее удерживал. Никогда еще он не видел такой сильной козы.

Пандит вышел ему навстречу, посмотрел в глаза козе и сразу понял, что это не коза, а бес, но не показал виду, только подумал: «Лишь бы бес не заметил, что я испугался, а не то он проникнет в дом и всех нас съест». А борцу он сказал громко:

— Эх, братец, что ты наделал? Мы тебя просили достать нам жирную козу на обед а ты принес какого-то жалкого маленького бесенка! Да ведь у меня за обедом дети по бесенку уписывают, жена съедает трех, а мне меньше двенадцати не подают. Что же нам делать с одним бесенком? Уж если ты хорошей козы достать не смог, так хоть бесов-то принес бы вдоволь, да не таких, как этот, а получше.

Борец ничего не понял, но от испуга и удивления

уронил на землю козу, и бес принял свой настоящий вид. Перепуганный бесенок упал в ноги пандиту и говорит:

— Пощади! Я принесу тебе все что хочешь — и драгоценных камней, и золота, и всяких сокровищ, — только не ешь меня, отпусти!

— Нет, нет, — ответил пандит, — я тебя знаю: ты убежишь и не вернешься, а мы сегодня очень голодны. На что нам золото и драгоценности? Мы хоть тобой немного поживимся.

Пуще испугался бесенок и стал опять молить о пощаде:

— Только отпусти, всего принесу!

— Ну ладно, — сказал, наконец, пандит, — так и быть, неси сокровища, только скорее. И не думай убегать от меня: я тебя на краю света найду и съем.

Стремглав полетел бесенок. Его уж и борец поразил силой своей, а пандит и вовсе напугал, когда сказал, сколько его семья ест бесов. По дороге бесенка перехватили бесы и спросили, куда это он тащит сокровища и зачем.

— Несу трем удивительным существам, чтобы они меня не съели. Они бесов, как хлеб, едят.

— Это кто такие? Мы не слыхали, чтобы кто-нибудь бесов ел.

Затем они отпустили бесенка, но с условием, чтобы он на другой же день подробно рассказал царю бесов и всему их собранию все, как было.

Запыхался бесенок, торопясь к пандиту, и прибежал испуганный, что опоздал. Пандит встретил его сурово:

— Ты где это пропадал?

— Меня бесы задержали, — ответил бесенок. — Они рассердились, что я тащу много сокровищ, и позвали меня завтра в совет на суд.

— А где будет совет? — спросил пандит.

— Далеко, далеко, в лесу, — там, где живет наш царь.

— Вот что, — сказал пандит, — нам хочется посмотреть ваш совет, и ты нас троих туда снесешь. Идти далеко, и нам неохота ноги утомлять.

На следующий день бесенок снес всех троих туда, где должен был собраться бесовский совет, и поместил их на дереве, как раз над тем местом, где сидел царь бесов. Начался совет. Бес рассказал все, что знал про трех могущественных людей, или высших существ, — ведь он не знал, кто они такие, знал только, что они едят бесов.

— Хорошо бы посмотреть этих троих, о которых ты так много нам говоришь, — сказал царь, — а то...

Но не успел он договорить, как сук, на котором сидели три товарища, обломился и они упали прямо на царя бесов. И начали его тискать борец и стрелок, а пандит приговаривал:

— Так, так, друзья! Его мы съедим сейчас, а других немного погодя.

Царь бесов молит отпустить его, обещает несметные сокровища, — очень уж он испугался, когда те, о ком он говорил, очутились тут же и начали душить его; поверил он рассказам бесенка и решил, что перед ним какие-то сверхъестественные существа неслыханной силы и могущества. После долгих уговоров пандит согласился взять огромный выкуп и велел принести его к себе домой.

Когда сокровища принесли, пандит разделил их на три части; одну дал борцу, другую — стрелку, а третью взял себе.

Распрощались друзья. Борец и стрелок вернулись домой. Теперь они поняли, что напрасно считали себя самыми искусными и ловкими людьми на свете.

Стрелок принес сокровища жене и сказал ей:

— Правда твоя — есть на свете люди умнее, искуснее и ловчее меня. Отныне больше не буду стрелять в жемчужины твоего носового кольца, не стану пугать тебя. Вижу, что занятие это пустое и толку от него мало.

Обрадовалась жена. Теперь уже она ничего не боялась, и жили они счастливо и дружно, пока не пришли прислужники бога смерти и не увели их в его царство.

ЧЕМУ БЫТЬ, ТО И БУДЕТ

У одного царя было шестеро дочерей. Позвал их однажды царь и спрашивает, довольны ли они своей судьбой. Пятеро дочерей ответили:

— Отец, судьба наша в твоих руках. Ты кормилец наш, ты нас одеваешь, ты достаешь нам все, что нужно. Мы довольны своей судьбой.

Но младшая молчала, и отец рассердился и спросил, почему она молчит.

— Моя судьба, — ответила царевна,— ни в чьих руках. Чему быть, то и будет — все равно, захочет этого мой отец или нет.

Еще пуще разгневался царь, когда услышал такой ответ, и решил убить дочь немедля, но потом велел отвести ее в дремучий лес, чтобы растерзали ее дикие звери или чтобы умерла она с голоду.

Носильщики отнесли ее на носилках в глубокую лесную чащу и здесь привязали носилки к ветвям огромного дуба. Носилки висели и качались. Царевна была очень набожна. Она сидела на носилках, читала священные книги и молилась великому богу, которого зовут Махадео.

И Махадео на небе сказал:

— Кто-то на земле в большой беде и горести. Надо ему помочь. Я слышу, как горячие молитвы несутся ко мне и взывают о помощи.

И послал он одного из своих вестников туда, где была царевна. Увидел вестник, что она голодает, и накормил ее. С этого дня Махадео сам питал ее. У под-

ножья дерева забил ключ кристально чистой воды. Царевне жилось хорошо, она была довольна и по-прежнему читала священные книги и молилась. Однажды, когда она наклонилась к ключу, чтобы напиться, она увидела на дне его два камня: золотой и серебряный. Тогда она принялась рыть землю вокруг ключа и нашла много золотых и серебряных каменьев. И поняла она, что это ей дарит Махадео. «Благая моя судьба», — подумала царевна. И вот решила она построить на этом месте дворец и пошла искать строителей. Набрела на дровосека, что рубил дрова в лесу, и поручила ему найти плотников, каменщиков и всяких других мастеров, какие нужны, чтобы построить дом. Скоро дворец был готов. Наняла царевна слуг и зажила счастливо в своем великолепном дворце.

Но вот однажды теми местами проезжал царь, ее отец. Подивился он невиданному дворцу в лесной чаще и послал слуг своих спросить, чей это дворец и кто в нем живет. Узнала царевна слуг своего отца и велела их накормить; а они тоже узнали ее, обрадовались, что она обласкала их, и поспешили к царю поведать, что дочь его не погибла, а живет, счастливая, в новом дворце. Удивился царь и отправился к дочери. Она встретила его ласково и напомнила о том, как говорила: «Чему быть, то и будет». Приехали к ней и сестры; и их она тоже ласково встретила и щедро одарила.

Вскоре царь собрался в путешествие и спросил дочерей, что им привезти? Старшие пожелали получить драгоценные вещи, а младшая сказала, что у нее все есть и ничего ей не надо. Отец огорчился.

— Пусть так, — сказала она наконец, — если ты по пути заедешь в такой-то город и увидишь, что там продают маленькую коробочку, купи ее мне.

Царь отправился странствовать и в разных городах накупил дочерям подарки. Наконец, он попал в тот город, о котором ему говорила младшая дочь, и стал расспрашивать, у кого продается маленькая коробочка.

У одного купца действительно была волшебная коробочка, но что в ней находится, никто не знал. А в ней было чудесное опахало — маленькое, круглое, из пальмового листа, с золотой ручкой; и к этому опахалу была приворожена душа прекраснейшего царевича: махнешь опахалом к себе — явится царевич, махнешь от себя — исчезнет. Купец просил за коробочку очень дорого — пятьсот рупий, но царь обещал ее дочери, а потому заплатил деньги и взял коробочку. Вернувшись, он роздал подарки всем дочерям.

Младшая царевна взяла коробочку, открыла ее золотым ключом, взяла в правую руку опахало за золотую ручку и махнула опахалом к себе. И вот предстал перед царевной прекраснейший царевич, и она приветствовала его. Вскоре они сели играть в шахматы, так как царевна очень любила эту игру, — ведь это действительно царская игра. И каждый день с утра до вечера они играли в шахматы, и только в полдень царевич отдыхал, а к вечеру исчезал. И были они счастливы безмерно.

Как-то раз пришли старшие сестры к младшей показать ей подарки и осмеяли ее за то, что она выбрала какую-то простенькую маленькую коробочку. А младшая царевна была очень доверчива, и она сказала сестрам, что коробочка волшебная и что к ней причарован прекрасный царевич. Вынула она опахало, махнула им, и явился царевич.

Тут сестер обуяла зависть, и задумали они недоброе: пока царевич играл с царевной в шахматы, они пробрались к тому ложу, где он отдыхал в полдень, и

насыпали под покрывало битого стекла, — они знали, что, когда царевич ляжет, стекло ранит его.

На другой день царевич прилег и был весь изранен; но он скрыл от царевны свои мученья и, как всегда, дождался вечера, чтобы исчезнуть. Однако наутро он так расхворался, что не смог явиться к царевне, сколько ни махала она опахалом. Царевич лежал при смерти, злые сестры ликовали, а бедная царевна страдала: она боялась, что с царевичем случилась беда.

Не вытерпела, наконец, царевна, переоделась странствующим монахом-факиром и пошла искать царевича. Долго шла она, наконец, усталая, села под высоким деревом и вдруг слышит, что на дереве разговаривают орел и попугай. А царевна за свою долгую жизнь в лесу научилась понимать язык птиц и зверей.

— Что нового? — спрашивает попугай.

— Не слыхал ты разве, — отвечает орел, — про волшебную коробочку, про царевну и ее злых сестер, что положили стекло в постель царевича и ранили его так, что он лежит при смерти?

— Неужели? Нет, не слыхал. А можно спасти его?

— Ничего нет легче, надо только знать, как за дело взяться. Да вот никто, кроме меня, не знает, но меня и не спрашивают. А надо взять помет со дна орлиного гнезда, разбавить его водой и три раза помазать раны. Тогда все стекло выйдет наружу, и больной выздоровеет.

Жадно слушала птиц царевна и, как только они улетели, поднялась на дерево, отыскала орлиное гнездо, собрала со дна помет и завязала в платок. Пришла она в соседний город и слышит, что кличут врачей: при смерти лежит царский сын, и никто его вылечить не может. Пошла царевна по улицам и кричит: «Хаким, хаким!»

А на языке той страны это значило — врач. Ее тотчас повели в царский дворец к больному. Она попросила подать ей золотой таз и горячей воды, бросила в таз помет из орлиного гнезда, размешала все и потом помазала этой мазью раны царевича. Помазала в первый раз — стало выходить стекло; во второй помазала — еще больше вышло; помазала в третий раз — все стекло вышло. Царевич открыл глаза и пришел в себя; но царевны он не узнал — принял ее за чужого врача.

Исцелила царевича царевна и пошла проститься с царем. Благодарный царь не хотел отпускать врача без щедрого подарка, но врач отказался от вознаграждения и только согласился взять на память о царевиче его платок, меч, лук, стрелы и кольцо с руки.

Вернулась домой царевна, взяла волшебное опахало — и царевич предстал перед нею. Царевна притворилась разгневанной:

— Все эти дни я обмахивалась опахалом, но ты не шел, зачем же ты пришел сегодня?

Царевич рассказал ей про все, что с ним приключилось. Тогда царевна вынула его платок, меч, лук, стрелы и кольцо, и он понял, кто спас ему жизнь. И он стал умолять царевну не подвергать его более мукам разлуки, а стать его женой. С радостью согласилась царевна и сказала:

— Права я была, когда говорила, что судьба моя ни в чьих руках: чему быть, то и будет. Вот теперь я выхожу замуж за тебя. Так было предопределено нам с тобой, так оно и случилось.

И зажили они счастливо и прожили много радостных лет вместе, пока не пришел бог смерти и не увел их в свое царство.

ПОМНЯТ ЛИ НА СВЕТЕ ДОБРО?

Жили однажды в глухом лесу тигр и тигрица, и было у них трое детенышей.

Стал тигр стареть и слабеть и почувствовал близость кончины. Перед самой смертью собрал он своих трех детенышей, чтобы передать им свой прощальный завет.

— Дети мои, — сказал умирающий тигр, — помните, что тигр — царь лесов. Он странствует где хочет и охотится за всеми зверями, и не смеют они ему перечить. Только от одного зверя хочу я вас предостеречь, один он сильней и хитрей тигра. Зовут этого зверя Человек. И вот я перед смертью предостерегаю вас: берегитесь, не охотьтесь за ним и не убивайте его.

Тут старый тигр лег на бок и умер.

Из трех детенышей тигра двое старших были благоразумны и следовали совету отца: охотились они только за сернами, кабанами и разными другими зверями, что живут в лесу, а людей избегали, как огня. Но младший был нрава строптивого и начал ворчать:

— Что за существо этот Человек? Почему я не смею убить его, если захочу? Слышно, что сила его невелика, нет у него настоящих клыков и когтей, а есть только зубы да ногти. Мне ничего не стоит одним ударом опрокинуть оленя или кабана, — неужели же мне не убить и не съесть Человека?

И пошел он искать Человека, как ни отговаривали его мать-тигрица и братья, сколько ни напоминали про завет отца-тигра. Вышел он однажды чуть свет, и на дороге ему попался старый буйвол, тощий-тощий;

по всей спине у него тянулись полосы от давних ударов бичом. Тигр никогда не видел буйволов и потому, когда встретил старого буйвола, спросил:

— Ты кто будешь? Не Человек ли?

— Нет, я только бедный старый буйвол, — ответил тот.

— Вот как, — сказал тигр. — Тогда, может быть, ты расскажешь, что за существо Человек? Ведь я собираюсь найти его и убить.

— Берегись Человека, молодой тигр, — сказал старый буйвол, — он опасное и вероломное существо. В юности своей я был слугой Человека — носил ноши его на спине, и они стерли мне бока. Много лет служил я ему верой и правдой. Пока я был молод и силен, он ходил за мной, ценил меня и кормил, а теперь, когда я стал стар и слаб и не могу больше работать на него, он выгнал меня в лес. Теперь мне самому приходится искать пропитание, как умею, а он и не заботится обо мне в старости моей. Берегись, берегись, не трогай его и не пытайся убить: хитер он и опасен.

Молодой тигр на это только рассмеялся и пошел своей дорогой. Вскоре навстречу ему попался старый слон. Он пасся на опушке леса; кожа у него была вся в морщинах и складках, глаза помутнели от старости, а за ушами, там, где его били железом, виднелись большие рубцы.

— Ты что за зверь? — спросил тигр. — Не Человек ли, а ?

— Нет, я только старый-старый слон, — ответил тот.

— Вот как? Ну, если ты такой старый, то, может, ты скажешь мне, что за зверь Человек? Хочу я за ним поохотиться, убить его и съесть.

— Берегись, молодой тигр, — сказал слон, — не охоться за Человеком, он вероломный и опасный

зверь. Взгляни на меня. Я царь лесов, — и что же? Человек покорил и обучил меня и сделал меня своим слугой на много лет. Он оседлал меня, уперся ногами мне в уши и бил меня железом по голове. Пока я был молод, есть мне давали, сколько захочу; особый прислужник чистил меня каждый день и присматривал за мной. Но когда я стал стар и не смог больше работать, меня выгнали в лес и перестали обо мне заботиться. Послушайся меня, не трогай Человека, а то попадешь в беду.

Но молодой тигр только засмеялся и пошел своей дорогой. Вскоре он услышал, что кто-то рубит дрова, подобрался к тому месту и увидел дровосека. Посмотрел-посмотрел, подошел к нему и спросил его, что он за зверь.

Дровосек ответил:

— Ну и глупый же ты, тигр. Неужели ты не видишь, что я Человек?

— Так, — сказал тигр, — наконец-то мне повезло: ведь я искал Человека, чтобы убить его и съесть, и ты мне как раз пригодишься.

Услышал это дровосек и засмеялся:

— Убить и съесть меня? Да что с тобой? Ты, видно, не знаешь, что Человек слишком хитер, чтобы его мог съесть тигр! Пойдем кс мне, и я тебе покажу то, что только Человек знает и тебе полезно будет знать.

Тигру это понравилось, и они пошли вместе. Наконец, пришли к дому, где жил дровосек, а дом был крепко сколочен из бревен.

— Это что? — спросил тигр.

— Это называется «дом», — сказал дровосек. — Я покажу тебе, как мы им пользуемся.

Вошел в дом и запер за собой дверь.

— Вот видишь, — сказал он тигру, — как глупы тигры в сравнении с Человеком. Живете вы в яме в лесу, на

ветру, на дожде, на холоде, на солнцепеке, и всей вашей силы не хватит построить дом. А вот я хоть и слабей тебя, а выстроил себе чудесный дом, где живу в свое удовольствие и не боюсь ни холода, ни жары; и никакой дикий зверь мне ничего не сделает.

— По какому праву, — зарычал в ответ тигр, — ты, жалкое, беззащитное существо, живешь в таком доме, а я, такой сильный, с красивой полосатой шкурой, с клыками, и когтями, и длинным хвостом, стою здесь? Я должен быть в доме, а не ты. Выходи сейчас и уступи мне дом.

— Ладно, — сказал дровосек.

Впустил тигра, а сам вышел.

— Ну, смотри на меня! — закричал из дома тигр. — Как, хорош я в этом прекрасном доме?

— Очень хорош, — сказал дровосек, а сам задвинул снаружи засов и крепко запер дверь, потом вскинул топор на плечо и ушел, оставив тигра умирать с голоду.

Скоро тигру надоело сидеть в доме, и захотел он выйти на волю; но не тут-то было — запоры оказались крепкие, а стены толстые, бревенчатые. Как ни старался он, выйти не смог, и начали его мучить голод и жажда.

Прошло три дня, плохо ему стало. Смотрит тигр в щелку и видит: пришла лань напиться из речки, что протекала у самого дсма. Окликнул ее тигр:

— Сестричка лань, сестричка лань, открой дверь и выпусти меня! Заперт я здесь и погибаю от жажды и голода.

Услышала лань голос тигра, испугалась, но увидела, что он за крепкой дверью, и успокоилась.

— Дядюшка тигр, — сказала она, — прискорбно мне слышать о твоей беде. Но я боюсь, что, если я открою дверь и выпущу тебя, ты убьешь и съешь меня.

— Что ты, сестричка, положись на меня, — зарычал тигр. — Обещаю тебе, что, если ты меня выпустишь, я тебя не трону. Правду говорю!

Сжалилась лань, открыла дверь, и тигр выскочил из дома. И как только выскочил, так и схватил ее.

— Жаль мне тебя, сестричка, — сказал он, — но я так изголодался, что придется мне тебя съесть.

— Что ты делаешь? — взмолилась она. — Только что обещал, что не съешь меня, а теперь, когда я тебя спасла, ты добра не помнишь.

— Добро? Что такое добро? — спросил тигр. — Я не верю, чтобы добро помнили.

— Как не помнят? Помнят, — сказала лань. — Ну, так давай уговоримся: спросим у первых трех живых существ, какие нам встретятся, помнят ли на свете добро. Если они скажут, что не помнят, ты можешь убить меня и съесть. А если скажут, что добро помнят, ты должен будешь меня отпустить.

— Ладно, — сказал тигр, — я согласен.

Пошли они вместе дорогой. Видят, у обочины растет большое дерево.

— Здравствуй, братец дерево, — сказала лань, — рассуди ты нас, пожалуйста.

Зашелестело дерево своими ветвями и листьями и ласково ответило:

— Что у вас такое, сестрица лань? Что могу, то охотно сделаю.

— Вот видишь, — сказала лань, — как было дело. Нашла я этого тигра запертым в доме у дровосека. Позвал он меня и просит его выпустить. Обещал, что, если я его выпущу, он меня не тронет. Я и отперла дверь и выпустила его на свободу. Но как только я выпустила его, он меня схватил и хотел убить и съесть. А когда я стала его попрекать тем, что он добра не помнит, он сказал, что добра никто не помнит. Вот мы

и уговорились с ним, что спросим у первых трех живых существ, какие встретятся, помнят ли на свете добро. Если они скажут, что не помнят, то тигр может съесть меня, а если скажут, что помнят, то он должен меня отпустить. Пожалуйста, братец дерево, скажи ты нам, помнят на свете добро или нет?

Грустно зашелестело ветвями дерево и говорит:

— Внимательно слушало я тебя, сестрица лань, и радо бы тебе помочь, если бы могло. Но должно я ответить по совести, рассказать о том, что видело на своем веку. Суди сама. Расту я тут, у обочины, простираю свои ветви над пыльной дорогой и дарю свою тень и людям и зверям. Путники проходят, и каждый из них останавливается на отдых в тени моих ветвей, да и свою скотину ставит в мою тень. А потом что? А потом, как отдохнут и подкрепятся, они идут дальше и не только не благодарят меня за гостеприимство, но еще ломают мои ветви и делают из них хлысты, чтобы подгонять и мучить усталую скотину. Ну, что скажешь? Значит ли это — помнить добро? Значит ли — следовать доброму примеру! Нет, я многое видело в жизни и должно сказать: добра на свете не помнят.

Бедная лань совсем пала духом, но поплелась дальше вместе с тигром. Видят — пасутся буйволица и ее теленок. Буйволица ест сухую и низкую траву, а теленку показывает, где трава повыше и погуще. Подошли они к буйволице, и лань сказала:

— Здравствуй, тетушка буйволица! Вот дядюшка тигр и я хотим с тобой посоветоваться по одному делу.

Посмотрела на них буйволица своими большими глазами, пожевала жвачку и не спеша ответила:

— Ладно, сестрица лань, говори; отвечу тебе, как умею.

— Видишь ли, — начала лань, — этот тигр был за-

перт в доме, в лесу. Не мог он отворить двери и умирал с голоду. Проходила я мимо, он позвал меня, попросил его выпустить и обещал, что, если только я его выпущу, он меня не тронет. Но едва он очутился на свободе, как схватил меня и сказал, что убьет и съест. А как стала я его попрекать тем, что он добра не помнит, он мне ответил, что добра никто не помнит. Вот мы и уговорились, что пойдем и спросим у первых трех живых существ, какие встретятся, помнят добро на свете или нет. Если они скажут, что не помнят, он может меня съесть; если скажут, что помнят, тогда я свободна. Теперь мы, тетушка, ждем твоих слов, — реши наш спор!

Пожевала буйволица жвачку, посмотрела на тигра, посмотрела на лань и говорит:

— С радостью помогла бы я тебе, сестрица лань, да приходится мне говорить о том, что я своими глазами видела на свете. Суди сама. Вот мой теленок, вот я. Пока теленок мал, я всячески стараюсь кормить его досыта и давать ему все, что ему надо. Сперва пою его своим молоком, потом веду на лучшее пастбище, а сама, как видишь, пасусь, где трава похуже. И я с радостью терплю лишения, чтобы ему было хорошо. А когда он подрастет и станет крепким и сильным, скажи — будет ли он помнить о старой матери и вспоминать о том, что она для него делала? Конечно нет. Разве он будет беречь мою старость? Он столкнет меня с хорошего пастбища, чтобы самому получше наесться. И что же ты скажешь, — он помнит добро? Нет, живу я давно и скажу одно: добра на свете не помнят.

Совсем смутилась лань от речей буйволицы, а тигр обрадовался. Оставалось спросить еще одно живое существо, — и тогда конец спору. Двинулись они

дальше. Видят, скачет по дороге заяц. Окликнули они его. Остановился заяц.

— Здравствуйте, братец! — говорит лань. — Можешь ты рассудить тигра и меня? Дело это небольшое.

— Охотно, — сказал заяц. — Расскажите, что у вас.

— Вот как было дело, — стала рассказывать лань. — Пошла я на водопой в лес. Пью воду, вдруг замечаю, что в доме дровосека заперт тигр и не может выйти, потому что дверь заперта снаружи. Сидит он там и мучается голодом. Увидел меня и просит выпустить, обещает, что не тронет. Я его выпускаю, а он меня хватает, чтобы съесть: говорит, что очень уж проголодался и не может не съесть. Я ему напоминаю, что помогла ему, а тигр добра не помнит и отвечает, что он, мол, не знает, что такое добро, да и никто добра не помнит. Вот мы и порешили спросить у первых трех живых существ, каких встретим, помнят ли добро на свете. Если они ответят, что помнят, я свободна; если ответят, что не помнят, тигр меня убьет и съест. Мы уже двоих спросили, и оба сказали, что добра на свете не помнят. Ты — третий, и от твоих слов зависит — жить мне или нет.

— Да, сестрица, странное это дело, — сказал заяц. — Раньше, чем решать такой трудный спор, надо мне хорошенько все разузнать и понять. Посмотрим, как дело было. Ты, значит, была заперта в доме у дровосека?

— Да нет же! — зарычал тигр. — Это я был заперт.

— Так, так, — сказал заяц. — Тебя, значит, заперла лань?

— Вовсе не я, — прервала его лань. — Ты, кажется, ничего не понимаешь. Давай я тебе все подробно объясню.

— Да, да, дело, я вижу, сложное, — сказал заяц, — сразу-то его и не поймешь. Надо пойти на то место,

где это случилось. Там вы мне все покажете и объясните.

Согласились тигр и лань и пошли вместе с зайцем к дому дровосека.

— Ну вот теперь, — сказал заяц, — вы мне все покажете и толком объясните, как было на самом деле. Ты где была, сестрица лань, когда тигр тебя заметил?

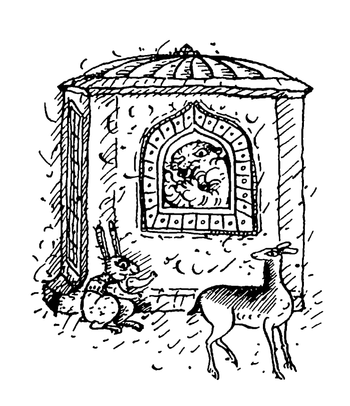
— Я была вот здесь, — и лань побежала к воде, — у водопоя.

— А ты, дядюшка тигр?

— А я здесь, в доме, — сказал тигр и вошел в дом.

— Значит, дверь была заперта, да?

И заяц запер дверь и засунул засов. Потом он ушел с ланью, а тигр остался в доме и подох с голода.

ЦАРЕВНА ПЯТЬ ЦВЕТКОВ

У одного царя был сын, и этого сына царь невзлюбил. Однажды пришел сын к матери и говорит:

— Лучше я уйду отсюда. Отец мой не любит меня.

Спросила царица царя, согласен ли он отпустить царевича.

Царь ответил, что он сына не задерживает, но сомневается, сумеет ли тот прокормить сам себя, а денег на пустые затеи давать он не намерен; так пусть сын, если хочет, уходит и живет, как сам знает.

Тогда царица снарядила сына: дала ему узел с платьем и несколькими хлебами, а в каждый хлеб положила по золотой монете, чтобы путник не остался без денег. Царевич попрощался с матерью и отправился в путь. Долго шел он. Наконец, пришел к окраине большого города. Здесь он попросился ночевать к столяру. Столяр в это время делал деревянные башмаки; он сказал царевичу:

— Привет, юноша! Как видишь, я сейчас занят работой. Пойди в дом, тебя накормят.

Юноша попросил жену и дочь столяра накормить его.

— Мы охотно покормим тебя, — сказала дочь, — но как быть? У меня нет дров, чтобы затопить печь, а до леса далеко.

Царевич оглянулся, увидел в комнате деревянные башмаки, расколол их, дал девушке и сказал:

— Затопи этими щепками. А с твоим отцом я все улажу.

Она послушалась.

Наутро царевич отправился в лес, нашел подходящее дерево, срубил его и сделал деревянные башмаки. А надо сказать, что он был очень искусный человек, и башмаки у него вышли гораздо лучше, чем у столяра. Свои башмаки царевич поставил туда, где стояли башмаки столяра.

Случилось так, что в то утро царский слуга пошел покупать для царя деревянные башмаки, — в той стране все люди, и даже сам царь, ходили в деревянных башмаках. Увидел слуга башмаки работы царевича, и они ему очень понравились.

— Вот это гораздо лучше других, — сказал он. — Я их возьму для царя.

Бросил десять золотых монет и взял башмаки.

Обрадовался столяр. Он и четверть золотого не получал за пару башмаков, а тут вдруг десять! «Только что это за башмаки, — думал он, — кто их смастерил?» Ведь не он их делал. Спросил дочь, та и говорит:

— Это, наверное, те, что смастерил наш новый жилец.

И рассказала отцу, как жилец растопил печь башмаками, а потом сделал другие. Столяру это пришлось по душе, и решил он женить юношу на своей дочери. Он и не подозревал, что его жилец — царевич. Дочь столяра была девушка хорошая, умная да к тому же красавица, и когда он предложил девушку в жены царевичу, тот сказал: «Хорошо», — и женился на ней.

Царевич был мастер на все руки, и как искусно он сделал деревянные башмаки, так искусно он начал изготовлять красивые игрушки. И однажды он так увлекся, что сделал тысячу деревянных попугаев: у каждого было по два глаза, по две ноги, по два крыла и по одному острому кривому клюву, точь-в-точь как у

настоящих попугаев. Раскрасил царевич своих птиц и поставил их обсыхать возле дома.

Настала ночь, зажглись звезды на небе, поднялась серебряная луна, и великий бог Махадео со своей супругой Парвати полетели по небу в ночной обход — посмотреть, что делают люди на земле. Случилось им лететь над тем местом, где стоял дом столяра и сушилась тысяча попугаев, освещенных луной.

— Смотри, — сказала Парвати, — попугаи точно живые. Надо только вдохнуть в них жизнь. Давай оживим их.

— Зачем? — спросил Махадео. — Что нам с ними делать?

— Да так, просто позабавимся, — ответила Парвати. — Любопытно будет глядеть, как вдруг полетит тысяча деревянных попугаев.

— Тебе хочется, чтобы они полетели? Хорошо! — И Махадео сделал знак рукой.

Деревянные попугаи ожили и закружились в воздухе вокруг Махадео и Парвати. Полюбовалась ими богиня, потом сказала:

— Летим дальше.

И боги улетели, а попугаи остались.

Наутро царевич встал рано, чтобы взглянуть, высохли его попугаи или нет. И что же? Видит, попугаи летают вокруг дома, окружают царевича и совсем его не боятся. На шум крыльев все выбежали из дома: и столяр, и его жена, и дочь. Жена столяра и говорит:

— Ну, а чем мы их кормить будем? Вот ты сделал тысячу попугаев, да еще таких, что летают, а кормить-то их кто будет?

— Не беспокойся, — сказал царевич, — если вам это трудно, то мы отделимся, заживем своим домом и тогда найдем, чем кормить моих попугаев.

Так и сделали: царевич с женой поселились от-

дельно, и им не только не было трудно кормить попугаев, но попугаи сами помогали им кормиться. Летают попугаи целый день, а к вечеру возвращаются: у одного в клюве колосья хлебные, у другого рисовые, у третьего боб, — и так каждый что-нибудь приносил. Попугаев было много, и потому их хозяева не только ели досыта, но даже много пищи продавали на сторону. Так жил царевич — жил счастливо, никакой заботы и нужды не знал.

Однажды царевичу приснился удивительный сон. Вот какой это был сон. Увидел царевич, что далеко-далеко за Пурпурным морем лежит дивное царство и окружено оно семью великими морями. У царя и царицы той страны одна дочь, и зовут ее царевна Пять Цветков. По ее имени и страну называют Царство царевны Пять Цветков. Царевна живет в самой середине царства, в крошечном домике, окруженном семью глубокими рвами и семью высокими изгородями из острых-острых копий. А зовут ее Пять Цветков потому, что она так тонка и стройна, что весит всего столько, сколько пять белых лотосов. И царевна решила выйти замуж только за того, кто переправится через семь великих морей и перескочит через семь глубоких рвов и через семь изгородей из стальных копий...

Проснулся царевич после этого сна и не знал, видел он все это наяву или во сне.

Он рассказал жене свой удивительный сон, и она посоветовала ему поговорить со старшиной тысячи попугаев.

— Он — птица мудрая, — сказала она, — может быть, и растолкует твой сон.

Царевич послушался жены, и попугай сказал ему:

— Все, что ты видел, существует на самом деле: есть на свете и Пурпурное море, и семь великих морей, и царевна, и семь рвов, и семь изгородей из копий. А

царевна Пять Цветков так прекрасна, что бессчетное число людей уже пробовало перескочить рвы и ограды из копий, но ни один еще не перескочил, — и все эти люди гибли. Царь и царица горячо любят свою дочь, каждый день они навещают ее и взвешивают на золотых весах, и каждый день она весит только пять цветков, пять белых лотосов.

— Хочу я, — сказал царевич, — поехать в ту страну и увидеть царевну, но как мне перебраться через Пурпурное море и через семь великих морей?

— Я научу тебя, — ответил попугай. — Двое из нас, и я в том числе, полетим с тобой. Мы скрестим крылья, а ты сядешь на наши скрещенные крылья, и мы полетим и перенесем тебя через семь морей. Пока можно будет, мы в пути каждую ночь будем проводить на каком-нибудь высоком дереве, отдохнем — и полетим дальше.

— Хорошо, — сказал царевич, — попытаемся.

Потом он пошел к жене и сказал:

— Жена, хочется мне отправиться в Страну царевны Пять Цветков и попытать счастья. Попробую перепрыгнуть через семь рвов и семь изгородей из копий. Что ты об этом думаешь?

— Конечно, отправляйся, — ответила жена. — Попытайся проникнуть к царевне Пять Цветков и жениться на ней. Смотри только не разбейся и непременно возвратись.

Приготовила она ему еды на дорогу, собрала теплые вещи, чтобы он не мерз, сняла свои золотые и серебряные запястья и завернула их в узелок с платьем, чтобы всего у него хватило на дорогу: и еды, и одежды, и денег. А царевич поручил девятьсот девяносто восьми попугаям оберегать жену и доставать ей пищу и под охраною попугаев привел молодую

женщину к отцу — столяру. Он нежно попрощался с нею и сказал:

— Не бойся, я непременно вернусь к тебе, даже если добуду царевну Пять Цветков. Ты всегда будешь моей первой женой, хоть ты и столярова дочь.

В той стране закон разрешал людям иметь две жены.

Оба попугая скрестили крылья — один правое, другой левое. Сел на их скрещенные крылья царевич, поднялись они на воздух и полетели. Долго-долго они летели, и так быстро, как только умеют летать попугаи. Летели через холмы, через реки, через долины, час за часом, день за днем, неделю за неделей, все вперед и вперед, только ночью недолго отдыхали на деревьях. Добрались, наконец, до семи морей, что окружали Царство царевны Пять Цветков. Теперь уже пришлось лететь без передышки, потому что на семи морях не было ни острова, ни скалы и присесть было негде. Летели попугаи день и ночь и, наконец, прилетели на берег. После длинного пути попугаи очень устали и не смогли сразу полететь в столицу царя, отца царевны Пять Цветков. Они сели на дереве отдохнуть, а царевич пошел один. Попугаям он приказал дожидаться его; оставил у них узел с платьем и деньгами, а сам отправился в город.

Здесь он остановился у дома садовника и попросился на ночлег, потом дал жене садовника золотой и попросил ее купить ему пищи. Рано утром он встал и сказал жене садовника:

— Я чужеземец и совсем не знаю вашей страны. Скажи, что тут есть хорошего и как называется ваша страна?

— Называется наша страна Страной царевны Пять Цветков. Только хорошего здесь мало, — ответила она.

— Что так? — спросил царевич.

— Видишь ли, — сказала жена садовника, — у нашего царя только одна дочь, и зовут ее царевна Пять Цветков, потому что она так стройна и легка, что весит не более пяти цветков. Живет она в самой середине города, высоко-высоко в маленькой башне, окруженной семью глубокими рвами и семью изгородями из острых копий. И поклялась она выйти замуж не иначе как за человека, что сможет перепрыгнуть одним прыжком эти семь страшных изгородей и семь рвов. А этого никто сделать не может, сын мой. Уже много сотен и тысяч царевичей пробовали перескочить, и все они погибли. А царевна как клялась, так своему зароку изменить не хочет ни за что. И все вновь и вновь пытаются перепрыгнуть через эти изгороди и рвы и все больше народу гибнет. А кончится тем, что наша царевна ни за кого замуж не выйдет, и так как у царя других детей нет, то наступит во всем царстве смута.

— Матушка, — сказал царевич, — если ты говоришь правду, то я попытаю счастья. Ведь прыгать я умею хорошо.

— Что ты, милый! Обезумел, что ли? Где тебе сделать то, чего не сделали сотни и тысячи! Погибнешь ты, ничего не добившись.

— Пойду все же посоветуюсь с друзьями, — сказал царевич и пошел к своим попугаям.

— Где ты был? — спросил старый попугай. — Два дня тебя не видать было.

Рассказал ему царевич все, что слышал про царевну Пять Цветков за семью рвами, за семью изгородями, и попросил попугая перенести его к царевне.

— Странный ты человек! — сказал попугай. — Отнести тебя туда мы можем, да тебе-то какой прок от этого будет? Ты же сам слышал, что царевна сказала:

что только за того пойдет замуж, кто перепрыгнет через рвы и изгороди. А ведь если мы тебя туда перенесем, то ты ее условия не выполнишь. Разве ты забыл, как тебя, еще маленьким мальчиком, учили прыжкам и как ты хорошо научился прыгать? Вот теперь и попытай счастья сам, а мы тебе помочь не можем.

— Твоя правда,— сказал царевич.— Сделаю, что умею, а вы меня тут подождите.

Наутро он пошел к башне царевны. Был он ловок и силен: перепрыгнул семь рвов, перепрыгнул и шесть изгородей, да вдруг нога его запнулась, и он наколол-ся на копья седьмой изгороди. Пронзили его копья, и умер царевич.

А отец и мать царевны Пять Цветков каждое утро подходили к окну и смотрели, не погиб ли опять кто-нибудь на изгороди. И в то утро они тоже пошли — и увидели что-то на седьмой изгороди, а что — разобрать не могут: слепит им глаза. Послали за визирем — царским советником, чтобы спросить, что это там, на седьмой изгороди.

— А это, — ответил визирь, — еще один царевич не допрыгнул.

— Но почему же блеск такой ослепительный? — спросил царь.

— Это от красы его невиданной; такого красавца, как он, еще не бывало.

Разгневался царь и говорит:

— Больше не могу переносить безрассудство и жестокость дочери! Сколько сотен и тысяч людей уже погибло из-за нее. Пусть снимут этого мертвого царевича, пусть его обвенчают с моей дочерью и пусть их вместе отнесут в лес. Пусть засыплют все семь рвов, пусть вырвут копья семи изгородей. Конец кровавой забаве!

Так и сделали. Царевну положили на роскошные носилки, а царевича на другие и понесли их в лес. Пыталась мать царевны умолить царя сжалиться над дочерью, но царь был неумолим.

— Довольно людей уже погубила она! Пусть снесут ее и мертвого мужа в лес, в такое глухое место, куда и птица не залетит.

Снесли носилки в лес и поставили на краю болота, куда только ядовитые змеи выползали в погоне за лягушками, и оставили там живую жену и мертвого мужа. Ушли носильщики, и царевна осталась одна. Надвигалась ночь, и захотелось царевне взглянуть на того, кого она погубила своим безрассудством и жестокостью. Он лежал перед ней с закрытыми глазами, бледный и безмолвный. Черные, как пчела, волосы закрывали пронзенный копьем висок, длинные шелковые ресницы лежали на щеках, скрывая суровость закрытых глаз. Царевна стояла и любовалась на эту дивную красоту, загубленную по ее прихоти. И почувствовала царевна, что любит она своего мужа, а он умер, погиб для нее навсегда — погиб по ее же вине. И рыдала она, несчастная, над мертвым мужем среди мертвого леса и не могла успокоиться.

Наступила ночь, и вышли на добычу дикие звери: тигры, слоны, львы, буйволы; многие из них подходили к носилкам, но ни один зверь не тронул ни царевны, ни царевича, — так прекрасны были они оба, что даже звери щадили их. К утру звери стали расходиться, остались поблизости только шакал да шакалиха. И вот слышит царевна, что они между собой разговаривают, а ей был ведом язык зверей и птиц. И слышит царевна, как шакалиха говорит шакалу:

— Расскажи мне что-нибудь.

— Ну вот, опять, — отвечает шакал. — И до чего вы,

женщины, любите рассказы! Расскажи да расскажи! Видишь ты этих двух — царевну и царевича? Это вот царевна Пять Цветков.

— А он кто?

— А это бедный царевич. Его невзлюбил отец, так что пришлось ему уйти из дому. Пришел он в далекую страну и там увидел во сне царевну Пять Цветков. Тогда он приехал сюда, чтобы жениться на ней, упал на копья и умер. Так и не успел жениться на царевне.

— Бедный он, бедный! — сказала шакалиха. — А неужто нельзя вернуть его к жизни?

— Конечно, можно, если только знать, как за дело взяться.

— А как это сделать? — спросила шакалиха.

Прислушивается к их словам царевна, даже дыханье затаила, ждет — какой-то будет ответ.

— Видишь вот это дерево с крепкими темными листьями? — начал шакал. — Если взять с него листьев, накрошить их и стереть так, чтобы из них сок пошел, да соком этим помазать оба уха, губы и раны, то оживет царевич, и покажется ему, что он только спал и проснулся.

Тут взошло солнце, и шакалы убежали, а царевна приметила, о каком дереве говорил шакал, побежала к нему и нарвала листьев. Листья были жесткие, нелегко было искрошить их и стереть, — царевна руки себе изрезала, раньше чем добыла сок. Но как она ему обрадовалась! Натерла тем соком губы, уши и раны царевича, и — о радость! — он открыл глаза, удивленно посмотрел на нее и не смог глаз оторвать от нее, так она была прекрасна. Не могла и она отвести от него взора — так прекрасен был он.

Наконец, царевна сказала:

— Ты удивляешься тому, что видишь? Ты не знаешь меня. Я царевна Пять Цветков, и я твоя жена.

— Царевна, неужели это и вправду ты? — отозвался он. — Ты была жестока, очень жестока ко мне.

— Знаю, знаю, я виновница твоей смерти. Но теперь я вернула тебя к жизни. Так позабудем старое и пойдем к моим родителям. Они будут рады тебе.

— Нет, — сказал царевич. — Мне надо сперва вернуться домой на время. Лучше пойдем теперь со мной, а потом возвратимся в царство твоего отца.

Пошли они лесом и вскоре пришли к тому месту, где царевича ждали попугаи.

— Наконец-то ты вернулся! — окликнул царевича старый попугай. — А мы ждали, ждали тебя. И как это ты дал себя убить? Забыл, как прыгают, что ли?

— Ты прав; и я виноват перед вами, что заставил вас так долго ждать себя. Но я надеюсь, что ты теперь свезешь меня и жену домой.

— Ладно, — сказал старый попугай, — свезем, только сперва покушайте хорошенько, ведь путь через семь морей — далекий путь.

Так они и сделали. Царевич достал пищи и сказал жене:

— Не лучше ли мне полететь одному? Ты очень устанешь.

Но царевна не захотела расставаться с мужем. Они полетели вместе, и она взяла с него обещание, что он никогда не покинет ее.

Когда они прилетели в страну, где правил отец царевича, оказалось, что там произошли большие перемены. Царевич даже не узнал своих родных мест. И решил он сначала отдохнуть несколько дней, а потом пойти все разведать. Тут у супругов родился сын — прекрасный, здоровый мальчик, вылитый отец. Царевич нашел жилье царевне, потом отправился за пищей для нее, обещая вернуться как можно скорее.

Поблизости была деревня, где жили скоморохи и

заклинатели. Там горели костры, и царевич направился к ним за огнем и пищей. Увидели скоморохи царевича, подивились его красоте и решили завлечь его к себе, чтобы он их сопровождал, когда они будут ходить из города в город, и бил в барабан. «Такой красавец, — думали они, — многих зрителей привлечет».

Но царевич не знал их мыслей и вошел в одну из хижин. Там женщина молола зерно.

— Сестрица, дай мне немного рису, — сказал царевич, — и дай мне зажженную лучину.

Женщина дала ему и рису и зажженную лучину, но тайком бросила в огонь щепотку волшебного порошка. Как вдохнул царевич этот дым, так все забыл — и жену, и ребенка, и дорогу, и все, что с ним когда-либо было в жизни. И он остался в той деревне у скоморохов и научился бить в барабан.

А царевна Пять Цветков все ждала и ждала мужа и не могла понять, что с ним сталось. К ночи она обессилела от голода и упала в глубокий обморок.

В тот самый день царица, мать царевича, потеряла ребенка, новорожденного мальчика, и, по обычаю той страны, слуги понесли его в лес хоронить. И вот они вдруг увидели в лесу прекрасную молодую женщину, на вид мертвую, и прекрасного живого мальчика. Мальчика они взяли, отнесли к царице и сказали ей, что по дороге сын ее ожил. Однако царица узнала, что мальчик не ее сын; но он так ей понравился, что она оставила его во дворце, и не подозревая, что приютила своего родного внука.

Тем временем жена дворцового садовника отправилась утром за цветами и нашла в лесу прекрасную молодую женщину в глубоком обмороке и около нее мертвого мальчика. С трудом привела она в чувство молодую женщину. Царевна пришла в себя и спросила:

— Где я? Почему не вернулся мой муж? Кто ты?

— Я не знаю, кто твой муж, — ответила женщина. — Я жена садовника, пришла сюда за цветами и нашла тебя и твоего мертвого ребенка. Пойдем со мной, я позабочусь о тебе.

— Добрая женщина, ребенок этот не мой, — возразила царевна. — Мой ребенок не умер. Он был вылитый отец, гораздо красивее этого ребенка. Мальчик был жив и здоров, значит, кто-то его похитил. Возьми меня теперь с собой, я охотно пойду с тобою.

Жена садовника похоронила ребенка и повела царевну к себе в дом. И там царевна прожила четырнадцать лет, и все эти годы она ничего не могла узнать ни про мужа, ни про ребенка.

А мальчик тем временем рос во дворце и стал прекрасным, сильным юношей. Однажды он проходил мимо дома садовника и увидел царевну Пять Цветков. Мальчик спросил жену садовника, кто эта прекрасная женщина, но садовница притворилась, будто не понимает, о чем он ей говорит. Она сказала, что никакая чужая женщина у нее не живет, и побранила мальчика за то, что он говорит вздор: бедная женщина боялась, как бы не отняли у нее царевну.

А та услышала весь разговор из-за двери, украдкой поглядела на мальчика и подивилась его сходству с царевичем, ее мужем. «А вдруг это мой сын? — подумала она. — Мой сын ведь ровесник этому мальчику». И вот она вышла из комнаты и рассказала мальчику обо всем, что с ней было, а он выслушал ее и пообещал помочь ей отыскать мужа и сына, а потом прибавил:

— Кто знает, может быть, я и есть твой сын.

Затем он побежал к царице и спросил ее:

— Скажи мне, умоляю тебя, правда ли, что я твой сын?

— Что это тебе вздумалось вдруг спрашивать меня об этом, — ответила царица. — Разве я с тобой обращалась не как с сыном?

Но мальчик продолжал настаивать и даже угрожал убить себя, если не получит ответа. Тогда царица рассказала все, как было. А он в свою очередь рассказал ей о том, что слышал от царевны Пять Цветков, и сказал, что она, наверное, его мать. Тут царица послала носилки за царевной, и ее торжественно принесли во дворец и приняли с почетом. После этого стали искать царевича. Посылали и на юг, и на север, и на восток, и на запад, но нигде не могли его найти.

И вот однажды мальчик стал просить царевну рассказать ему подробно, что случилось в тот день, когда исчез его отец, и куда тот собирался идти. И царевна вспомнила, что царевич хотел пойти в деревню скоморохов. Мальчик решил осмотреть эту деревню и ее жителей и спросил царевну, узнает ли она мужа, — ведь прошло уже восемнадцать лет с тех пор, как исчез царевич, а время и болезни могли изменить его до неузнаваемости. Но она сказала, что непременно узнает мужа, ибо каждая черта его запечатлена в ее сердце.

Тотчас послали за всеми жителями той деревни, чтобы они дали представление, и в числе скоморохов был и царевич, — он бил в барабан. Как только царевна его увидела, она сказала сыну:

— Сын мой, вот твой отец!

— Неужели, матушка, этот дикий человек со всклоченной гривой волос — тот, что бьет в барабан, — это и есть мой отец?

— Он самый, сын мой.

Привели царевича, но, кроме жены, никто не узнавал его: лицо у него было исхудалое и все в морщинах, борода и волосы дико всклочены, в носу и ушах

продеты большие кольца, как у плясунов, а одет он был только в простое, грубое шерстяное одеяло. Спрашивали его, не помнит ли он отца, мать, жену, сына, но он ничего не помнил и твердил, что всю жизнь бил в барабан — том-том, там-там.

Молодой царевич велел тотчас запереть всех жителей деревни в тюрьму, чтобы узнать от них всю правду об отце, а к отцу позвал лекарей, и они сказали:

— Этого человека, наверное, одурманили каким-то волшебным зельем, и оно помутило ему разум. Мы немедля начнем лечить его.

И так удачно они его лечили, что к нему вернулась память и он вспомнил все и узнал всех. Особенно он обрадовался тому, что жена его, царевна Пять Цветков, и сын живут в доме его родителей. Царь так обрадовался выздоровлению сына, что принял его ласково и приветливо, а мать сказала ему:

— Ты опять с нами, а с тобой жена и сын. Так не уходи больше никуда! Зачем тебе странствовать?

Но он ответил:

— Мне непременно надо отправиться и привезти сюда мою первую жену, дочь столяра. Ведь она первая приласкала меня на чужбине, благодаря ей я добился царевны Пять Цветков, к тому же в той стране остались мои любимые девятьсот девяносто восемь попугаев, и я должен их всех привезти сюда.

И вот он сел на своих двух попугаев и вскоре вернулся с дочерью столяра и попугаями.

Царь-отец разделил царство между старшим сыном и его братом, младшим царевичем, и завещал им не ссориться. Тем временем царевна Пять Цветков захотела повидать своих родителей и уговорила мужа поехать с нею. Сели они, как прежде, на своих попугаев и полетели.

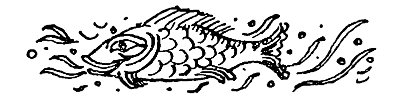
Удивился царь, отец царевны, когда увидел, что к

нему прилетели люди на попугаях, и еще больше удивился, когда узнал, что это его зять и дочь. Ведь он считал, что его зять давно умер, а дочь тоже давно покинула земную жизнь. Велика была радость встречи, и старый царь уговорил зятя занять его престол. Царевич согласился, а брату послал сказать, что уступает ему свое царство.

И вот, после стольких испытаний и страданий, стали они, наконец, жить счастливо, спокойно дожидаясь смерти и памятуя, что всякая встреча есть начало разлуки, а всякая разлука — обещание возможной встречи.

ОТЧЕГО СМЕЯЛАСЬ РЫБА

Жил однажды царь. У него не было детей, и он молился богам о том, чтобы они даровали ему сына, но молитвы не помогали. И вот однажды пошел он на место, где скрещивались четыре дороги, и лег посредине, чтобы люди переступали через него. Долго лежал он так, и много народу переступило через него. Наконец, той дорогой прошел факир, остановился и спрашивает царя:

— О человек, зачем ты здесь лежишь?

— Тысяча человек уже прошла через меня, проходи и ты, — ответил царь.

— А ты кто такой?

— Я царь, о факир. Много стран подвластно мне, и велики мои сокровища, но нет у меня детей. Вижу я, что проступки и грехи мои были многи и велики, и оттого боги не даруют мне детей. И вот я смирился и лег здесь, чтобы люди могли переступать через меня.

Может быть, за смирение мое простятся мне великие грехи мои и будет мне дарован сын.

Факир спросил:

— А если у тебя будут дети, о царь, что отдашь ты мне?

— Чего ни попросишь, факир, все дам тебе.

— Золота и серебра мне не надо, царь, но если по моей молитве у тебя родятся два сына, то одного из них ты должен будешь отдать мне. Вот тебе два плода. Пусть царица съест их, и родятся у тебя два сына Потом я приду к тебе и возьму одного из них, по своему выбору.

— Хорошо, — сказал царь.

Через некоторое время родились у царя два сына, и велел он спрятать их в подземелье и никому не показывать. Так прошли годы, но вдруг однажды явился факир и потребовал царского сына. Велел царь вывести к факиру сыновей двух прислужниц. Пока факир ждал, мимо него проползли два муравья, — а факир был волшебник и понимал язык всех живых существ. И вот один муравей сказал другому:

— Муравей, зачем ты отбираешь от меня рисовое зерно? Я и так хромаю на одну ногу, и мне трудно доставать пищу. С трудом достал я детям одно рисовое зерно, и это единственное зерно ты хочешь отнять у меня. А в подземелье сидят царские сыновья и едят рис. У них ты можешь взять сколько угодно зерен. Так не отнимай у меня единственного моего зерна.

Факир слышал слова муравья, и потому, когда привели сыновей прислужниц, он сразу сказал:

— Царь, это не твои сыновья, вели привести твоих сыновей из подземелья.

Пришлось царю привести своих сыновей, и старшего из них факир увел с собой.

Пришел факир домой и велел царевичу набрать топлива, положить его под котел и разжечь огонь. Все исполнил царевич. Затем факир сказал:

— Подойди к котлу.

Царевич ответил:

— Сперва учитель, потом ученик.

Три раза звал царевича факир, и три раза ученик отвечал то же самое. Рассердился факир, кинулся на царевича, чтобы схватить его, но поскользнулся, упал в огонь и сгорел. Остался на земле только большой ключ от дома факира. Царевич взял тот ключ и отпер дом. А в доме было много пленников, злой факир де-

ржал их взаперти. Царевич же отпустил всех на волю. Еще нашел он в доме двух тигров, двух борзых собак, двух соколов и всех забрал с собой.

Вот подошел царевич к какому-то городу. В лесу, на окраине города, он увидел озеро, и захотелось ему выкупаться. Разделся царевич и снял свою шапку. В это время во дворце, в высокой башне, сидела царевна и смотрела вдаль. Увидела она юношу и заметила на лбу у него знаки царского происхождения, — царевна была мудрая и умела распознавать людей по особым признакам. И решила царевна, что именно за этого человека она выйдет замуж.

Царевич выкупался в озере, привязал своих зверей в лесу и отправился в город. Тем временем царевна пошла к отцу и напомнила ему, что по старинному обычаю их страны царевны сами могут выбирать себе мужей. И вот царевна попросила отца созвать всех жителей города, чтобы она могла выбрать жениха. Царь послал глашатаев созывать народ во дворец.

— Царевна будет выбирать себе мужа! — кричали глашатаи.

Пошел во дворец и царевич, одетый факиром.

Вышла царевна к народу и увидела того, кого заприметила из дворца. А в той стране был такой обычай: когда царевна наметит себе того, кого хочет в мужья, она велит обрызгать его благовониями. Вот и теперь царевна велела своей служанке обрызгать царевича, переодетого факиром.

Удивился народ и стал говорить:

— Наверное, служанка ошиблась!

Но служанка ответила:

— Я-то не ошиблась! А если вышла ошибка, значит, ошиблась моя госпожа.

И выдал царь свою дочь за факира. Он глубоко скорбел об этом, но мысли свои таил в себе.

Однажды царевич-факир стал звать всех царских зятьев на охоту. Дивился народ и спрашивал:

— Что это за факир, который охотится?

Однако все отправились на охоту — посмотреть, что будет, и назначили друг другу встречу у пруда в лесу. А царевич отправился к своим тиграм и собакам и велел им поймать побольше оленей, серн, кабанов. Тигры и собаки повиновались, и царевич первый прибыл к пруду и сложил там груды убитых оленей, серн, кабанов и другой крупной дичи. А все прочие охотники пришли с пустыми руками и подивились счастью царевича.

Вернулись в город, и царевич-факир передал царю всю убитую дичь. Поразился царь, понял, что его зять не простой факир, и спросил его, кто он такой. Царевич признался, что он царский сын. Обрадовался царь и назначил его своим преемником.

Вскоре старый царь умер, а молодой зажил счастливо во дворце со своей женой. Однажды рыбак нес мимо дворца рыбу. Царица позвала его и спросила, какую рыбу он продает. В это время одна рыба подпрыгнула, и царица спросила:

— Что это, самец или самка? Я хочу купить эту рыбу.

Тут рыба засмеялась. Удивилась царица чуду — рыбьему смеху — и смущенная вернулась во дворец. Царь спросил, что с ней.

— Приносили на продажу рыбу, — ответила царица, — и я спросила, самец это или самка, а рыба надо мною посмеялась. Я хочу знать, почему она смеялась. Целый день этим мучаюсь.

— Как? Рыба смеялась? Не может быть, — сказал царь.

— Я в своем уме и говорю о том, что видела и слышала сама, — сердито ответила царица.

— Если так, то я велю узнать, в чем дело, — сказал царь.

Позвал царь своего визиря, дал ему сроку шесть месяцев для ответа и велел узнать, отчего смеялась рыба, а если не узнает — быть ему казненным. Начал визирь допытываться у всех мудрецов и простых людей, но ничего не узнал. Так прошло пять месяцев, и стал он готовиться к смерти, а сына своего послал путешествовать, чтобы избавить его от царского гнева.

Пошел юноша странствовать, и вот повстречался ему по дороге старик крестьянин, и пошли они вместе. День был жаркий, путь длинный и утомительный. Юноша и говорит старику:

— Ты не думаешь, что идти станет гораздо приятнее, если мы по очереди будем один другого нести!

Подивился крестьянин вопросу и сказал:

— Что ты за чудак такой?

Пошли дальше. Видят, хлеба поспели и пробегает по ним рябь, точно по золотому морю. И спросил юноша:

— Что эта нива, съедена или нет?

Не понял крестьянин, ответил:

— Не знаю.

Пришли к большой деревне. Юноша дает старику нож и говорит:

— Возьми его, друг, добудь нам двух коней. Только верни мне нож, он очень ценный.

Опять ничего не понял старик, не взял ножа и только что-то сердито пробормотал. Пришли в город, прошлись по базару, зашли в мечеть, но ни один из жителей с ними не поздоровался, никто их к себе не позвал.

— Какое громадное кладбище! — сказал юноша.

«Что он хочет этим сказать? — подумал старик. — Почему называет большой людный город кладбищем?»

Вышли они из города и дальше пошли кладбищем. Видят, несколько человек молятся у одной могилы и

раздают прохожим съестное на поминовение дорогих своих усопших. Дали кое-чего старику и юноше.

— Что за чудесный город! — сказал тогда юноша.

«Ну, он, наверное, с ума сошел,— подумал старик. — Что-то он теперь скажет? Сушу назовет водой, а воду сушей; светом назовет темноту, а свет темнотой?» Подумал так старик, но вслух ничего не сказал.

Пришлось им вскоре переходить реку. Крестьянин снял обувь и штаны, так как река была глубокая, а юноша как был, так и вошел в воду. Посмотрел на него старик и сказал:

— Такого чудака я сроду не видывал.

Но все-таки юноша ему понравился, и потому он решил пригласить его к себе в дом погостить.

— Спасибо,— ответил юноша,— мне сперва надо узнать, крепка ли балка, что у вас крышу поддерживает.

Старик только рукой махнул, засмеялся и вошел в дом; поздоровался с домашними и говорит:

— Там на поле стоит один человек. Он большую часть пути со мной прошел. Позвал я его к нам в дом, а он, чудак этакий, спрашивает: крепка ли балка, что у нас крышу поддерживает. Впрямь с ума сошел!

— Отец,— ответила ему дочь, а она была великая разумница,— этот человек вовсе не полоумный. Он ведь только хотел узнать, можешь ли ты угостить его.

— Понимаю,— сказал крестьянин.— Но ты, может быть, растолкуешь и другие его речи. Шли мы, а он спрашивает: кому кого нести — мне его или ему меня, потому что так будет веселей идти.

— Конечно, он был прав,— сказала девушка.— Он хотел намекнуть тебе, что одному из вас надо что-нибудь рассказать, чтобы скоротать дорогу.

— Понимаю теперь,— сказал старик.— Потом, когда мы шли по полю со спелой пшеницей, он спросил, съедена ли нива или нет.

— Неужели, отец, ты не понял его слов? Он ведь только хотел знать, что хозяин поля — в долгу или нет. Если он задолжал, то нива для него все равно что съедена, потому что она достанется его заимодавцам.

— Ты права. Я теперь понял. Затем пришли мы с ним в одну деревню. Он дал мне свой нож и поручил достать этим ножом двух коней, а нож вернуть ему.

— И это понятно! Разве две хороших палки не помогли бы вам идти? Ведь это как бы два коня. Он просил тебя срезать две палки и не потерять его ножа.

— Понимаю, — сказал старик. — Потом шли мы с ним городом и не встретили никого знакомого. Никто не дал нам поесть, пока мы не дошли до кладбища. Здесь нас позвали люди и дали еды. Мой спутник город назвал кладбищем, а кладбище городом.

— И это понятно, отец. Ведь городом мы называем место, где все можно достать, а негостеприимные люди хуже мертвецов. Негостеприимный город был для вас словно мертвый, хоть он и полон народа; а на кладбище, где лежат мертвецы, радушные люди угостили вас.

— Правда, правда! — сказал старик. — И еще: мы только что переходили реку вброд, — так он перешел ее не раздевшись и не разувшись.

— Дивлюсь его разуму, — сказала девушка. — Я часто думала, как глупы люди, которые входят босиком в быструю реку, — ведь на дне у нее острые камни. Умный он человек! Хотела бы я видеть твоего спутника и поговорить с ним.

— Хорошо, пойду позову его.

— Скажи ему, отец, что балки у нас крепкие; он тогда придет. А я пошлю ему подарок, — пусть знает, что нам есть чем угостить его.

Девушка позвала работника, дала ему чашку с топленым маслом, двенадцать пирожков и кружку

молока, велела передать все это юноше и сказать: «Друг, теперь полнолуние, в году двенадцать месяцев, а море до краев полно водой».

По дороге работник встретил сынишку и дал ему отведать еды, потом отдал ее юноше и повторил слова девушки.

Юноша ответил:

— Передай привет молодой хозяйке и скажи ей: луна на ущербе, в году я нашел только одиннадцать месяцев, а море вовсе не полно до краев.

Работник был не умный, слов юноши не понял, но передал их девушке. Так открылось, что поручение он выполнил недобросовестно, за что и был наказан.

Затем юноша вошел в дом к старику, и его приняли как почетного гостя. Тут он все рассказал: и про смех рыбы, и про себя, и о том, что отцу его грозит казнь, и попросил доброго совета.

— Смех рыбы,— сказала девушка,— показывает, что во дворце скрыт мужчина и он злоумышляет против царя,— рыба недаром смеялась, когда царица спросила, самец это или самка.

Обрадовался сын визиря и поспешил домой, чтобы спасти отца. Здесь он передал слова девушки визирю, а тот царю.

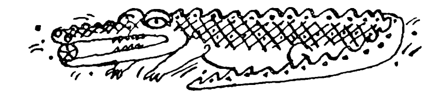
— Не может быть! — сказал царь.

— Нет,— ответил визирь,— дело обстоит так, как я говорю. Мы выроем яму, а ты вели созвать всех женщин во дворце и прикажи им перепрыгнуть через эту яму. Так мы и узнаем, нет ли среди наших женщин мужчины.

Вырыли яму и велели всем прыгать; перепрыгнула только одна женщина,— она-то и оказалась переодетым мужчиной.

Обрадовалась царица, когда узнала, почему смеялась рыба. Визирь был спасен, а сын его женился на умной девушке и зажил с нею счастливо.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПОШЕЛ ИСКАТЬ СВОЮ СУДЬБУ

Жил однажды человек. Была у него жена и двенадцать человек детей, а денег — ни одной рупии. Дети плакали от голода, а родители не знали, что делать. Рассердился человек на бога и пошел искать свою судьбу. В лесу он встретил верблюда с двумя мешками золота. Верблюд этот принадлежал одному царю. Однажды его вместе с другими верблюдами отправили в соседнее царство. И случилось, что утром царские слуги ушли с караваном вперед, а этого верблюда оставили. И странствовал верблюд по лесу двенадцать лет, нося на себе мешки с золотом.

Верблюд спросил бедняка, куда он идет.

— Иду искать свою судьбу, — ответил бедняк, — хочу узнать, почему я такой бедный.

— Узнай тогда, — сказал верблюд, — почему я должен носить эти два мешка с золотом и не могу ни прилечь, ни есть, ни пить, а все хожу да хожу.

— Хорошо, — сказал бедняк, — узнаю.

И пошел дальше.

Пришел он к реке, а в ней жил аллигатор, царь рыб. Аллигатор помог бедняку переправиться, а когда они ступили на берег, спросил, куда он идет.

Человек сказал:

— Иду искать свою судьбу. Хочу узнать, почему я бедный.

— Узнай тогда, — сказал аллигатор, — почему у меня уже двенадцать лет нестерпимо жжет в брюхе.

— Узнаю, — сказал человек.

Шел он, шел и набрел на тигра. Лежит тигр, а лапа у него пронзена громадным шипом.

— Куда идешь? — спросил тигр бедняка.

— Иду искать свою судьбу. Хочу узнать, почему я бедный. Сказали мне, что судьба моя в двенадцати днях от моей деревни, что она лежит на земле и что я должен взять дубину и бить лежачую судьбу.

— Спроси тогда, — сказал тигр, — почему у меня заноза в лапе и не могу я от нее освободиться вот уже двенадцать лет.

— Хорошо, — сказал бедняк и пошел дальше.

И вот пришел он туда, где живут судьбы всех людей. А судьбы эти — камни, и одни из них стоят, другие лежат. Увидел бедняк один лежачий камень и сказал:

— Это, верно, моя судьба! Лежит она на земле, а не стоит, потому я, должно быть, такой бедный.

И принялся он бить дубиной лежачий камень. Бил-бил до самой ночи, а камень все лежал. К ночи бедняк совсем выбился из сил. Тогда бог вдохнул душу в камень, и камень встал и спросил бедняка:

— Почему ты бил меня?

— Потому что ты лежал, а я из-за этого был бедный, жена моя и дети голодали.

— Ну, — сказала судьба, — теперь все переменится.

Бедняк обрадовался и собрался домой, но сначала решил выполнить данные ему поручения.

— Встретил я по дороге верблюда, — сказал он своей судьбе. — Он двенадцать лет бродит с двумя мешками золота на спине и не знает, почему он должен носить эту ношу.

— Возьми себе мешки, — сказала судьба, — и верблюд избавится от ноши.

— Встретил я затем аллигатора, — продолжал бедняк. — Ему хочется знать, отчего у него вот уже двенадцать лет нестерпимо жжет в брюхе.

— У него в желудке громадный рубин, — сказала судьба. — Как только он его выплюнет, перестанет жечь.

— А еще я встретил тигра, — сказал бедняк. — У него лапа пронзена громадным шипом, и он хочет знать, как ему избавиться от этого шипа. Ведь он мучается вот уже двенадцать лет.

— Вытащи шип зубами, — сказала судьба, — тогда тигр навсегда избавится от боли.

После этого судьба бедняка замолчала, потому что бог вынул душу из камня; но камень остался стоять и теперь стоял твердо.

Пошел бедняк обратно домой. Сначала он встретил тигра.

И тигр спросил:

— Что сказала твоя судьба?

— Дай мне твою лапу, — ответил бедняк.

Тигр протянул ему лапу, и бедняк вытащил шип зубами. У тигра сразу же прошла боль. Он горячо поблагодарил бедняка, повел его к себе в пещеру, где было много золота и драгоценных камней, велел ему растянуть большой кусок ткани и насыпал в нее столько драгоценных камней и золота, что бедняк еле смог поднять эту ношу.

Когда бедняк пришел к реке, его встретил аллигатор и спросил, выполнил ли он поручение.

— У тебя в желудке большой рубин, — ответил бедняк, — выплюнь его скорей — и жечь перестанет.

Аллигатор тотчас же выплюнул рубин и сказал:

— Возьми его себе, это очень дорогой камень.

В те времена у каждого раджи был такой рубин.

Бедняк поблагодарил аллигатора, пошел дальше и вскоре встретил верблюда; снял с него мешки и сказал, что теперь он свободен. Верблюд обрадовался, поблагодарил бедняка и подарил ему мешки с золотом, а кроме того, взялся донести ему все его сокровища до дому.

Когда жена и дети бедняка увидели золото и драгоценные камни, они спросили:

— Где ты это достал?

Он рассказал им, как все было. Потом купил себе дом и зажил счастливо и богато.

Другой бедняк услыхал, что его сосед разбогател, и пошел расспросить, где он добыл сокровища. Но сосед не захотел открыть ему тайну своей судьбы, сказал, что вытащил сокровища из воды: черпал воду в реке, а в воде было золото.

Пошел бедняк черпать воду; черпал-черпал, а все без толку.

Испугался аллигатор, царь рыб, что вычерпает он всю воду, и закричал:

— Стой, что ты делаешь? Ты вычерпаешь всю воду из реки, и мои рыбы умрут.

— Мне нужно золото, — сказал бедняк, — а я нигде не могу его найти; вот и хочу вычерпать реку, авось найду золото.

— Подожди, — сказал аллигатор, — перестань черпать воду, и я принесу тебе золота.

Аллигатор нырнул в реку, большая волна выкатилась на берег, и перед бедняком оказалась куча золота. Пошел он домой и спрятал добычу, но он был человек жадный и захотел добыть еще золота. Опять пошел к реке и опять начал черпать воду. Рассердился аллигатор:

— Этак он всех моих рыб переморит! Проглочу его.

Высунул аллигатор голову из воды и проглотил

жадного человека. Четыре дня провел человек в брюхе аллигатора.

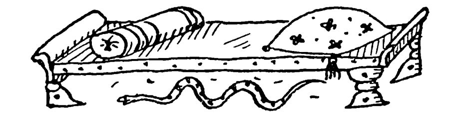
Наконец, аллигатор смилостивился и говорит:

— Я выпущу тебя, но с условием: ты будешь молчать о том, что было. Как только ты кому–нибудь проболтаешься о том, что случилось здесь с тобой, ты умрешь.

Выскочил человек из пасти аллигатора и пошел домой. А дома он сейчас же рассказал обо всем жене и детям. Но не успел он договорить, как стал немым и безумным и тут же умер.

КРОВАТЬ

В одной стране жил некогда хлеботорговец, и был у него сын. Мать и отец очень любили мальчика, усердно работали на него, а он только играл да забавлялся. Не научили его родители никакому ремеслу, да и вообще ничему не научили. Не подумали о том, что после их смерти ему придется работать. Когда мальчик подрос, родители подыскали ему невесту, женили его, и молодые стали жить вместе с ними. Когда же родители умерли, сын с женой некоторое время жил на средства, что оставил им отец, но с каждым днем денег становилось все меньше, и жена все больше тревожилась. Она думала: «Что мы будем делать, когда деньги выйдут? Муж мой ничего не умеет делать».

Заметил муж, что жена грустит, и однажды спросил ее:

— Что с тобой, отчего ты такая грустная?

Она ответила:

— Денег у нас почти не осталось, а ты ничего не умеешь делать. Что с нами будет?

— Не беспокойся, — сказал муж, — вот увидишь, кое-что я все-таки умею делать.

Когда все деньги у них вышли, он взял топор и сказал жене:

— Сегодня я иду на работу, дай мне что-нибудь на обед.

Она очень удивилась. «Какую это он работу станет

делать?» — подумала, но собрала мужу еды, ни о чем его не расспрашивая.

Пошел он в лес и там провел целый день. Все ходил по лесу — то к одному дереву подойдет, то к другому, и каждое спрашивал:

— Можно мне тебя срубить?

Но деревья молчали; и к вечеру он вернулся домой, не срубив ни одного дерева. Жена не спросила его, где он был и что делал, а он ничего ей не сказал.

На другой день он опять взял с собой еду и пошел в лес. И вот он стал ходить по лесу и спрашивать каждое дерево:

— Можно мне срубить тебя?

Но деревья молчали, и он вернулся ни с чем. Так же было и на третий день.

На четвертый день он снова пошел в лес. Деревья все молчали. Стало вечереть, пора уже было возвращаться домой. Но вот подошел он к манговому дереву и спросил:

— Могу я тебя срубить?

И дерево ответило:

— Да. Руби меня.

Боги любили сына хлеботорговца за то, что он был добрый, и потому велели манговому дереву ответить «да» и позволить себя срубить.

Обрадовался сын хлеботорговца, срубил манговое дерево, поднял его и понес домой на голове. Видит жена, что муж возвращается с деревом на голове, и думает: «Зачем это он принес дерево? Что он с ним сделает?» Подумала так, но ничего не спросила.

Наутро молодой человек перенес дерево в дом, попросил жену принести пищи и воды на неделю и затопить печь, потом сказал ей:

— Не входи в эту комнату всю неделю. Не входи, пока не позову.

И заперся он в комнате.

Подивилась жена. «Что может там делать муж?» — думает. Но не решилась ослушаться; целую неделю не входила в комнату.

К концу недели молодой человек смастерил из мангового дерева чудесную кровать. Такой великолепной кровати свет не видывал. И вот позвал муж жену, показал ей кровать и сказал:

— Смотри, какую я вещь смастерил!

— Неужели ты сам сделал эту кровать? — спросила жена. — Я такой чудесной кровати в жизни не видывала.

Весь следующий день муж отдыхал, а потом понес кровать во дворец к царю. Все дивились кровати и спрашивали, кто ее сделал и продается ли она. Но юноша не захотел никому отвечать, сказал, что ответит только самому царю. Пошли слуги к царю, рассказали ему про чудесную кровать и добавили, что тот, кто ее сделал, хочет говорить только с самим царем.

Велел царь позвать к себе сына хлеботорговца и спросил его:

— Кровать твоя продажная?

— Да.

— А кто ее сделал? Кровать отличная.

— Сделал кровать я сам.

— Сколько же ты за нее хочешь?

— Тысячу рупий.

— Дорого, — сказал царь.

— Меньше не возьму.

— Ну, так и быть, дам тебе за нее тысячу рупий.

Взял царь кровать, а юноша и говорит ему:

— Будешь спать на этой кровати — в первую ночь, смотри, не засыпай: ты услышишь нечто и увидишь нечто.

Принес он деньги домой, а жена испугалась; страшно ей стало, а вдруг деньги добыты нечестным путем. Но муж успокоил ее, сказал, что деньги получил от царя за кровать.

В ту ночь лег царь на новую кровать и, как только пробило десять часов, услышал, что одна из четырех ножек кровати говорит трем другим:

— Слушайте все три! Я пойду дозором по царской стране. Стойте крепко, пока я не вернусь; смотрите, чтобы царь не упал.

— Хорошо, — сказали три другие ножки. — Пойди подыши воздухом, а мы будем стоять втроем как вкопанные, пока ты не вернешься.

Тут царь увидел, как одна ножка отделилась от кровати и вышла за дверь.

И вот пришла ножка на большую равнину, а на равнине спорят между собой две змеи. Одна говорит:

— Я укушу царя.

Другая говорит:

— Нет, это я укушу его.

Первая говорит:

— Тебе его не укусить; а я вползу к нему на кровать и укушу.

— Не сможешь, — не отступает вторая змея. — На кровать влезть нельзя. А вот я вползу в царскую туфлю, и когда царь станет надевать ее, я укушу его в ногу.

Тогда ножка вернулась, рассказала трем другим о том, что видела и слышала, и добавила:

— Если царь завтра утром встряхнет туфлю, раньше чем надеть ее, то змея выпадет.

А царь все это слышал.

— Теперь, — сказала вторая ножка, — я пойду дозором по царской стране, а вы стойте крепко, пока я не вернусь.

— Иди, — сказали остальные. — Мы уж позаботимся о том, чтобы кровать не упала.

Пошла вторая ножка дозором и увидела долину, а посреди нее старый царский дворец. Он был почти разрушенный, но стены еще стояли, и ветер, что носился по долине, сказал ножке, что если царь придет в этот дворец и станет его осматривать, то стены рухнут и погребут под собой царя. Вернулась вторая ножка, рассказала остальным о том, что видела, и передала слова ветра.

— Если бы я была царем, — добавила она, — я бы велела тотчас разобрать стены, а то они обрушатся и убьют царя, как только он войдет во дворец.

А царь лежал и все слышал. Он совсем забыл про этот дворец и давно уже не был в нем.

Третья ножка сказала:

— Я пойду дозором, а вы стойте.

И вот пошла она в третью долину, а там жил отшельник. Пищу ему носила жена одного воина. Носила она пищу отшельнику и поучалась у него. Но отшельник сомневался в ней и решил испытать, хорошая ли она женщина. Как-то раз она пришла позже обыкновенного, и он спросил ее:

— Почему ты опоздала?

Она ответила:

— Муж задержал меня.

Отшельник сказал:

— Я твой учитель, ты должна выбрать между нами: кого ты будешь слушаться, его или меня?

Женщина эта была злая; она пошла и убила мужа, потом вернулась к отшельнику и сказала:

— Я послушна тебе. А мужа я убила.

Тогда он сказал ей:

— Уходи, злая женщина! Как могла ты убить мужа?

Значит, напрасно я учил тебя добру. Не люди поступают так, как поступила ты, а только дикие звери. Уходи и никогда не возвращайся ко мне.

Женщина вернулась домой и подняла крик, а когда все соседи сбежались, сказала:

— Смотрите, пришли разбойники и убили моего мужа.

Вернулась третья ножка и рассказала остальным про злую женщину. Царь лежал и слушал.

Пошла теперь дозором четвертая ножка. Пришла она в четвертую долину и видит: собрались воры, принесли на кровати спящую царскую дочь и всю царскую сокровищницу, — они только что ограбили дворец. Побежала четвертая ножка скорее назад и рассказала трем другим о том, что случилось.

А царь все слышал. Он вскочил с кровати, но не забыл встряхнуть туфлю, и из нее выпала змея. Тут он увидел, что первая ножка сказала правду.

Собрал царь стражу и поскакал к той долине, где были воры. Они испугались и убежали. Царь вернул свою дочь и свои сокровища. Видит — четвертая ножка тоже сказала правду.

Тогда он послал каменщиков разобрать старый дворец, и каменщики не мешкали, потому что стены уже готовы были обрушиться. Царь увидел, что и вторая ножка говорила правду.

Наутро царь, по обычаю, пошел судить всех, кто хотел судиться, и ему рассказали, что разбойники убили воина. Но царь уже знал, кто убийца. Он вызвал злую женщину, допросил ее, и она призналась. Царь увидел, что и третья ножка сказала правду. Он велел наказать женщину, а воина похоронить.

Затем царь послал за сыном хлеботорговца и сказал ему:

— Не будь твоей волшебной кровати, я бы погиб: меня укусила бы змея; старый дворец обрушился бы на меня; дочь моя была бы похищена и сокровища мои пропали бы, а злая женщина осталась бы ненаказанной. Приезжай завтра с обозом и возьми у меня денег столько, сколько сможешь увезти до полудня.

Рано утром приехал сын хлеботорговца с обозом и привез домой великое богатство. Жена его дивилась и все повторяла:

— Как искусен мой муж! Одну только неделю он работал и вот сколько заработал!

И жили они потом счастливо и хорошо.

СОДЕРЖАНИЕ

ИНДИЙСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Редактор А. В. Тюрин
Художественный редактор М. К. Гуров
Технические редакторы Г. В. Климушкина
и Н. В. Яшукова
Корректор Г. И. Иванова

Сдано в набор 14.05.92. Подписано к печати 04.12.92. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Гельветика». Высокая печать. Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 6,98. Тираж 100 000 экз. (1 завод — 50 000 экз.) Издание подготовлено к печати на персональных компьютерах. Издательство «Современный писатель», 121069, Москва, ул. Поварская, 11. Тульская типография, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109. Заказ № 267

И 60 ИНДИЙСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ: Проза. Пер. с индийск. — М.: Современный писатель, 1993. — 176 с.

ISBN 5-265-02751-3

Открыв эту книгу, ребенок погрузится в таинственный, загадочный, полный экзотических красок и ароматов мир Востока. Восточные сказки несут древнюю и вечную мудрость, учат доброте, терпению, благородству, учат мягко, иносказательно, на ярких поэтических образах, которые, раз запав в душу ребенка, останутся в ней навсегда.

И $\frac{4703020100-096}{083(02)-93}$ КБ-2-38-92 **ББК 84.5 Инд**

